

«Так некогда поэт...»

Проблемы научной биографии

Пушкина

С. В. Березкина

«Так некогда поэт...»

*Проблемы научной биографии
Пушкина*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПУШКИНСКИЙ ДОМ»

Санкт-Петербург

2010

УДК 882.09 + 92
ББК Ш5(2=Р)5 - 4
К73

Ответственный редактор
канд. филол. наук А. П. Дмитриев

Рецензенты
А-р филол. наук Р. В. Иезуитова
А-р филол. наук В. П. Старк

К73 Березкина С. В.

«Так некогда поэт...»: Проблемы научной биографии Пушкина: Монография. — СПб.: Издательство «Пушкинский Дом», 2010. — 320 с.

ISBN 978-5-91476-004-2

В книге рассматриваются проблемы биографии А. С. Пушкина, связанные с его идеологией. История взаимоотношений с декабристами освещается на материале политических стихотворений поэта середины 1820-х гг. Особое внимание уделено творческой истории стихотворения «Пророк» как одного из самых значительных программных выступлений Пушкина. Развитие религиозных идей, отразившихся в творчестве Пушкина, рассматривается в монографии с привлечением понятий психоанализа, позволяющих понять сложность жизненного пути поэта. С духовным надзором над ним, учрежденным в Михайловском, связан важный этап в религиозном развитии поэта, которому посвящен один из разделов книги. Особенности идеологии Пушкина последних лет его жизни рассматриваются на примере его отношения к одному из самых неоднозначных и сложных событий в русской истории — взятию суворовскими войсками варшавского предместья Прага в 1794 г. Монография углубляет представления о личности поэта и его жизненном пути.

© С. В. Березкина, текст, 2010

© Е. П. Фокина, оформление, 2010

© Издательство «Пушкинский Дом», 2010

Вступление

Настоящая книга писалась в связи с работой по комментированию художественных текстов Пушкина. Комментарий, сопровождающий художественный текст, предполагает решение комплекса проблем историко-литературного, текстологического и реально-исторического характера, а также пересмотр всех известных источников. Наиболее сложные проблемы комментария обусловлены, на наш взгляд, идеологией автора, причем эта область, более чем какая-либо другая, связана с проблемой контекстуализации историко-литературных и биографических материалов. В кругу мировоззренческих проблем нами выбраны — как наиболее значимые — следующие: Пушкин и декабристы, религиозность поэта, Пушкин и идея империи.

Научная биография поэта представляет собой наиболее систематичную отрасль пушкиноведения. Более того, последовательная систематизация имеющихся знаний о Пушкине составляет основную цель прилагающихся в этой области исследовательских усилий. Значима не сумма сведений о том или ином произведении, а их интерпретация и включение в общую систему

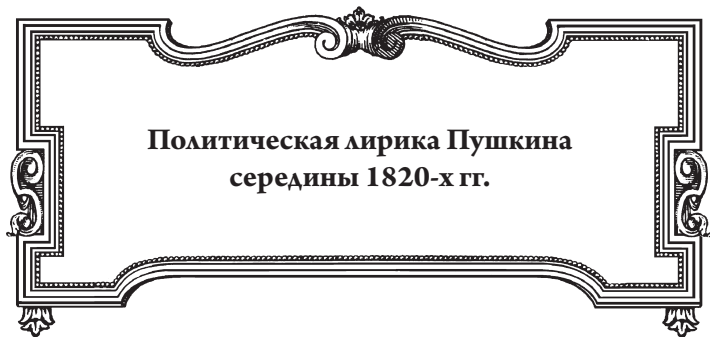
научно-биографических знаний. В настоящий момент едва ли целесообразна систематизация научно-биографических данных о Пушкине в виде повествования (нарратива), поскольку этот жанр тесен для объяснения сложных историко-литературных, в первую очередь идеологических, проблем. Наиболее плодотворной, по-видимому, является работа очеркового типа по научно-биографическим проблемам пушкиноведения, в которой систематизируются имеющиеся данные на фоне обогащенного историко-культурного контекста. Форма исследовательской работы, сочетающая приемы аналитические (с документальными комментированными публикациями), описательные и нарративные, вмещает в себя многочисленные отступления от «линейного» истолкования событий, поскольку интересы науки требуют более детальной проработки тех событий и действий писателя, которые насыщены важным для его развития подтекстом. Событие, а тем более цепь событий, складывающихся вокруг одного проблемного центра, требуют установления множественных причинно-следственных связей, среди которых наиболее значимыми оказываются не хронологически близкие обстоятельства, а долгосрочные системные факторы. Помимо учета строго объективных обстоятельств (историческая необходимость, психологическая конституция, социальная среда) научная биография постоянно создает новые объясни-

тельные структуры, учитывающие неповторимость жизненного пути героя.

Научно-биографическое исследование осуществляется в рамках историзма: это предполагает углубленное изучение, во-первых, творческого наследия поэта, во-вторых, широкого историко-культурного контекста, в-третьих, перспектив событий, раскрывающих динамику культурно-исторических и общественно-исторических перемен. Историко-культурный контекст дает опору для понимания поведения героя отдаленной эпохи. Контекст и источники обеспечивают нужное соотношение между интерпретацией, основанной на теории, и фактами. Поскольку пушкиноведение имеет дело с личностью великого поэта, его научная биография способна стать ярчайшим отражением эпохи, демонстрирующим многообразие человеческого опыта в области культуры, истории общественных движений, социальной истории в целом. Горизонтальные связи между различными сегментами общественно-исторических отношений в научной биографии Пушкина дают многомерное освещение ее проблемно-тематических узлов. Контекстные комментарии демонстрируют интерес и уважение к культурным отличиям различных эпох.

Исследование проблемы в рамках научной биографии проводится в направлении критического анализа многообразных по своему характеру источников. Причинно-следственная интерпретация, выстраивае-

мая в ходе реконструкции события, не может быть бесспорной, поскольку источники, даже во всей своей совокупности, не являются полным его отражением. Существуют факторы, которые оказывают воздействие на событие или цепь событий, но не имеют отражений в источниках. Один из примеров такого рода — причина передачи в 1828 г. дела об «Андрее Шенье» из Правительствующего Сената в Государственный совет, которая не зафиксирована ни в одном из ведомственных документов; другой пример — история последней дуэли Пушкина, так и не вписавшаяся в своем логическом ряду все известные по источникам моменты, поскольку развитие событий вокруг нее включало в себя элемент, граничащий с алогичностью. Картина отдаленного события не вырастает из источника, вышедшего из-под пера стесненного в своем восприятии современника. Не является застывшим и значение источников, как историко-литературного, так и научно-биографического характера, поскольку приоритеты меняются вслед за сменой исследовательских поколений и научно-общественных идеологий. Источники выстраиваются в определенном направлении под воздействием новых гипотез, привлекающих ранее неизвестные или же менее значимые, на предыдущем этапе развития науки, факты и обстоятельства. Новые гипотезы дают ход критике, обнаруживающей перспективы дальнейшего научного развития.

**Политическая лирика Пушкина
середины 1820-х гг.**

Со стихотворениями, в которых Пушкин сделал выпад в адрес представителей высшей российской власти, связан целый ряд проблем как текстологического, так и историко-культурного характера. С начала 1990-х гг. в пушкиноведении стало заметно падение исследовательского интереса к этому кругу произведений поэта. В настоящий момент к ним обращаются, как правило, для того, чтобы внести уточнения оценочного характера, позволяющие снять с того или иного произведения налет идеологизированных концепций. Между тем целостный комментарий всегда дает ценный результат для решения проблем идейной эволюции поэта на материале его острых, злободневных выступлений.

Проблема политической лирики Пушкина середины 1820-х гг. неразрывно связана с рецепцией декабристских идей в творчестве поэта. Ю. Г. Оксман, на-

пример, считал, что «цикл декабристской лирики Пушкина завершается стихотворением „Андрей Шенье“». ¹ Это мнение, несомненно, нуждается в корректировке, поскольку ряд выпадов политического характера в стихотворениях поэта просто не был замечен и по достоинству оценен комментаторами.

В ряде сатирических стихотворений Пушкина был задет Александр I. Отношение к фигуре монарха — главный индикатор умонастроений дворянина, свидетельствующий о характере, степени и пределах его оппозиционности. Пошатнувшийся авторитет монарха влек за собой мысль о конституционном ограничении самовластия и стремление к разделению полномочий по управлению страной.

Сатирические возможности изображения Александра I определялись представлениями Пушкина об идеальном монархе, высшем авторитете самодержавия, и окружающей его придворной знати. Выпады поэта в адрес царя имели в своем подтексте критику внешней политики, системы внутреннего управления России,

¹ Оксман Ю. Г. Политическая лирика и сатира Пушкина // Оксман Ю. Г., Пугачев В. В. Пушкин, декабристы и Чаадаев. Саратов, 1999. С. 73. «Андрею Шенье» принадлежит, несомненно, центральное место в политической лирике Пушкина. В настоящей книге мы не останавливаемся на нем, поскольку «Андрею Шенье» посвящена отдельная наша работа, которая будет опубликована в 2010 г. в журнале «Русская литература».

чиновно-бюрократического аппарата. При негативном отношении поэта к личности Александра I резонен вопрос о существовании в мировоззрении Пушкина преддекабрьского периода идеи «самодержавие выше самодержца», которая, по мнению Е. Н. Марасиновой, была «ведущей мировоззренческой ценностью дворянина».² В михайловский период она существовала лишь в потенции и проявилась впоследствии рядом с Николаем I, благодаря личной симпатии к нему поэта.

* * *

Одно из самых ярких сатирических стихотворений Пушкина сохранилось в списках под разными заглавиями, в самых авторитетных из них оно называется «Ты и я»:

Ты богат, я очень беден;
Ты прозаик, я поэт;
Ты румян, как маков цвет,
Я как смерть и тощ и бледен.
Не имея в век забот,
Ты живешь в огромном доме;
Я ж средь горя и хлопот
Провожу дни на соломе.

² Марасинова Е. Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века: (По материалам переписки). М., 1999. С. 143.

- 10 Ешь ты сладко всякий день,
Тянешь вины на свободе,³
И тебе нередко лень
Нужный долг отдать природе;
Я же с черствого куска,
От воды сырой и пресной,
Сажень⁴ за сто с чердака
За нуждой бегу известной.
Окружен рабов толпой,
С грозным деспотизма взором,

³ Форма множественного числа «вины» преимущественным образом употреблялась Пушкиным в стихотворной речи (единичное исключение см. в стихотворении «Послание к Л. П(ушкину)» («Что же? будет ли вино?...», 1824): «Вина обхожу кругом»). То, что в отдельных копиях «Ты и я» «вины» заменено на «вина», по-видимому, представляет собой ошибку переписчиков.

⁴ Сажень — устаревшая форма родительного падежа множественного числа, употреблявшаяся наряду с формой «сажен» (см.: Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1962. Т. 13. С. 54). Основным источником текста является публикация в изд.: Стихотворения А. С. Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его сочинений: Дополнения к 6-ти томам петербургского издания / Под ред. Русского (Н. В. Гербеля). Berlin, 1861 (далее: *Герб.*), в ней фигурирует именно форма «сажень», которую М. А. Цявловский заменил в публикации стихотворения на «сажен» в изд.: *Акад.* Т. 2. С. 120; то же в текстах изданий *Акад* в 10 т. (оба издания), *Госл. в 10 т.*, *Худ. лит. в 10 т.* Хотя в источниках текста «Ты и я» встречаются обе формы слова, поправка текста *Герб.*, произведенная Цявловским, едва ли может быть признана целесообразной.

Афедрон ты жирный свой
20 Подтираешь коленкором;
Я же грешную дыру
Не балую детской модой
И Хвостова жесткой одой,
Хоть и морщуся, да тру.

В ряде пушкинских изданий 1930-х гг. стихотворение было напечатано в отделе «Dubia». Новая попытка аргументации места «Ты и я» в корпусе приписываемых Пушкину произведений была предпринята Л. С. Салямоном.⁵ Между тем «Ты и я» имеет настолько явные переключки с рядом пушкинских стихотворных и эпистолярных текстов, что о принадлежности ее поэту, как считает В. Э. Вацуру, можно говорить с большой степенью уверенности.⁶ Об автореминисценциях, связывающих «Ты и я» с другими стихами Пушкина, писал В. Ф. Ходасевич в 1924 г.⁷

По содержанию стихотворение может быть датировано предположительно 1819 (?) – 1825 гг. Наиболее вероятным временем написания «Ты и я» является

⁵ См.: Салямон Л. С. Пушкин: «Эпиграмму припишут мне...» // Звезда. 1999. № 6. С. 209–212.

⁶ См.: Вацуро В. Э. Продолжение спора: (О стихотворениях Пушкина «На Александра I» и «Ты и я») // Там же. С. 148–158.

⁷ См.: Ходасевич В. Ф. Поэтическое хозяйство Пушкина. Л., 1924. С. 10, 12–13.

1825 г., поскольку, как писал В. Э. Вацуру, «почти все мотивы и темы, составляющие в совокупности это достаточно сложное для истолкования стихотворение, сходятся, как в едином фокусе, в пушкинской переписке 1825 г.».⁸

В научной литературе о замысле стихотворения высказывались различные мнения. Согласно наиболее распространенному, «Ты и я» представляет собой сатиру на Александра I. В авторитетных изданиях советского времени это толкование сначала принималось в очень осторожной форме;⁹ с большей уверенностью оно заявлено в Указателях имен академического издания (см.: *Акад.* Т. 2. С. 1210; Т. 17 (Справочный).

⁸ Вацуру В. Э. Продолжение спора. С. 157 (подробнее о переключках стихотворения с текстами Пушкина 1825 г. см. ниже). Ср. другие датировки стихотворения: 1818 (издания Г. Н. Геннади (впервые: *Генн.* 1869–1871. Т. 1. С. 506) и П. А. Ефремова (впервые: *Ефр.* 1880. Т. 1. С. 212–213), за исключением *Ефр.* 1903–05); 1818 или 1819 (*Мор.* 1887. Т. 7. С. LVI); 1819 (впервые: *Ефр.* 1903–05. Т. 1. С. 325; то же в изданиях *Венг.*, *КН*, *ГИХЛ*, *Асад.* в 9 т.); 1818–1819 (*Асад.* в 6 т. Т. 1. С. 668); 1819–1820 (*Брюс.* С. 132); июнь (не ранее 11-го) 1817 – март 1820 (*Акад.* Т. 2. С. 1072–1073; примеч. М. А. Цявловского); 1820 (*Госл.* в 10 т. Т. 1. С. 110; *Худ. лит.* в 10 т. Т. 1. С. 111; публ. Т. Г. Цявловской); Б. В. Томашевским стихотворение включалось в отдел стихотворений 1817–1820 гг. (см., например: *Акад.* в 10 т. (2) Т. 1. С. 410).

⁹ Впервые: *Асад.* в 6 т. Т. 1. С. 698.

С. 87), а также в примечаниях к стихотворению Б. В. Томашевского и Т. Г. Цявловской.¹⁰ Источники текста, в которых заглавие дается с элементом обращения его к конкретному лицу (в тетради Александра «К ****» (количество звездочек соответствует количеству слогов в слове «Александр»), в тетради Гаевского «К» — см.: *Акад.* Т. 2. С. 1072–1073), свидетельствуют, что адресный характер сатиры «Ты и я» был живо воспринят читателями «бесцензурных» произведений Пушкина. Первым в печати об адресате сатиры высказался П. А. Ефремов, который дал произведению подзаголовок «На Ал(ександра) П(авловича)».¹¹ Серьезным препятствием к отождествлению героя сатиры с Александром может служить характеристика его как «прозаика». В. А. Сайтанов связывал ее с императорскими манифестами и указами 1812–1814 гг.,¹² хотя, судя по тексту «Второго послания к цензору» 1824 г., Пушкин хорошо знал, что автором их был не Александр I, а А. С. Шишков. Повидимому, «прозаик» в сатире «Ты и я» не соответствует прямому значению слова. Это предположение тем более вероятно, что в России того време-

¹⁰ В изд.: *Акад. в 10 т. (2)* Т. 1. С. 514; *Госл. в 10 т.* Т. 1. С. 572; *Худ. лит. в 10 т.* Т. 1. С. 659.

¹¹ *Ефр.* 1903–05. Т. 1. С. 235.

¹² См.: *Сайтанов В. А. Прощание с царем // Врем. ПК.* Вып. 20. С. 39.

ни, по замечанию В. Э. Вацуро, не было столь богатых, как это описано у Пушкина, литераторов.¹³

Детали стихотворения ясно указывают на исключительное положение его героя: он очень богат, живет «в огромном доме», «окружен рабов толпой», на которых смотрит полным «грозного деспотизма» взором; подобно Александру, герой не хушач и пышет здоровьем. Изображение его жизни в стихотворении «Ты и я» (см.: «Не имея в век забот» и след.) перекликается с представлениями о бытовом поведении царя, отразившимися в «(Воображаемом разговоре с Александром I)» (1825) Пушкина, где на просьбу автора познакомиться с его лучшими произведениями царственный собеседник отвечает: «Помилуйте, А(лександр) С(ергеевич). Наше царское правило: дела не делай, от дела не бегай» (*Акад.* Т. 11. С. 23). «(Воображаемый разговор)» свидетельствует, что замысел образного, с элементами сатиры, противопоставления Александру себя (точнее, своего поэтического «я») у Пушкина в период михайловской ссылки был. Праздность императора неоднократно подчеркивалась Пушкиным в его «бесцензурных» произведениях — см. в «нозлях» «Сказки» (1818) («О, радуйся, народ: я сыт, здоров и тучен (...) Я ел и пил и обещал — / И делом не замучен...» — *ПСС.* Т. 2.

¹³ Вацуро В. Э. Продолжение спора. С. 157.

Кн. 1. С. 32, см. также примеч. на с. 540–541) и в так называемой «десятой главе» «Евгения Онегина», где Александр характеризуется как «враг труда» (*Акад.* Т. 6. С. 521). Молва о том, что «еще в детстве часто журили его за расположение к лени»,¹⁴ была в русском обществе широко распространена.¹⁵ Эти наблюдения позволяют сохранить в комментарии стихотворения «Ты и я» гипотезу об его адресации Александру I на приоритетной позиции, несмотря на те возражения, которые были высказаны против нее Л. С. Салямоном и В. Э. Вацуро.¹⁶

Эпиграмма обнаруживает эмоциональное отчуждение поэта от монарха и его окружения, которое выстраивается как антитеза господствующей этике. В прямой связи с гипотезой об антимонархической направленности стихотворения находится отнесение его в ряде изданий к петербургскому периоду жизни Пушкина. Датировка эта основывается на параллелях, обнаруживаемых при сравнении «Ты и я» с написанным в 1819 г. посланием Пушкина «К Энгельгардту» (в печатной редакции: «N. N.»). Ср.: «Я как смерть и тощ

¹⁴ Ковалевский Е. П. Гр. Блюдов и его время: (Царствование императора Александра I). СПб., 1866. С. 61.

¹⁵ Подробнее об этом см.: *Альтшуллер М. Г.* Между двух царей. Пушкин: 1826–1836. СПб., 2003. С. 33–34.

¹⁶ См.: *Салямон Л. С.* Пушкин: «Эпиграмму припишут мне...». С. 209–212; *Вацуро В. Э.* Продолжение спора. С. 157.

и бледен» («Ты и я») — «Я ускользнул от Эскулапа, / Худой, обритый, но живой» («К Энгельгардту»); ср. также упоминания «чердака», жилища поэта, в ст. 7–8 и 15 «Ты и я» и ст. 8 «Мой угол тесный и простой» в послании «К Энгельгардту», наконец, антимоноархический, как предполагается, образный ряд стихотворения «Ты и я» с выпадом в финале пушкинского послания «К Энгельгардту»: «С тобою пить мы будем снова, / Открытым сердцем говоря (...) Насчет небесного царя, / А иногда насчет земного» (ПСС. Т. 2. Кн. 1. С. 45).¹⁷ Сюжетно-образные параллели с посланием «К Энгельгардту» и в настоящий момент не могут не учитываться в датировке «Ты и я», хотя работа В. Э. Вацуру, выдвинувшая на передний план иной спектр переключек со стихами «Ты и я» в пушкинских текстах 1825 г., внесла свои коррективы в определение времени написания произведения.

Иная, далекая от политической проблематики, гипотеза в связи со стихотворением «Ты и я» развита в статье В. Э. Вацуру, где «прозаик» охарактеризован как «условно-литературный персонаж» (своего рода «не-поэт» или «антипоэт») и «носитель прагматического, материального, „прозаического“ начала»; темой стихотворения исследователь назвал «контраст-

¹⁷ О соотносительности стихотворений «Ты и я» и «К Энгельгардту» см.: Сайтанов В. А. Прощание с царем. С. 39–40.

ное и иронически-озорное противопоставление неслыханной роскоши „Ты“ и полной нищеты „Я“, завершающееся пародийной антитезой запора богача и поноса бедняка и мягкого коленкора и жесткой оды Хвостова, употребляемых для единой цели»;¹⁸ высказыванию исследователя был придан произвольный характер в «Летописи», где, с отсылкой к его статье, утверждается, что адресатом сатиры «Ты и я» был Вяземский.¹⁹

Изображение роскоши богача посредством упоминания о том, как ему свойственно отдавать «нужный долг (...) природе», имеет литературные аналоги. Например, в «Пире Трималхиона» из книги «Сатирикон», приписываемой римскому писателю Петронию Арбитру (Petronius; ?–66), герой, ублажая своих гостей неслыханными яствами, произносит монолог о необходимости отдавать долг природе сразу же, как она этого потребует, причем говорит еще и об особых приспособлениях, которые у него для этого приготовлены; здесь же рассказывается о серебряном ночном горшке Трималхиона, который в банях за ним носит раб. По предположению В. Э. Вацура, роман «Сатирикон» Пушкин знал, по-видимому, уже в Лицее по

¹⁸ Вацура В. Э. Продолжение спора. С. 157–158, 150.

¹⁹ См.: *Летопись* 1999. Т. 2. С. 110, 456–457.

французским переводам.²⁰ В библиотеке поэта было двухтомное французское издание 1694 г. с приложением латинского оригинала.²¹ Слово греческого происхождения «афедрон» употреблено Пушкиным в стихотворении в значении «зад, седалище»,²² хотя буквально оно означало «задний проход». В XVIII в. слово использовалось в книжной речи, в том числе в переводных пособиях по анатомии.²³ Упоминаемый в связи с ним коленкор (от *фр.* *colencar*) — это тонкий индийский ситец.²⁴

Бедность одного из двух героев сатиры — преобразованная биографическая черта, основанная на безденежье, которое особенно мучило Пушкина на юге и затем в Михайловском. Положение поэта отразилось в «Ты и я» в гиперболизированном виде. Образ «бедного поэта», получивший на грани XVIII–XIX вв. романтизированно-возвышенное выражение,²⁵ пар-

²⁰ Вацура В. Э. Продолжение спора. С. 155; см. примеч. к стихотворению «К Лицинию (С латинского)» (1815), где упоминается имя Петрония: ПСС. Т. 1. С. 635.

²¹ См.: Библиотека П. С. 309 (№ 1258).

²² Словарь языка Пушкина: В 4 т. М., 1956. Т. 1. С. 54.

²³ См.: Словарь русского языка XVIII века. Л., 1984. Вып. 1. С. 116.

²⁴ Там же. Вып. 10. С. 89.

²⁵ О теме «бедного поэта» в творчестве лицеиста Александра Пушкина см. примеч. к стихотворению «К другу стихотворцу» (1814) в изд.: ПСС. Т. 1. С. 581.

дирован в стихотворении «Ты и я». По предположению В. Э. Вацуро, ирония, обращенная в «Ты и я» не только на «богатого прозаика», но и на «бедного поэта», была рождена негативной реакцией Пушкина на литературно-эстетическую программу близких декабристскому лагерю авторов с их возвышенно-героическими представлениями о гражданской миссии поэта. Переключка стихов «Ты и я» с написанной в 1825 г. эпиграммой Пушкина «Прозаик и поэт» показывает, по мнению В. Э. Вацуро, что ко времени создания «Ты и я» «оппозиция „прозаик — поэт“ получила художественное оформление и что в этой оппозиции первенство отдано поэту как носителю творческого начала, прозаику недоступного».²⁶

Сатира строится на особой стилистике «физиологизмов», характерной для писем Пушкина и Вяземского 1825 г.: см., например, письмо Вяземского к жене от 15 июля об «испражнениях» как «лучшем, необходимом результате нашей жизни»,²⁷ его стихи к Пушкину «Ты сам Хвостова подражатель...» в письме от 16–18 октября 1825 г. с восхвалениями «нашего навоза» («Ум хорошо, а два так лучше, / Зад хорошо, а три так гуще...»), наконец, развитие Пушкиным темы «праздности поносной» как проявления поэтического вдох-

²⁶ Вацуро В. Э. Продолжение спора. С. 155.

²⁷ ОА. Т. 5. С. 59.

новенья в стихах «В глуши, измучась жизнью постоянной...», сообщенных Вяземскому в письме около 7 ноября 1825 г. Поносы, испражнения и «большая нужда» связывались с именем Хвостова, создавая контекст упоминания его «жесткой оды» в «Ты и я».²⁸ Это было спровоцировано всплеском поэтических «глупостей», т. е. публикаций Хвостова, о которых А. И. Тургенев писал Вяземскому 26 октября 1823 г.: «Он опять становится прелестен».²⁹ Оды Хвостова с характерным для них стечением неблагозвучных слов, усеченных прилагательных и причастий, малоупотребительных слов и словарных форм поражали особой, свойственной только ему какофонией.³⁰ Тема «низкого» употребления оды Хвостова впервые была использована Пушкиным в первой (лицейской) редакции стихотворения «Усы» (1816).

В. А. Сайтанов (со ссылкой на мнение Д. Д. Благого) высказал предположение о том, что для автора «Ты и я» образцом послужили стансы Вольтера «Королю Прусскому по поводу фарфорового бюста, изображаю-

²⁸ См.: Вацууро В. Э. Продолжение спора. С. 157

²⁹ ОА. Т. 2. С. 363.

³⁰ Об отнесении слова «жесткий» в русской поэзии конца XVIII – начала XIX в. к произведениям, перенасыщенным псевдославянской лексикой, см.: Успенский Б. А. Из истории русского литературного языка XVIII – начала XIX века: Языковая программа Карамзина и ее исторические корни. М., 1985. С. 34, 80–88.

щего автора, выполненного в Берлине и присланного его величеством в январе 1775 года» («*Au roi de Prusse sur un buste en porcelaine fait à Berlin, représentant l'auteur, et envoyé par Sa Majesté en janvier 1775*», 1775).³¹ В. Э. Вацуро счел это предположение маловероятным, поскольку «стансы Вольтера (...) не содержат в себе ни малейшей иронии, напротив — это тонкая похвала новому Марку Аврелию, ответный жест старого поэта на столь же галантный жест Фридриха».³²

* * *

Другим ярким политическим произведением Пушкина середины 1820-х гг. является эпиграмма на Александра I:

Воспитанный под барабаном,
Наш царь лихим был капитаном:
Под Австерлицем он бежал,
В двенадцатом году дрожал,
Зато был фрунтовой профессор,
Но фронт герою надоел.
Теперь коллежский он ассессор
По части иностранных дел!

Из литературы по этой эпиграмме следует назвать работы Т. Г. Цявловской, в том числе ее содержатель-

³¹ Сайтанов В. А. Прощание с царем. С. 37–39.

³² Вацуро В. Э. Продолжение спора. С. 150.

ный комментарий в десяти томных изданиях Пушкина,³³ а также полемику на страницах журнала «Звезда» между В. Э. Вацуро и Л. С. Сальямоном, в ходе которой были рассмотрены вопросы как текстологии эпиграммы, так и комментария.³⁴ Текст произведения известен по двум источникам. Они ограничиваются семьей Осиповых-Вульф и свидетельствуют о том, что эпиграмма была создана в годы михайловской ссылки (не позднее получения известия о смерти императора, которое достигло Михайловского на рубеже октября – ноября 1825 г.). «Старшим» источником текста является копия Анны Николаевны Вульф (она не может быть датирована позднее года ее смерти, т. е. 1857-го). Из особенностей копии назовем следующие: заглавие текста — «Послужной список», в ст. 2 четко написанное слово «царь», а в ст. 3 — «Остерлиц» (у Пушкина это написание встречается наряду с «Австерлиц», в отличие от написания «Аустерлиц», которое в пушкинских текстах не выявлено).

Второй источник текста «Воспитанный под барабаном...» — публикация 1867 г., осуществленная

³³ См.: Цявловская Т. Г. «Муза пламенной сатиры» // Пушкин на юге: Труды Пушкинских конференций Кишинева и Одессы. Кишинев, 1961. Т. 2. С. 193–195; *Госл. в 10 т.* Т. 2. С. 687; *Худ. лит. в 10 т.* Т. 1. С. 557.

³⁴ Сальямон Л. С. Пушкин: «Эпиграмму припишут мне...». С. 203–214; Вацуро В. Э. Продолжение спора. С. 142–159.

М. И. Семевским после путешествия в Тригорское в 1866 г. — со ссылкой на Алексея Николаевича Вульфа, который слышал эту эпиграмму «из уст Пушкина».³⁵ Вероятнее всего, его публикация восходит к записи по памяти со слов Вульфа. Из ее особенностей укажем на отсутствие в ст. 2 слова «царь» (оно заменено, конечно же, по цензурным условиям криптонимом «Z ***») и написание в ст. 3 «Аустерлиц», которое портит стих и явно ошибочно; в публикации Семевского заглавия текст не имеет. Из сказанного ясно, что в пушкинских изданиях в качестве источника текста эпиграммы следует брать список Анны Вульф (так считал и В. Э. Вацуро). У эпиграммы должен быть не редакторский («На Александра I»), а свой, «природный», заголовок, соответствующий этой копии, — «Послужной список».³⁶ Между тем редакцией «большого» академического издания он признан не был, поскольку за основу публикации в нем текста «Воспитанный под барабаном...» М. А. Цявловский взял сообщение Семевского (*Акад.* Т. 2. С. 1178). Как можно было аргументировать подобный выбор? Только с помощью фигур умолчания и некоторого камуфляжа. Публикацию Семевского Цявловский охарактеризо-

³⁵ Семевский 2008. С. 186.

³⁶ См.: Березкина С. В. Эпиграмма Пушкина на Александра I «Воспитанный под барабаном...» // *Врем. ПК.* Вып. 30. С. 180–187.

вал как публикацию «копии» Алексея Вульфа без достаточных на то оснований. Характеристика же списка Анны Вульф была дана им с заведомыми искажениями — без слова «царь» (в отделе «Другие редакции и варианты» указывалось, будто бы его в списке вообще не было) и близкого к пушкинскому написания «Остерлиц» (см.: Там же. С. 982).

Неисправность публикации академического издания В. Э. Вацура объяснил тем, что копия Анны Вульф с текстом «Послужного списка» поступила на хранение в Рукописный отдел Пушкинского Дома слишком поздно (не ранее 1948 г. и, между прочим, из собрания Модзалевских), поэтому редакция и не сумела дать должного отражения ее на страницах вышедшего в 1949 г. второго тома. Если бы дело обстояло подобным образом, то поправка к комментарию эпитаграммы и ее тексту попала бы в справочный том академического издания (вышел в 1959 г.). Но этого не случилось. Видимо, редакция академического издания не пожелала брать за основу текста «Воспитанный под барабаном...» копию Анны Вульф. Не было это сделано и Б. В. Томашевским и Т. Г. Цявловской в подготовленных ими авторитетных изданиях Пушкина. Видимо, в глазах членов редколлегии копия Анны Вульф имела серьезные недостатки, не позволявшие выдвинуть ее на передний план. К этим недостаткам относится, во-первых, полное отсутствие в ней знаков препинания

(это было характернейшей особенностью ее письма), вынуждающее обратиться для прояснения этой стороны текста к публикации Семева, а во-вторых — заглавие «Послужной список», о слабой стороне которого Л. С. Салямон заметил: «Милостию Божией цари и императоры Всероссийские не имели послужных списков, необходимых для движения по „Табели о рангах“». ³⁷ Ирония, выраженная в этом замечании, вызвала ответную реплику В. Э. Вацура: «...она показывает, что критик не понял самого существа эпиграммы, где царь представлен именно в роли заурядного чиновника, „капитана“, переведшегося в статскую службу, получив при переводе чин коллежского асессора». ³⁸ Все эти соображения позволяют выдвинуть копию Анны Вульф на приоритетную позицию, изменив тем самым решение академического издания об основном источнике текста эпиграммы.

С текстом эпиграммы связана еще одна проблема. В источниках текста, вышедших из Тригорского, четвертый стих заканчивается словом «дремал», которое при публикации эпиграммы в 1880 г., осуществленной Ефремовым, было заменено словом «дрожал». ³⁹ Публикуя эпиграмму в изданиях Пушкина, Ефремов, по

³⁷ Салямон Л. С. Пушкин: «Эпиграмму припишут мне...». С. 208.

³⁸ Вацуро В. Э. Продолжение спора. С. 147.

³⁹ Ефр. 1880. Т. 1. С. 503.

свойственному ему обыкновению, ссылался лишь на печатный источник — статью Семеvского, не объясняя внесенного им в ее текст изменения. Конъектура Ефремова была принята всеми последующими изданиями, за исключением «венгеровского», 1908 г.⁴⁰ Ее попытался опротестовать Л. С. Салямон,⁴¹ но встретил возражение со стороны В. Э. Вацуру, который писал по поводу решения М. А. Цяvловского, принявшего конъектуру «дрожал» в академическом издании: «Изучивший сотни копий пушкинских стихов, Цяvловский прекрасно знал их типовые ошибки. Одна из наиболее характерных — смешение графически близких написаний. (...) С другой стороны, в стихах Пушкина приблизительная рифма „бежал — дремал“ очень маловероятна. (...) Учитывал Цяvловский и то, что в руках Ефремова были очень авторитетные списки».⁴² Что касается замечания о легкости, с которой переписчики меняли похожие написания, то оно едва ли уместно в комментарии, где речь идет о записях эпиграммы, сделанных копиистами по памяти. Не убеждает и замечание по поводу «малой вероятности» у Пушкина рифмы «бежал – дремал» («бедные» рифмы — не такая уж редкость в творчестве поэта). А вот соображе-

⁴⁰ См.: Венг. Т. 2. С. 258.

⁴¹ См.: Салямон Л. С. Пушкин: «Эпиграмму припишут мне...». С. 207.

⁴² Вацуру В. Э. Продолжение спора. С. 147.

ние об авторитетности источников, которыми располагал Ефремов и которые затем, к великому сожалению не только пушкинистов, но и жуковсковедов, исчезли из научного оборота, заслуживает самого пристального внимания. Вероятнее всего, Ефремов, исправляя четвертый стих эпиграммы «Воспитанный под барабаном...», опирался на какую-то неизвестную и не названную им копию.

Комментируя строку «В двенадцатом году дрожал», Т. Г. Цявловская утверждала: «...имеется в виду испуг Александра I, когда — после известия о пожаре Москвы — он шел (точнее: ехал по улицам Петербурга) в Казанский собор между двух стен грозно молчащего народа».⁴³ Рассказ об этом событии, связанном с молебном в годовщину коронации Александра 15 сентября 1812 г., содержится в воспоминаниях гр. Р. С. Эдлинг (1786–1844), рожд. Стурдза. По ее словам, вид «несметной и мрачно-молчаливой толпы» внушал ужас, от которого подгибались колени.⁴⁴ Л. С. Салямон не без оснований считал, что комментарий Цявловской сделан с большой натяжкой.⁴⁵ Вероятнее всего, «дрожал» в эпиграмме Пушкина характеризует испуг Александра I перед ходом военной кампании

⁴³ Худ. лит. в 10 т. Т. 2. С. 557.

⁴⁴ РА. 1887. Кн. 1. № 2. С. 218–219.

⁴⁵ Салямон Л. С. Пушкин: «Эпиграмму припишут мне...». С. 207.

1812 г., от руководства которой он устранился, идя навстречу пожеланиям своих ближайших сподвижников. Отступление русских войск и сдача Москвы привели к падению личного авторитета Александра и реальной угрозе его смещения с престола: «Вас во всеуслышание винят в несчастье империи, — писала ему вел. кн. Екатерина Павловна, — в крушении всего и вся, в том, что вы уронили честь страны и свою собственную. Предоставляю вам самому судить о положении вещей в стране, где презирают вождя».⁴⁶ На Александра I, которого поддерживали только императрица Елизавета Алексеевна и вел. кн. Екатерина Павловна, с огромной силой давила партия сторонников мира с Наполеоном во главе с вел. кн. Константином Павловичем и вдовствующей императрицей Марией Федоровной; твердость, с которой император отклонял все предложения о подписании мира, А. К. Дживелегов охарактеризовал как «подвиг, почти сверхъестественный».⁴⁷ В советской историографии «пушкинская оценка» деятельности Александра I в 1812 г., данная в эпиграмме, стала, по выражению Н. А. Троицкого, «общепринятой»; полемизируя с ней, исследователь писал о русском императоре: «...может быть, и „дрожал“, но пре-

⁴⁶ Переписка императора Александра I с сестрой вел. кн. Екатериной Павловной. СПб., 1910. С. 83–84.

⁴⁷ Дживелегов А. К. Александр I и Наполеон. М., 1915. С. 207.

возмог дрозь и сполна проявил необходимую в его положении твердость».⁴⁸

Тематика михайловской эпиграммы была предвосхищена рядом более ранних произведений поэта: в лицейской эпиграмме «Двум А⟨лександрам⟩ П⟨авловичам⟩» (1813–1816) он задел полководческие претензии императора, напомнив о поражении «под Австерлицем» (см.: ПСС. Т. 1. С. 308, 787), в «ноэлях» «Сказки» («Ура! в Россию скачет...», 1818) — его дипломатическую деятельность (см.: ПСС. Т. 2. Кн. 1. С. 32), в эпиграмме на А. С. Стурдзу («Холоп венчанного солдата...», 1819) — фрунтоманию царя (см.: Там же. С. 39). В русской поэзии была распространена традиция изображения Александра как внука и питомца императрицы Екатерины II. Характерный пример — обращение к нему, открывающее оду Н. М. Карамзина «Его императорскому величеству Александру I, самодержцу всероссийскому, на восшествие его на престол» (1802): «Воспитанник Екатерины!».⁴⁹ В эпиграмме «Воспитанный под барабаном...» Пушкин отступает от этой традиции, останавливаясь на иной странице биографии Александра. В период ранней юности внука императрица была вынуждена пойти на

⁴⁸ *Троицкий Н. А.* Александр I и 1812 г. // Дом Романовых в истории России. СПб., 1995. С. 164.

⁴⁹ *Карамзин Н. М.* Соч.: В 3 т. СПб., 1848. Т. 1. С. 200.

расширение его контактов с родителями, у которых она его, только что родившегося, фактически отняла. Юный Александр вместе с братом Константином очень много времени проводил при так называемом «гатчинском дворе». С большим увлечением он служил в армии своего отца цесаревича Павла, которая жила совершенно по иным, нежели российская, законам. В Гатчине проводились маневры, парады, учения, причем с интенсивностью, выходявшей за пределы разумного. Об увлечении Александра и Константина службой в армии Павла кн. А. Чарторижский писал в своих воспоминаниях: «Их сравнивали с детьми, играющими в деревянные солдатики».⁵⁰ «Гатчинская армия» была объектом всеобщих насмешек и многочисленных анекдотов. По своему личному составу она характеризовалась с самой невыгодной стороны. По словам Чарторижского, ни один из ее «героев» не оправдал этого имени «в настоящей славе».⁵¹ Н. К. Шильдер справедливо считал, что именно «гатчинская кордегардия» привила Александру такое «зло», как «увлечение фронтом, солдатской выправкой, одним словом, экзерцирмейстерство, парадоманию».⁵² Эта страсть императора

⁵⁰ Мемуары кн. Адама Чарторижского. М., 1912. Т. 1. С. 95.

⁵¹ Там же.

⁵² Шильдер Н. К. Император Александр I, его жизнь и царствование. СПб., 1897. Т. 1. С. 93.

тяготила российское общество. Сатирическое освящение ей дали в своих агитационных песнях К. Ф. Рылеев и А. А. Бестужев.⁵³ П. А. Каховский писал после декабрьского восстания Николаю I о «страсти к фрунту»: «Сие занятие государей наших в глазах всего народа уже сделалось ненавистно. Самые войска чрезмерно тяготея к им и ужасно ропщут».⁵⁴

В «Послужном списке» внимание поэта заострено на дипломатической деятельности Александра I. Пушкин неоднократно прибегал к сатирическим тонам в ее изображении, хотя при этом вполне осознавал масштабы и результативность усилий царя как вдохновителя и активнейшего участника действий Священного союза по подавлению национально-освободительных движений в Европе. Этой стороне деятельности императора он посвятил стихотворение «Недвижный страж дремал на царственном пороге...» (1823–1824), в котором, обращаясь к народам Европы, писал: «Целуйте жезл России / И вас поправшую железную стопу». Изображение Александра как мелкого чиновника «по

⁵³ Об эпиграмме Пушкина и соотносении ее с критикой декабристов в адрес Александра I см.: *Цейтлин А. Г.* Агитационно-сатирические песни Бестужева и Рылеева // Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз. 1950. Т. 9, вып. 6. С. 425–426.

⁵⁴ Из писем и показаний декабристов: Критика современного состояния России и планы будущего устройства / Под ред. А. К. Бороздина. СПб., 1906. С. 14.

части иностранных дел» в эпиграмме «Послужной список» было связано с его неудачей на почве разрешения «восточного кризиса». Он стал следствием разрыва отношений с Турцией в середине 1821 г., когда Россия предъявила Порте ультиматум, требуя прекратить кровопролитие на Балканах. Возникла чрезвычайная ситуация, и Россия на несколько лет оказалась в положении «ни войны, ни мира», поскольку ее готовность предпринять самые решительные действия против Турции наталкивалась на сопротивление европейских держав, боявшихся усиления российского влияния на Балканах. Александр пытался добиться поддержки шагов России по урегулированию положения в Греции со стороны входящих в Священный союз монархов, однако это ему не удалось. Продолжительное кровопролитие в Греции привело к росту общественного недовольства в России. Офицерство начиная с 1821 г. открыто говорило о своей готовности к военному выступлению против Турции. Под воздействием этих настроений актуализировались воспоминания о военных неудачах Александра, которых не могли простить ему современники (см. в эпиграмме: «Под Австерлицем он бежал, / В двенадцатом году дрожал...»);⁵⁵ усилия государя по разрешению

⁵⁵ Ирония Пушкина в отношении поведения Александра I в период наполеоновских войн не вполне оправдана. Он приложил

«восточного кризиса» воспринимались ими как стремление уйти от решительных действий под прикрытием трусливой дипломатической возни.

Для переговоров по вопросу о положении на Балканах в конце 1823 г. была начата подготовка петербургской конференции.⁵⁶ Летом 1824 г. произошла первая встреча уполномоченных представителей союзных держав, а вслед за ней, в феврале – апреле 1825 г., — вторая; обсуждение «восточного кризиса» в рамках петербургской конференции не дало никаких реальных результатов. Предположение о связи эпитаграммы Пушкина на Александра I с итогами петербургской

огромные усилия к созданию Шестой антинаполеоновской коалиции; по мнению Н. К. Шильдера, «без Александра не было бы войны 1813 г.» (*Шильдер Н. К.* Император Александр I... Т. 3. С. 135). В 1813–1814 гг. Александр был в армии, присутствовал на полях сражений, вселяя в союзников твердость в моменты военных неудач. Во время «битвы народов» при Лейпциге и в сражении за Париж Александр проявил и полководческую инициативу и воинскую отвагу.

⁵⁶ О петербургской конференции и «восточном кризисе» см.: Внешняя политика России XIX и начала XX веков: Документы Российского министерства иностранных дел. Сер. 2-я. М., 1982. Т. 5 (13). С. 230–239; Международные отношения на Балканах: 1815–1830 гг. М., 1983. С. 167–173; см. также об интересе Пушкина к «восточному вопросу»: *Мясоедова Н. Е.* Пушкинские замыслы: Опыт реконструкции. СПб., 2002. С. 11–123.

конференции было высказано Т. Г. Цявловской,⁵⁷ которая при этом не выдвинула каких-либо соображений относительно источника сведений о ней ссыльного поэта. В русских газетах сообщений о конференции не публиковалось; в письмах к Пушкину их также не содержится. Какой-то объем сведений о делах в высших сферах власти поэт получил в январе 1825 г. от И. И. Пущина во время его приезда в Михайловское (подробнее см. в следующем разделе). Не исключено, что он мог рассказать Пушкину и о бесплодных усилиях царя по урегулированию положения в Греции, интерес к которой среди членов тайных обществ был особенно острым.

Недовольство действиями правительства в отношении Греции приняло в творчестве Пушкина откровенно сатирические формы, что отразилось в двух его произведениях — эпиграмме «Послужной список» и «Оде его сият. гр. Дм. Ив. Хвостову» (1825).⁵⁸ В «Оде...» Пушкин призывал графа Хвостова заменить Байрона на поприще борьбы греков с турками. Пародия Пушкина имела узколитературное предназначение — показать собратьям-поэтам, ратующим за возрождение на русской почве жанра оды (в первую

⁵⁷ См.: Цявловская Т. Г. «Муза пламенной сатиры». Т. 2. С. 193–195.

⁵⁸ Датируется предположительно концом февраля – апрелем (не позднее 24-го) 1825 г.

очередь это В. К. Кюхельбекер и К. Ф. Рылеев), их неотешительные стилистические перспективы.⁵⁹ Был, однако, здесь и другой подтекст: в условиях, когда русское общество ожидало от правительства самых решительных шагов в отношении Греции, призывание на помощь Хвостова косвенным образом задевало Александра I, бессильно барахтавшегося в дипломатической возне.

Летом 1825 г. Александр I заявил о своем решении действовать самостоятельно, без оглядки на мнения европейских держав. Россия начала подготовку к войне, которая была прервана его смертью и возобновлена в 1827 г. Николаем I. Решение молодого императора начать войну с Турцией, с огромным энтузиазмом встреченное в русском обществе, горячо приветствовал и Пушкин. В одном из донесений 1828 г. Ф. В. Булгарин писал: «Нет сомнения, что все состояния в России желали войны, которая долженствовала освободить

⁵⁹ Литературно-исторический контекст пародии Пушкина на Хвостова проанализирован Ю. Н. Тыняновым в статье «Архаисты и Пушкин» (*Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники*. М., 1968. С. 105–115). См. также: *Худошина Э. И. Структура пародии А. С. Пушкина «Ода... графу Хвостову» // Лирическое стихотворение: Анализ и разборы*. Л., 1974. С. 46; *Макогоненко Г. П. Пушкин и Дмитриев // РЛ*. 1966. № 4. С. 30; *Виноградов В. В. Стиль Пушкина*. М., 1941. С. 499–502; «Арзамас»: Сб.: В 2 кн. М., 1994. Кн. 2. С. 505.

греков из неволи, возвысить достоинство русской политики и показать свету, что Россия выбилась из-под влияния чужеземной политики и действует сама собою, как должно могущественной державе». ⁶⁰ Негодование при виде униженного положения России на международной арене вдохновило Пушкина на создание эпиграммы «Воспитанный под барабаном...». ⁶¹

⁶⁰ Видок Фиглярин. С. 326. Общественное мнение, активно поддерживавшее идею освобождения греков, отражено в выпусках «Секретной газеты», которая посылалась Николаю I в 1828 г. на театр военных действий и в создании которой принимал деятельное участие Булгарин (см.: Там же. С. 275, 326 и др.). В «Кратком обзоре общественного мнения в 1828 г.», предоставленном Бенкендорфом Николаю I, говорилось: «Россия желала войны с Турцией не по политическим расчетам, а из национальных чувств: она столько же желала освобождения Греции, как и своего собственного освобождения от опеки со стороны Австрии, политика коей для нее оскорбительна»; несколько ранее, в отчете за 1827 г., утверждалось, что «участью» греков «интересуется вся Россия» (Красный архив. 1929. Т. 6 (37). С. 157, 146).

⁶¹ В жизни Александра I поэт с похвалой выделял два эпизода — открытие Царскосельского лицея и взятие в 1814 г. Парижа. Именно о них с особой теплотой вспоминал в Михайловском Пушкин, создавая осенью 1825 г. послание к друзьям-лицеистам «19 октября» («Роняет лес багряный свой убор...»): «Простим ему несправое гоненье: / Он взял Париж, он основал Лицей». Создание, с одной стороны, острой эпиграммы на Александра I, а с другой, благодарных стихов о нем в послании «19 октября» дает не редкую для Пушкина картину разноречивых оценок одно-

Встреча с Пуциным в Михайловском 11 января 1825 г. имела в творчестве Пушкина значительный резонанс, и эпиграмма «Воспитанный под барабаном...» — не единственное тому свидетельство. Следы разговоров с Пуциным, как круги по воде, идут по всему 1825-му году. Вероятнее всего, именно сообщение Пуцина послужило толчком к созданию другой пушкинской эпиграммы:

Заступники кнута и плети,
О [знаменитые ⟨?⟩] князь⟨я⟩,
Все наши женщины ⟨?⟩ ⟨и⟩ дети
[Вам благодарны], как ⟨и я⟩ ⟨?⟩.
За вас молить я Бога буду
И никогда не позабуду,

го и того же события или лица в хронологически близких друг другу произведениях. После 1825 г. в творчестве Пушкина продолжали развиваться обе тенденции в изображении Александра I: сатирические потенции реализовались в эпиграмме «К бюсту завоевателя» (1828–1829) и так называемой «десятой главе» «Евгения Онегина» («Властитель слабый и лукавый, / Плешивый щеголь, враг труда, / Нечаянно пригретый славой, / Над нами царствовал тогда...»), положительные — с выделением сильных сторон царствования Александра — в поэме «Медный всадник» (1833), стихотворении «Была пора: наш праздник молодой...» (1836), письме к П. Я. Чаадаеву от 19 октября 1836 г. и др.

Когда ⟨по⟩ делу позовут
Меня на ⟨ ⟩ расправу,
За ваше здравие и славу
10 ⟨ ⟩ мой первый кну⟨т⟩.

Стихотворение Пушкиным не доработано, последний стих не дописан. В. Я. Брюсов ввел в стихотворение конъектуры антимонархической направленности — в ст. 8: «на ⟨царскую⟩ расправу», в ст. 10: «⟨Влетит царю⟩ мой первый кнут». ⁶² В. Ф. Ходасевич писал в 1920 г. в рецензии на том, выпущенный Брюсовым: «Стремление В. Я. Брюсова политически и религиозно „выгородить“ Пушкина перед радикально и не религиозно настроенным читателем проскальзывает во многих местах». ⁶³ Работу Брюсова по «Заступникам кнута и плети» подверг критике П. Е. Щеголев в статье «Поэтические тексты»; ⁶⁴ в авторитетных изданиях 1930-х гг. текст стихотворения, что показана

⁶² Брюс. С. 256.

⁶³ Цит. по: Ходасевич В. Ф. Пушкин и поэты его времени: В 3 т. / Под ред. Р. Хьюза. Berkeley: Berkeley Slavic Specialties, 1999. Т. 1. С. 86 (Modern Russian Literature and Culture, Studies and Texts; Vol. 42). О позиции В. Я. Брюсова, первым из пушкинистов вставшим на путь служения новой власти, см.: Черниговский Д. Н. История изучения политической биографии А. С. Пушкина в литературоведении СССР и русского зарубежья в 1920–1930-е годы. Киров, 2008. С. 28–34.

⁶⁴ См.: Щеголев. Из жизни и творчества П. С. 328.

тельно, был свободен от тенденциозной редакции.⁶⁵ Работа Т. Г. Цявловской в академическом издании, напротив, возвращала стихотворение к антимоноархическим конъектурам, воскрешавшим концепцию Брюсова, — ст. 10: «Я ⟨?⟩ дам ⟨?⟩ царю ⟨?⟩ мой первый кнут» (*Акад.* Т. 2. С. 416); следует сразу же подчеркнуть, что в автографе Пушкина опорных написаний для слов «Я дам царю» нет. Текст академического издания — с небольшими уточнениями — был приведен затем в других пушкинских изданиях.⁶⁶ Позиция Цявловской в вопросе о стихотворении «Заступники кнута и плети...» отражена в ряде ее работ,⁶⁷ о которых с одобрением отозвались Б. С. Мейлах и П. Н. Берков.⁶⁸ Критическую оценку работ Цявловской, связанных с этим сти-

⁶⁵ См., например: *КН.* Т. 1. С. 358.

⁶⁶ См., например: *Акад. в 10 т. (1)* Т. 2. С. 314 (публ. Б. В. Томашевского); *Госл. в 10 т.* Т. 2. С. 522; *Худ. лит. в 10 т.* Т. 2. С. 408 (публ. Т. Г. Цявловской; см. также примеч. на с. 616–617).

⁶⁷ См.: *Цявловская Т. Г. 1*) Из черновых текстов Пушкина. I. Политическая эпиграмма // Пушкин — родоначальник новой русской литературы. М.; Л., 1941. С. 31–36 (здесь впервые предложено чтение слова «князья» в ст. 2, имеющее принципиальное значение для установления адресата); 2) «Муза пламенной сатиры». С. 170–171; 3) «Заступники кнута и плети...»: (Споры вокруг стихотворения Пушкина) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1966. Т. 25, вып. 2. С. 123–133.

⁶⁸ См.: *Мейлах Б. С. Пушкин и его эпоха.* М., 1958. С. 316; *Берков П. Н.* К толкованию стихотворения Пушкина «Заступники

хотворением, дал В. В. Виноградов, который охарактеризовал ее реконструкцию как «субъективную фантазмагоричность». ⁶⁹ Особую позицию в вопросе о стихотворении «Заступники кнута и плети...» занял Б. В. Томашевский, который в последних подготовленных им при жизни изданиях Пушкина печатал текст без антимонархических конъектур. ⁷⁰

Эпиграмма написана в феврале – марте 1825 г. одновременно с элегией «Андрей Шенье» (на полях ее чернового автографа в тетради ПД 835). На это, публикуя эпиграмму, первым указал П. Е. Щеголев. ⁷¹ Его мнение было оспорено Т. Г. Цявловской, полагавшей, что «Заступники кнута и плети...» были созданы Пушкиным через несколько месяцев после записи на л. 63 в тетради ПД 835 черновых стихов «Андрея Шенье». ⁷² Датировка академического издания (8–13 сентября 1825 г. — см.: *Акад.* Т. 2. С. 1166) призвана была под-

кнута и плети...» // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1966. Т. 25, вып. 6. С. 509–513.

⁶⁹ Виноградов В. В. О принципах и приемах чтения черновых рукописей Пушкина // Проблемы сравнительной филологии. М.; Л., 1964. С. 290.

⁷⁰ См.: *Акад. в 10 т. (2)*. Т. 2. С. 311; *Пушкин. Б-ка поэта. 1955*. Т. 3. С. 320. В настоящей работе приведен текст эпиграммы, подготовленный нами для нового академического издания Пушкина.

⁷¹ Щеголев. *Из жизни и творчества П.* С. 325.

⁷² Цявловская Т. Г. Из черновых текстов Пушкина. С. 35.

крепить выдвинутую Цявловской гипотезу об адресации эпиграммы П. А. Вяземскому («князю») и связи ее творческой истории с письмом его к Пушкину от 26 августа – 6 сентября 1825 г., где он увещевал поэта не рваться из михайловской ссылки на волю. Помимо Вяземского, в Указателе имен к «заступникам кнута и плети» (*Акад.* Т. 2. С. 1216) причислены еще П. А. Плетнев и В. А. Жуковский как авторы других эпистолярных увещеваний к Пушкину такого же рода (то же в примечании Б. В. Томашевского в «малом» академическом издании, и первом и втором, собрания сочинений Пушкина). Все эти комментаторские построения, связанные с адресацией эпиграммы «князьям» — Вяземскому, Жуковскому и Плетневу — и соответственной ее датировкой, были перечеркнуты открытием И. Л. Фейнберга, назвавшего подлинных адресатов эпиграммы Пушкина (об этом будет речь ниже).

Ошибочность датировки академического издания была отмечена в работе В. Б. Сандомирской, которая указывала на особо тесное «графическое соотношение между текстами элегии и наброска» «Заступники кнута и плети...» на л. 63 тетради ПД 835.⁷³ Эпиграм-

⁷³ Сандомирская В. Б. «Андрей Шень» // Стихотворения Пушкина 1820–1830-х годов: История создания и идейно-художественная проблематика. Л., 1974. С. 16; см. также: Фоми-

ма написана рядом с черновыми стихами «Андрея Шенье», в которых герой элегии говорит о своей будущей казни и палачах, обращая к ним негодующие призывы и характеристики: «бей», «пей кровь», «мир палачей самодержавных», «презренный зверь», «губитель роковой», «пигмей самодержавный». Пушкин выражает горячее неприятие якобинской диктатуры, жертвой которой стал французский поэт, но при этом, исповедуя прежние идеалы «вольности и закона», готов, подобно ему, «приветствовать бой против „самовластия гордыни“ и „ветхой тьмы предрассуждений“». ⁷⁴ Из этих настроений родился замысел «Заступников кнута и плети...», одной из самых острых политических эпиграмм Пушкина. В ней Пушкин выразил свое отношение к такой стороне российской действительности, как телесные наказания.

С момента воцарения Александра I был предпринят целый ряд шагов по смягчению системы наказаний. В 1817 г. в Москве был создан Комитет об отмене наказания кнутом и вырывания ноздрей; последнее было отменено, кнут же оставлен в российском судопроизводстве до принятия нового Уголовного уложе-

чев С. А. Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 835: (Из текстологических наблюдений) // ПИМ. Т. 11. С. 62.

⁷⁴ Бродский Н. А. Пушкин: Биография. М., 1937. С. 342–343.

ния. В октябре 1824 г. в связи с его обсуждением в Государственном совете проводились прения по вопросу об отмене кнута как орудия казни. Со страстной речью в пользу этого решения выступил адмирал Н. С. Мордвинов: «...европейские народы отменили пытки, истребили они и орудия, коими мучения производимы были. Одна Россия сохранила у себя кнут (<...> коего одно наименование поражает ужасом народ российский и дает повод иностранным заключать, что Россия находится еще в диком состоянии, без просвещения и нравственных понятий о человеке...»⁷⁵ Государственный совет почти единогласно принял решение об отмене кнута, которому сочувствовал Александр I, однако оно не было утверждено, поскольку обсуждение нового Уголовного уложения было остановлено. Кнут как орудие наказания был отменен только после принятия Уложения в 1845 г.

На прениях 1824 г. как подлинники «заступники кнута и плети» выступили князь (братя) Дмитрий Иванович Лобанов-Ростовский (1758–1838), министр юстиции в 1817–1827 гг., и Яков Иванович Лобанов-Ростовский (1760–1831), председатель Департамента законов Государственного совета, член Комитета министров. Адресация им эпиграммы Пушкина установлена

⁷⁵ Архив графов Мордвиновых. СПб., 1902. Т. 5. С. 684. В рукописи датировано сентябрем 1824 г.

И. А. Фейнбергом.⁷⁶ В «Мнении» Д. И. Лобанова-Ростовского, сохранившемся среди бумаг Государственного совета, говорилось о кнуте: «...признавая и сам то орудие жестоким, не могу не находить у нас его народу полезным...»; заканчивалось его выступление словами: «...не отмена кнута нужна, но лучшее только распределение случаев употребления его».⁷⁷

В печати сообщений о прениях Государственного совета не появлялось. Тем не менее они имели резонанс в близких декабристам кругах, заинтересованно следивших за обсуждением вопроса о телесных наказаниях. А. И. Тургенев, знавший о ходе прений в Совете от своего брата Н. И. Тургенева, близкого Мордвинову, записал в дневнике осенью 1824 г.: «Мордвинов! Когда кнут будет у нас лежать с древностями, хотя бы и в Грановитой палате, то имя твоё перейдет в потомство»; и далее: «...а кн⟨язей⟩ Л⟨обановых⟩-Р⟨остовских⟩ герб украсится изображением кнута с девизом: близ царя — близ кнута! ⟨...⟩ Историк — ибо подвиги подлости принадлежат иногда истории — объяснит смысл сего девиза!»⁷⁸

⁷⁶ Впервые: Неделя. 1976. № 39, 4–10 октября. С. 10–11; далее ссылки даются на изд.: Фейнберг И. А. Читая тетради Пушкина. 2-е изд. М., 1981. С. 19–34.

⁷⁷ Там же. С. 32, 33.

⁷⁸ Тургенев А. И. Хроника русского. Дневники (1825–1826) / Изд. подгот. М. И. Гиллельсон. М.; Л., 1964. С. 298–299; см. также: Фейнберг И. А. Читая тетради Пушкина. С. 26–28, 33.

Эпиграмма Пушкина содержала угрозу «защитникам» телесных наказаний, т. е. в данном случае братьям Лобановым-Ростовским; в первоначальном варианте им предназначался «удар последнего (вероятно, в российской истории) кнута»:

Не позабудем никогда
()
За ваше светлое здоровье
Удар последнего кнута —

Угроза поэта имела пафосное наполнение, свойственное произведениям высокого гражданского звучания.⁷⁹ Адресация грозных предупреждений тиранам и их приспешникам, рождавшаяся из общего «либералистам» негодования при виде несправедливостей, притеснений, «рабства», характерна для «горячих» сатирических инвектив декабристской эпохи. Поэт верил, что социально опасные деяния должны иметь перед своим лицом когорту готовых к

⁷⁹ С. А. Франк в статье «Пушкин как политический мыслитель» (1937) писал: «Положительные политические идеалы Пушкина (...) не идут далее требования конституционной монархии, обеспечивающей свободу, правовой порядок, просвещение. Но умонастроение его (...) проникнуто моральным негодованием против власти и в этом смысле носит отпечаток политического радикализма» (Пушкин в русской философской критике: Конеч XIX – первая половина XX вв. / Сост., вступ. ст. и коммент. Р. А. Гальцевой. М., 1990. С. 401–402).

кровавому отмщению судей. В 1825 г. эти по-молодому рискованные мысли уживались в нем с реальными представлениями о терроре. Автограф эпиграммы, в которой Пушкин угрожает «заступникам кнута и плети» расправой, соседствует со стихами «Андрея Шенье», живописующими кровавый ужас диктатуры Робеспьера. В александровскую эпоху революционный радикализм, свидетельствующий о расколе господствующего сословия, находил в душе поэта сочувственный отклик.⁸⁰ Выражением радикальных настроений в творчестве Пушкина являются такие стихотворения, как «Холоп венчанного солдата...» (эпиграмма 1819 г. на А. С. Стурдзу, пророчащая ему «смерть немца Коцебу»), «Кинжал» (1821), «Заступники кнута и плети...»; к этому ряду следует добавить приписываемые Пушкину эпиграммы «В столице он — капрал, в Чугуеве — Нерон...» (она заканчивается характеристикой Аракчеева: «Кинжала Зандова везде достоин он») и «Мы добрых граждан позабавим...» (ее финал: «Кишкой последнего попа / Последнего царя удавим»)⁸¹. Подобная направленность

⁸⁰ Об использовании декабристами образов и понятий, связанных с Великой французской революцией, см.: *Одесский М. П., Фельдман Д. М. Поэтика террора и новая административная ментальность: Очерки истории формирования.* М., 1997. С. 86–102.

⁸¹ По воспоминаниям Н. И. Греча, «Рылеев, раздраженный верноподданическими выходками газеты, сказал однажды Булгари-

творческих усилий не прошла для поэта бесследно: на этой социально-психологической почве впоследствии развивался его конфликт со светской средой и чиновно-бюрократической верхушкой.

Эпиграмма «Заступники кнута и плети...» — подлинно декабристское произведение и по своему звучанию, и по своей тематике. Внимание Пушкина к телесным наказаниям обострилось на юге, в декабристском окружении. В письме от 2 января 1822 г. он с удовлетворением сообщал П. А. Вяземскому об отмене палок в дивизии, которой командовал М. Ф. Орлов. В эпиграмме 1825 г. с предельной резкостью выразилась ненависть Пушкина к «заступникам кнута» и предчувствие близости сведения с ними счетов. Оптимистический взгляд на будущее тайных обществ Пушкину при встрече в Михайловском 11 января 1825 г. сумел передать И. И. Пущин, который, по-видимому, и был для него источником сведений об осенней сессии Государ-

ну: «Когда случится революция, мы тебе на "Северной пчеле" голову отрубим!» (Греч Н. И. Записки о моей жизни. М.; Л., 1930. С. 694). Свидетельство Греча, позднейшее по своему характеру, подтверждается высказыванием самого Булгарина, найденным среди его агентурных записок 1826–1827 г.: «Мы когда-нибудь отрубим тебе голову на „Северной пчеле“» (Видок Фиглярин. С. 75, 245).

ственного совета 1824 г.⁸² От него автор эпитаграммы «Заступники кнута и плети...» мог воспринять победительно-уничижительные интонации в отношении таких столпов александровской России, как Лобановы-Ростовские. Задачи, которые ставили перед собой декабристы (а среди них была и отмена телесных наказаний как один из элементов реформы судопроизводства), вызывали у Пушкина горячее сочувствие.

Совершенно недвусмысленно в эпитаграмме прозвучала убежденность поэта в том, что ему обеспечено участие в «расчете» с «заступниками кнута и плети», — см. черновые варианты седьмого стиха: а. «Когда ⟨по⟩ делу⁸³ позовут»; б. «Как для расправы позовут». Уверенность автора в том, что его позовут и для «дела» и для «расчета», имеет важный биографический аспект. Он связан с одним из самых спорных вопросов пушкинской биографии: посылал ли незадолго до декабрьского выступления Пущин в Михайловское письмо, в котором «извещал» Пушкина о том, что из Москвы он «едет в Петербург и очень бы желал увидеться там с Александром Сергеевичем», — об этом, опираясь на рассказы Льва Пушкина, сообщал в своих записках де-

⁸² См.: Шальман Е. С. Пушкин и пушкинисты // *Philologia*: Рижский филологический сборник. Рига, 2002. Вып. 4. С. 118.

⁸³ Т. Г. Цявловская полагала, что это описка и следует читать: ⟨для⟩⟨?⟩ дела (*Акад.* Т. 2. С. 966).

кабрист Н. И. Лорер.⁸⁴ После активного обсуждения его сообщение вошло в научную биографию Пушкина с датировкой «29 ноября – 4 декабря» (написание Пушкиным письма в Москве) и «5–13 декабря 1825» (получение его в Михайловском).⁸⁵ По-видимому, еще до получения этого письма Пушкин, узнав о смерти Александра I, попытался выехать из Михайловского в Петербург, но повернул с дороги назад из-за дурных примет.⁸⁶ В мемуарной литературе сохранилось множество упоминаний, с отсылкой к рассказам поэта, о его попытке выезда в Петербург; исчерпывающий список источников — это свидетельства И. П. Липранди, А. Мицкевича, С. А. Соболевского, М. П. Погодина, П. А. Вяземского, Н. И. Лорера, М. И. Осиповой — и их анализ был дан в работах С. Я. Гессена⁸⁷ и М. А. Цявловского;⁸⁸ к этим свидетельствам следует еще прибавить «билет» от 29 ноября 1825 г. на проезд в Петербург двух крепостных из Тригорского, который

⁸⁴ Мемуары декабристов / Сост., вступ. ст. и коммент. А. С. Немзера. М., 1988. С. 469.

⁸⁵ См.: *Летопись* 1999. Т. 2. С. 101, 456.

⁸⁶ Предприятие датируется 1–2 декабря 1825 г. — см.: Там же. С. 100, 455–456.

⁸⁷ См.: Гессен. С. Я. Пушкин накануне декабрьских событий 1825 года // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936. Т. 2. С. 361–384.

⁸⁸ См.: *Летопись* 1991. С. 577.

был написан Пушкиным и в одном из которых узнаются приметы Пушкина.⁸⁹ Сообщения мемуаристов были еще раз проанализированы Н. Я. Эйдельманом, который, как и С. Я. Гессен, пришел к выводу, что уезжавший из Михайловского Пушкин был вдохновлен рискованными соображениями Пущина о возможности их не санкционированной властями встречи в Петербурге, при этом связи между выездом Пушкина в столицу и предстоящим выступлением заговорщиков он не усматривал.⁹⁰ Эти выводы безупречны, если смотреть на них с точки зрения хронологии событий (соображения о времени подачи Пущиным прошения об отпуске в Петербург и времени отправления им письма к Пушкину с известием о своем выезде туда — все это было, подчеркнем, ранее принятия заговорщиками решения о вооруженном выступлении — подробно рассмотрены в работах Гессена и Эйдельмана). Между тем, если сопоставить сведения о поездке Пушкина и письме к нему Пущина с содержанием эпиграммы на Лобановых-Ростовских (этот аспект был исследователями упущен), то они приобретают особый смысл. Текст «Заступников кнута и плети...» может быть рассмотрен как единственное свидетельство самого Пушкина в пользу того,

⁸⁹ См. об этом: *Документы к биографии*. Т. 1. С. 492–495.

⁹⁰ *Эйдельман Н. Я. Пушкин и декабристы: Из истории взаимоотношений*. М., 1979. С. 281–283.

что и выезд из Михайловского в Петербург, и московское письмо к нему Пушина осуществлялись в виду «дела», предстоящего заговорщикам.⁹¹ Возможно, Пушкин располагал обещанием о том, что он будет ими востребован.⁹² Его мог дать лицейскому другу только Иван Пушин 11 января 1825 г. (если же такого обещания не было, то эпиграмма принимает вид какого-то фанфаронства). Не исключено, что Пушкин знал о возможности выступления в случае смерти императора, о которой существовала давняя, со времен Союза спасения, договоренность между членами тайных обществ.⁹³ Перемена царствования задолго до 14 декабря рассматривалась участниками тайных обществ как наиболее благоприятный момент для открытого выступления.⁹⁴ Любопытно, что на Сенатской площади

⁹¹ К тому же выводу в ходе анализа михайловского эпизода в воспоминаниях Пушина и упоминаний о поездке Пушкина в мемуаристике пришла И. З. Сурат в работе, опубликованной в 1994 г.; см.: Сурат И. З. Пушкин: биография и лирика. С. 113–121.

⁹² О научной полемике по поводу этого эпизода см.: Вацуро В. Э., Мейлах Б. С. Пушкин и деятельность тайных обществ // Пушкин: Итоги и проблемы изучения. С. 176–177; в работе выражено решительное неприятие какой-либо связи между выездом Пушкина и письмом к нему Пушина, при этом не учитывается содержательная сторона эпиграммы поэта о «заступниках кнута и плети».

⁹³ См.: Восстание декабристов. Т. 3. С. 49.

⁹⁴ Подробнее см.: Березкина С. В. К вопросу о взаимоотношениях Пушкина с деятелями тайных обществ (на материале воспоминаний)

весьма активно проявили себя люди, не состоявшие в тайном обществе, а было их около сорока человек.⁹⁵

Вернемся еще раз к финалу недоработанной Пушкиным эпиграммы «Заступники кнута и плети...». Кажется бы, поэт ясно выражает в ней одобрение расправе над «благодетельными князьями», которая рисуется в его воображении. Однако в этой эпиграмме не все столь однозначно. Возможно, она не была дописана Пушкиным потому, что поэт, в ходе работы, изменил ее замысел.⁹⁶ Мысль, которую на последнем этапе

аний И. Пущина о встрече с поэтом в 1825 г.) // 14 декабря 1825 года: Источники. Исследования. Историография. Библиография. СПб., 2005. Вып. 7. С. 491–499. Мнения о том, что у Пушкина были некоторые сведения о планах декабристов, придерживался Г. А. Невелев; см.: *Невелев Г. А. «Истина сильнее царя...»: (А. С. Пушкин в работе над историей декабристов)*. М., 1985. С. 1–72.

⁹⁵ См.: *Пушкина В. А., Ильин П. В. Персональный состав декабристских тайных обществ (1816–1826): Справочный указ.* // 14 декабря 1825 года: Источники. Исследования. Историография. Библиография. СПб.; Кишинев, 2000. Вып. 2. С. 51.

⁹⁶ Эпиграмма писалась тяжело и изменение ее замысла нашло отражение в трех местах автографа. На левом поле автографа «Андрей Шень» Пушкин записал первоначальный вариант эпиграммы, затем почти полностью ее зачеркнул и нарисовал длинную плавную линию, напоминающую стрелку и ведущую к правому полю листа. Здесь он заново написал второе четверостишие. Последний стих эпиграммы Пушкин не дописал и оставил весь текст ее без обработки. На наш взгляд, он это сделал потому, что

Пушкин хотел вложить в эпиграмму, можно выразить так: «Когда-нибудь меня позовут для расправы с вами, а пока же вот вам от меня первый кнут». Это и была эпиграмма поэта, символизирующая его сатирический выпад против «защитников кнута и плети».

* * *

Пушин оказал будоражащее действие на музу Пушкина. Он окрылил ее надеждой на участие в общем деле, придал новый оптимистический импульс. Разговоры такого рода остались, по понятным причинам, за пределами пушинских «Записок». Однако о том, что они были, свидетельствуют произведения Пушкина, в которых он с новым воодушевлением откликнулся на идеи, близкие кругу его друзей-декабристов.

Программным сатирическим произведением Пушкина этого периода, обобщающим идейно-тематический диапазон его эпиграмм, было стихотворение «О муза пламенной сатиры!...»:

О муза пламенной сатиры!
Приди на мой призывный клич!
Не нужно мне гремящей лиры,
Вручи мне Ювеналов бич!

еще раз забраковал замысел произведения. О причинах этого можно лишь догадываться, но одно несомненно: читать кому бы то ни было такую эпиграмму было бы для поэта самоубийственным делом.

- Не подражателям холодным,
Не переводчикам голодным,
Не беззащитным рифмачам
Готовяю язвы эпиграмм!
Мир вам, несчастные поэты,
10 Мир вам, журнальные клеветы,
Мир вам, смиренные глупцы!
А вы, ребята подлецы, —
Вперед! Всю вашу сволочь буду
Я мучить казнию стыда!
Но если же кого забуду,
Прошу напомнить, господа!
О, сколько лиц бесстыдно-бледных,
О, сколько лбов широко-медных
Готовы от меня принять
20 Неизгладимую печать!

Стихотворение, при жизни Пушкина не печатавшееся, дошло до нас в копиях. В академическом издании текст напечатан М. А. Цявловским с пробелом после девятого стиха, который в нем заменял два якобы не сохранившихся стиха Пушкина (см.: *Акад.* Т. 2. С. 468). Пробел был дан в соответствии с гипотезой С. М. Бонди, считавшего, что стихотворение Пушкина написано в форме «онегинской строфы».⁹⁷ Две

⁹⁷ См.: Бонди С. М. Три заметки о Пушкине // Пушкинист: Пушкинский сборник памяти С. А. Венгерова. М.; Пг., 1922. Т. 4. С. 47–49.

пробельных строки после ст. 9 позволяли «восстановить» только первую «онегинскую строфу», поскольку вторая, в виде двух четверостиший, могла представлять «онегинскую строфу» лишь в качестве ее начального фрагмента (об этом говорилось в примеч. Цявловского — см.: *Акад.* Т. 2. С. 1177).⁹⁸ «Восстановленный» — с пробелом после девятого стиха — текст стихотворения «О муза пламенной сатиры!..» не был повторен ни в одном из авторитетных изданий Пушкина.⁹⁹ При этом Т. Г. Цявловская, продолжавшая настаивать на рождении стихотворения в лоне «онегинских строф», допускала «мысль, что при отделении текста от „Евгения Онегина“ Пушкин сам нарушил строфу, вычеркнув» из нее два стиха.¹⁰⁰

Гипотеза московских пушкинистов о присутствии «онегинской строфы» в тексте «О муза пламенной сатиры!..» не имеет оснований, поскольку стихотво-

⁹⁸ Еще одну попытку представить текст стихотворения «О муза пламенной сатиры!..» в виде двух не дописанных поэтом «онегинских строф» см.: *Набоков В. В.* Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин» / Пер. с англ. СПб., 1998. С. 355–356.

⁹⁹ См.: *Акад. в 10 т. (2).* Т. 2. С. 359 (публ. Б. В. Томашевского); *Госл. в 10 т. Т. 2.* С. 122; *Худ. лит. в 10 т. Т. 2.* С. 240 (публ. Т. Г. Цявловской).

¹⁰⁰ *Цявловская Т. Г.* «Муза пламенной сатиры». С. 154; см. также: С. 151, 153, 164.

рение представляет собой достаточно стройное со стороны строфики целое и не нуждается в дополнениях: это пять четверостиший с повторяющейся рифмовкой в строфах 1, 4 и 2, 3, 5.

Публикуя стихотворение, П. В. Анненков отнес его без какой-либо аргументации к 1830 г.¹⁰¹ В авторитетных изданиях Пушкина 1930-х гг. оно датировалось 1821 – июнем 1824 г.;¹⁰² в одном из них давалось и обоснование этой датировки, впрочем, ошибочное — «по положению в тетради Каверина»;¹⁰³ между тем в этой тетради текст «О муза пламенной сатиры!..» находится после списков послания Пушкина «К Чадаеву» («Любви, надежды, тихой славы...», 1818) и стихотворения Беранже, помеченного июлем 1825 г.,¹⁰⁴ перед «Элегией на смерть Анны Львовны», созданной Пушкиным и Дельвигом в апреле 1825 г. Положение в тетради Каверина, а также помета под копией в ней стихотворения «О муза пламенной сатиры!..» («1 августа 825») дают перевес в сторону 1825 г.¹⁰⁵ Между тем в академическом издании (*Акад.*

¹⁰¹ *Анн.* Т. 7. С. 1061-й паг.

¹⁰² Впервые: *КН.* Т. 2. С. 327.

¹⁰³ *Акад.* в 6 т. Т. 1. С. 727.

¹⁰⁴ См.: Щербачев Ю. Н. *Друзья Пушкина*. М. А. Щербинин и П. П. Каверин. М., 1913. С. 119.

¹⁰⁵ Из предположительной датировки стихотворения нельзя исключить и более ранний период, а именно вторую половину

Т. 2. С. 1178) оно было датировано маем 1823 – первой половиной 1825 г. Поскольку, определяя время создания произведения, Цявловский исходил из предположения об «онегинской строфе», легшей в основу его строфической структуры, он взял в качестве нижней границы датировки начальный момент работы Пушкина над «Евгением Онегиным» — май 1823 г. Подробно вопрос о времени создания стихотворения был рассмотрен Т. Г. Цявловской, которая считала, что оно было создано летом или в начале осени 1824 г.;¹⁰⁶ эта датировка аргументировалась ею на основе использованного в стихотворении выражения «журнальные клеветы», которое, по мнению Цявловской, вошло в активный литературный оборот в 1824 г. благодаря полемике вокруг поэмы Пушкина «Бахчисарайский фонтан». Этот вывод, однако, опровергается примерами из произведений более раннего периода Е. И. Кострова, К. Н. Батюшкова и В. А. Жу-

1824 г. — по упоминанию Пушкиным в стихе шестом «переводчиков голодных», возможно, навеянному контрафакцией Е. И. Ольдекопа. Его издание поэмы «Кавказский пленник» с параллельным немецким и русским текстом вышло в начале июня 1824 г. и вызвало острую реакцию со стороны Пушкина. На возможность соотнесения датировки стихотворения с изданием Ольдекопа указано в изд.: *Летопись 1991*. С. 675 (примеч. Т. Г. Цявловской, со ссылкой на мнение Е. С. Шальмана).

¹⁰⁶ См.: Цявловская Т. Г. «Муза пламенной сатиры». С. 147–160.

ковского, которые приведены в статье В. В. Виноградова «Об экспрессивных изменениях значений и форм слов».¹⁰⁷

Стихотворение написано в традициях гражданской лирики 1810–1820-х гг. Исследователями отмечалась близость взглядов Пушкина на сатиру, выраженных в стихотворении «О муза пламенной сатиры!...», с позицией авторов агитационных декабристских песен А. А. Бестужева и К. Ф. Рыльева.¹⁰⁸ С. М. Бонди, вводя стихотворение в орбиту связанных с «Евгением Онегиным» текстов, утверждал, что оно делает более понятными первые отзывы поэта о романе, например, в письме к А. И. Тургеневу от 1 декабря 1823 г.: «Я на досуге пишу новую поэму (<...> где захлебываюсь желчью» (*Акад.* Т. 13. С. 80); в письме к Л. С. Пушкину от середины января – начала февраля 1824 г., о Н. Н. Раевском: «Он ожидал от меня романтизма, нашел сатиру и цинизм» (Там же. С. 87). Сатирические тенденции в главе первой своего романа Пушкин подчеркивал и в предисловии к ней в издании 1825 г. О сатирических замыслах, связанных с изображением своих недругов в «Евгении Онегине», Пушкин упоминал и в 1825 г. (в связи с Ф. И. Толстым-

¹⁰⁷ Советское славяноведение. 1968. № 4. С. 3–4.

¹⁰⁸ См., например: *Плоткин А. А.* Литературные очерки и статьи. Л., 1958. С. 212–214.

«Американцем»), и в 1828 г. (в связи с И. Е. Великопольским). Несмотря на соприкосновение отдельных сторон замысла романа и его творческой истории с тематикой стихотворения «О муза пламенной сатиры!..», оно, вероятнее всего, имело вполне самостоятельное значение. Предположение Т. Г. Цявловской о том, что «эти стихи написаны в связи с каким-то замыслом нового поворота в романе или, вернее, в качестве лирического отступления»,¹⁰⁹ представляется мало обоснованным.

По мнению Цявловской, в тексте «О муза пламенной сатиры!..» Пушкиным был сделан выпад против высших представителей российской власти.¹¹⁰ Предложенная ею трактовка не свободна от преувеличений социологизированного характера, поскольку в письмах и произведениях, написанных почти одновременно со стихотворением «О муза пламенной сатиры!..», угрозы от лица поэта-эпиграмматиста раздавались и в адрес его ближайшего в прошлом приятельского круга. Однако в целом адресация стихотворения «О муза пламенной сатиры!..» фигурам, значительным в российском обществе, представляется достаточно очевидной. Раздражение поэта вызывают отдельные представители чиновно-бюрократической элиты, неприязнь к

¹⁰⁹ Цявловская Т. Г. «Муза пламенной сатиры». С. 164.

¹¹⁰ См.: Там же. С. 175.

которым переносится в целом на правительственную верхушку. В ст. 5–11 автор сознательно отстраняется от своих литературных врагов («подражателей», «переводчиков», «рифмачей», «журнальных клеветов») как потенциальных жертв поднятого им «бича» сатиры. Те, кому он угрожает в своих стихах, несомненно, опасны, поскольку они не похожи на «смирненных глупцов» от литературы. Стихотворение «О муза пламенной сатиры!..» создавалось под впечатлением тягостных жизненных обстоятельств сосланного поэта, перед лицом неутомимых в преследовании его и могущественных врагов. Впоследствии В. А. Жуковский писал А. Х. Бенкендорфу в феврале – марте 1837 г. о пушкинских сочинениях, распространявшихся в рукописях, что они были написаны поэтом, «раздраженным» выпавшим на его долю несчастьем.¹¹¹

Пушкин неоднократно заявлял в своих произведениях о готовности прибегнуть к грозному оружию Ювенала (ок. 60 – ок. 127), римского поэта, автора популярнейших в мировой литературе сатир: «Свой дух воспламеню жестоким Ювеналом, / В сатире праведной порок изображу / И нравы сих веков потомству обнажу» (стихотворение «К Лицинию (С латинского)», 1815 — ПСС. Т. 1. С. 104); «Хочу воспеть Свободу миру, / На тронах поразить порок» (ода «Воль-

¹¹¹ Жуковский В. А. Собр. соч.: В 4 т. М.; Л., 1960. Т. 4. С. 623.

ность», 1817 — ПСС. Т. 2. Кн. 1. С. 12); см. также отзывы об одной из сторон поэтического призвания в стихотворениях 1814 г. «К другу стихотворцу» («... как новый Ювенал» — ПСС. Т. 1. С. 26) и «К Б(атюшк) ову» («Иль, вдохновенный Ювеналом, / Вооружись сатиры жалом, / Подчас прими ее свисток, / Рази, осмеивай порок...» — Там же. С. 55). Стихотворение «О муза пламенной сатиры!..» обобщало идейно-тематический диапазон пушкинских эпиграмм, разивших клерикальную реакцию и ханжество, лживость правительственного либерализма, культ казарменной муштры и шагистики, наконец, личную бездарность царя и его вельмож. В стихотворении «Разговор Книгопродавца с Поэтом», написанном в Михайловском осенью 1824 г., Пушкин утверждал: «Поэт казнит, поэт венчает; / Злодеев громом вечных стрел / В потомстве дальном поражает...»¹¹² Эпиграмма, сатира, острый злободневный намек — вот следы бичевания, которые оставляет поэт в биографиях героев своей эпохи.

Отправляя в 1856–1857 гг. М. Н. Лонгинову стихотворение «О муза пламенной сатиры!..», С. А. Соболевский писал о нем: «Пушкин хотел издать особую

¹¹² В этих словах Т. Г. Цявловская видела «принципиальную поддержку поэтом собственного гнева», выраженного «в неистовых выражениях» стихотворения «О муза пламенной сатиры!..» (Цявловская Т. Г. «Муза пламенной сатиры». С. 165).

книжку эпиграмм и приготовил для оной сообщаемое ныне предисловие».¹¹³ О том, что Пушкиным к весне 1825 г. было написано большое количество эпиграмм, свидетельствует и его письмо к П. А. Вяземскому от конца марта – начала апреля 1825 г.: «Изо всего, что должно было предать забвению, более всего жалею о своих эпиграммах — их всех около 50 и все оригинальные...» (*Акад.* Т. 13. С. 160). Это говорит о серьезности усилий поэта-эпиграмматиста, чьи угрозы в адрес недругов не оставались бесплодными. Декабрьская катастрофа 1825 г. привела к пересмотру Пушкиным позиции в отношении сатиры яркого гражданского звучания, к тому же 8 сентября 1826 г. поэт дал государю слово не писать больше противоправительственных стихов. В стихотворении 1828 г. «Поэт и толпа» Пушкин уже открыто заявлял о чуждости ему эстетических идеалов, нацеливавших художника на исправление пороков современного общества.

* * *

В обойму остро-злободневных стихотворений Пушкина входит и эпиграмма «Прозаик и поэт»:

¹¹³ *Беляев М. Д. Соболевский о Пушкине: (Из переписки С. А. Соболевского с М. Н. Лонгиновым) // Пис. Вып. 31–32. С. 44.* Создается впечатление, что эпиграмма «Заступники кнута и плети...» создавалась с учетом уже написанного Пушкиным стихотворения «О муза пламенной сатиры!...».

О чем, прозаик, ты хлопчешь?
Давай мне мысль какую хочешь:
Ее с конца я заострю,
Летучей рифмой оперю,
Вложу на тетиву тугую,
Послушный лук согну в дугу.
А там пошлю наудалую,
И горе нашему врагу!

Рукописи стихотворения до нас не дошли. Пушкин напечатал его в начале 1827 г. на страницах журнала «Московский вестник»; в сборнике 1829 г. он включил его в отдел стихотворений 1825 г. Адресатом эпитаграммы, по-видимому, является Александр Александрович Бестужев (1797–1837), литературный критик, прозаик, издатель (совместно с К. Ф. Рылеевым) альманахов «Полярный звезда» и «Звездочка», член Северного общества.¹¹⁴ По вопросу о замысле эпитаграммы и ее адресате высказывались различные предположения. П. А. Вяземский в своей приписке к статье 1827 г. о поэме Пушкина «Цыганы», сделанной в 1875 г., утверждал, что эпитаграмма «Прозаик и поэт» адресована ему: «Александр Алексеевич Муханов (...) сказал мне однажды (...) что поэт не совсем доволен отзывом моим о поэме его (...) что я не везде с должною внима-

¹¹⁴ Впервые предположение об этом высказано в изд.: Березкина С. В. Александр Бестужев — адресат эпитаграммы Пушкина «Прозаик и поэт» // РЛ. 2003. № 2. С. 60–66.

тельностью обращался к нему, а иногда с каким-то учительским авторитетом; что иные мои замечания отзываются слишком прозаическим взглядом... Между тем Пушкин сам ничего не говорил мне о своем неудовольствии: напротив (...) даже благодарил меня за статью... В то самое время, когда между нами все обстояло благополучно, Пушкин однажды спрашивает меня в упор: может ли он напечатать следующую эпиграмму: „О чем, прозаик, ты хлопчешь?“. Полагая, что вопрос его относится до цензуры, отвечаю, что не предвижу никакого, со стороны ее, препятствия. Между тем замечаю, что при этих словах моих лицо его вдруг вспыхнуло и озарилось краскою, обычною в нем приметкою какого-нибудь смущения или внутреннего сознания в неловкости положения своего... Уже после смерти Пушкина как-то припомнилась мне вся эта сцена. (...) ...я понял, что этот *прозаик* — я, что Пушкин, легко оскорблявшийся, оскорбился некоторыми заметками в моей статье и, наконец, хотел узнать от меня, не оскорблюсь ли я сам напечатанием эпиграммы, которая сорвалась с пера его против меня. Досада его, что я, в невинности своей, не понял нападения, бросила в жар лицо его».¹¹⁵ Недовольство отзывом Вяземского о «Цыганах» подтверждается статьей Пушкина «(Опровержение на критики)» (1830). В ней поэт не без иронии отметил

¹¹⁵ П. в *восп.* 1985. Т. 1. С. 119–120.

совпадение замечания Вяземского относительно «цыганского ремесла» Алеко с мнением «одной дамы» (*Акад.* Т. 11. С. 153). В письме к М. П. Погодину от 31 августа 1827 г. Пушкин, дав высокую оценку литературной критике Вяземского, указал при этом, что она «поверхностна или несправедлива» (*Акад.* Т. 14. С. 341).

Н. О. Лернер в статье «Распутанное недоразумение (О пьесе „Прозаик и поэт“» проанализировал хронологические несообразности свидетельства Вяземского.¹¹⁶ С отрывками, а затем и с полным текстом поэмы Вяземский познакомился еще в 1825 г. (см. его письмо к Пушкину от 4 августа 1825 г. — *Акад.* Т. 13. С. 200). На отдельное издание «Цыган», вышедшее в 1827 г., Вяземский откликнулся статьей, появившейся на страницах «Московского телеграфа» около 25 июня 1827 г.¹¹⁷ В нее вошла лишь часть тех критических замечаний, которые вызвали у Вяземского «Цыганы».¹¹⁸ Между тем эпиграмма Пушкина была разрешена цензурой к публикации в составе № 4 журнала «Московский вестник» 7 декабря 1826 г. Конечно, о замечани-

¹¹⁶ Русский библиофил. 1913. № 7. С. 1–6; перепечатано: Лернер. Рассказы. С. 108–124.

¹¹⁷ П. в критике. Т. 1. С. 456.

¹¹⁸ Полный текст заметок Вяземского, сделанных на книге Пушкина, напечатан в изд.: Мор. 1903–06. Т. 3. С. 628–629; П. в критике. Т. 1. С. 456–458.

ях Вяземского на «Цыганы» Пушкин мог узнать задолго до выхода его статьи. Так считал и М. И. Гиллельсон, писавший по поводу «Прозаика и поэта»: «Скорее всего пушкинская эпиграмма была вызвана каким-то спором между Пушкиным и Вяземским осенью 1826 г. Правда, печатая свою эпиграмму, Пушкин поставил под ней „1825“. Возможно, что эпиграмма действительно была написана в Михайловском и затем применена к Вяземскому».¹¹⁹ Вопрос об адресации «Прозаика и поэта» затронул В. Э. Вацуро, который утверждал, что «Пушкин писал вовсе не против Вяземского, но боялся, что Вяземский примет „прозаика“ на свой счет».¹²⁰ Высказыванию исследователя был придан произвольный характер в «Летописи», где, с отсылкой к его статье, утверждается, что и эпиграмма «Прозаик и поэт», и сатира «Ты и я» (1818(?) – 1825) были направлены против Вяземского.¹²¹ Новые попытки обоснования мнения Вяземского с признанием его в качестве адресата пушкинской эпиграммы были предприняты Д. П. Ивинским и К. Ю. Роговым.¹²²

¹¹⁹ П. в восп. 1985. Т. 1. С. 488.

¹²⁰ Вацуро В. Э. Продолжение спора. С. 158.

¹²¹ См.: Летопись 1999. Т. 2. С. 110, 456–457.

¹²² См.: Ивинский Д. П. Кн. П. А. Вяземский и А. С. Пушкин: Очерк истории личных и творческих отношений. М., 1994. С. 77–80; Рогов К. Ю. Из истории учреждения «Московского вестника» (к проблеме «Пушкин и Вяземский»: осень 1826 года) // Пуш-

Иной подход к решению вопроса об адресате стихотворения «Прозаик и поэт» был предложен Н. О. Лернером, который считал, что эпиграмматист не имел в виду Вяземского. По-видимому, Вяземского ввело в заблуждение то обстоятельство, что в своих письмах Пушкин неоднократно называл его прозаиком, побуждая тем самым к продолжению успешно начатой деятельности критика (см. письма Пушкина к Вяземскому от 1 сентября 1822 г., 6 февраля 1823 г., 14 октября 1823 г. и др).¹²³ Вывод Лернера был принят всеми комментированными изданиями сочинений Пушкина, поскольку с содержательной стороны статья о «Цыганах» никоим образом не согласуется с предложением, прозвучавшим в стихотворении Пушкина, — помочь «прозаику» в написании эпиграммы с целью уничтожения общего «врага». Вяземский и сам был не только блестящим, но и очень плодовитым (причем более плодовитым, чем Пушкин) эпиграмматистом. По мнению Л. Я. Гинзбург, его «подлинное призвание» было связано с эпиграммой.¹²⁴ «Язвительные» стихи Вяземского (только в 1825 г. им было напечатано

кинская конференция в Стэнфорде, 1999: Материалы и исследования. М., 2001. С. 113–114.

¹²³ Лернер. *Рассказы*. С.113–114.

¹²⁴ Вяземский П. А. Стихотворения / Вступ. ст. Л. Я. Гинзбург; Подгот. текста, сост. и примеч. К. А. Кумпан. Л., 1986. С. 8. (Б-ка поэта. Большая сер.).

чуть менее десяти сатирических произведений) Пушкин очень ценил (см. его стихотворение «(Вяземскому)» («Язвительный поэт, остряк замысловатый...»), 1821). Поэтому предложение помочь ему в написании хлесткой эпиграммы было бы большой неловкостью со стороны Пушкина как автора стихотворения «Прозаик и поэт».

По предположению В. Э. Вацуро, эпиграмма «Прозаик и поэт» писалась Пушкиным в пику «декларации приоритета общественной идеи перед поэтической формой», которую активно утверждали в качестве нормы литературной жизни писатели-декабристы.¹²⁵ Вяземский вспоминал, что Пушкин «очень смеялся» над воззванием К. Ф. Рылеева к А. А. Бестужеву в посвящении поэмы «Войнаровский», напечатанном в отдельном ее издании в самом начале 1825 г. (имеются в виду стихи: «Как Аполлонов строгий сын, / Ты не увидишь в них искусства; / Зато найдешь живые чувства: / Я не Поэт, а Гражданин»): «Несмотря на свой либерализм, он говорил, что если кто пишет стихи, то прежде всего должен быть поэтом; если же он хочет просто *гражданствовать*, то пиши прозою».¹²⁶ Насмешки над посвящением «Войнаровского» содержатся в письме Пушкина к Вяземскому от 10 августа

¹²⁵ Вацуро В. Э. Продолжение спора. С. 154–155.

¹²⁶ РА. 1866. № 3. С. 475.

1825 г., где рылеевское изречение сопоставлено со словами «Я не поэт, а дворянин» из эпиграммы Вяземского 1818 г. «Что пользы, — говорит расчетливый Свиньин...» (Акад. Т. 13. С. 204).

В переписке 1825 г. обозначилось расхождение Пушкина с литераторами декабристского лагеря, ставшимися «направить» замысел «Евгения Онегина» в русло гражданского негодования и обличения общественных пороков. После приезда И. И. Пущина в январе 1825 г. в Михайловское активизировалась переписка поэта с А. А. Бестужевым и К. Ф. Рылеевым. По предположению И. Б. Мушиной, поездке Пущина предшествовали его переговоры в Петербурге с деятелями Северного общества, в ходе которых была выработана «определенная тактика агитационно-пропагандистского воздействия на Пушкина».¹²⁷ О поездке Пущина сообщалось в письме Бестужева к П. А. Вяземскому от 12 января 1825 г., где была дана следующая оценка стихов Пушкина, опубликованных в «Северных цветах» на 1825 г. (это «Песнь о вещем Олеге», «Демон», «Прозерпина» и строфы VII–X из главы второй «Евгения Онегина» с характеристикой Ленского): «Пушкин не в своей колее».¹²⁸

¹²⁷ Переписка А. С. Пушкина: В 2 т. М., 1982. Т. 1. С. 434. См. также: *Сурат И. З. Пушкин: биография и лирика.* М., 1999. С. 112–114.

¹²⁸ *Бестужев-Марлинский А. А. Соч.: В 2 т. М., 1981. Т. 2. С. 481.*

Л. Н. Назарова связывала поездку Пушкина с желанием издателей «Полярной звезды» получить от поэта для своего альманаха произведения определенной идейной ориентации.¹²⁹ Это тем более вероятно, что в конце 1824 – начале 1825 г. произошла реорганизация Северного общества, приведшая к образованию, по словам В. М. Боковой, «рылеевской отрасли».¹³⁰ В соответствии с идеями К. Ф. Рылеева изменилась сама кадровая политика обществ, при этом ставка делалась на молодежь, более восприимчивую к либеральным идеям, более пылкую: «По сути, вербовали всякого, до кого могли дотянуться, и, хотя формально предполагалось, что кандидат — честный, бескорыстный человек и самоотверженный патриот, на практике широко использовалась игра на личных мотивах: тщеславии, самолюбии, обиде, карьерных амбициях и т. д.».¹³¹ А. А. Бестужев сообщал на следствии: «Рассудительных брать со стороны доказательств, а пылких блестящими картинами будущего. (...) Честолюбивым оставлять надежду, как они будут славны, а людям, требующим руководителей уже с именем, не обманывая — намекать, что тут есть люди...»¹³² Особое вни-

¹²⁹ ЛН. Т. 59. С. 148.

¹³⁰ См.: Бокова В. М. Эпоха тайных обществ: Русские общественные объединения первой трети XIX века. М., 2003. С. 461–483.

¹³¹ Там же. С. 472–473.

¹³² Восстание декабристов. Т. 1. С. 441.

мание «рылеевцы» проявляли к людям, занимавшимся литературным творчеством.¹³³

В письме от 9 марта 1825 г. А. А. Бестужев писал поэту о первой главе романа: «Что свет можно описывать в поэтических формах — это несомненно, но дали ты Онегину поэтические формы, кроме стихов? поставил ли ты его в контраст со светом, чтобы в резком злословии показать его резкие черты? — Я вижу фронта, который душой и телом предан моде — вижу человека, которых тысячи встречаю на яву... Конечно, многие картины прелестны, — но они не полны, ты схватил петербургский свет, но не проник в него. Прочти Байрона; он, не зная нашего Петербурга, описал его схоже — там, где касалось до глубокого познания людей. У него даже притворное пустословие скрывает в себе замечания философские, а про сатиру и говорить нечего. (...) И как зла, и как свежа его сатира! Не думай, однако ж, что мне не нравится твой „Онегин“, напротив. Вся ее мечтательная часть прелестна... Не отсоветываю даже писать в этом роде, ибо он должен нравиться массе публики, — но желал бы только, чтоб ты разуверился в превосходстве его над другими» (*Акад.* Т. 13. С. 149). Цитата об «Онегине» из письма Александра Бестужева намеренно приведена здесь с максимальной полнотой. В развитие своего взгляда на

¹³³ См.: *Бокова В. М. Эпоха тайных обществ.* С. 475, 546–547.

потребности русской литературы критик вложил столько страсти, что ответная фраза в эпиграмме Пушкина возникает как бы сама собой: «О чем, прозаик, ты хлопчешь?» Вот именно — «хлопчешь»: это единственное слово в «Прозаике и поэте», которое несет на себе некоторую негативную, чисто эпиграмматическую нагрузку в отношении адресата.

24 марта, отвечая на это письмо, Пушкин писал Бестужеву: «Ты говоришь о сатире англичанина Байрона и сравниваешь ее с моею, и требуешь от меня таковой же! Нет, моя душа, многого хочешь. Где у меня *сатира*? о ней и помину нет в „Евгении Онегине“. У меня бы затрещала набережная, если б коснулся я сатире. (...) Ах! Если б заманить тебя в Михайловское» (Акад. Т. 13. С. 155). Образ рушащейся под напором пушкинской сатиры «набережной» был прокомментирован Н. Я. Эйдельманом, который считал, что в письме поэта «речь идет об эпиграммах, „сатирах“, накопленных и готовых к обращению» (на них намекал Пушкин, говоря о желании «заманить» к себе Бестужева): «...если они двинутся, то затрещат (...) царские дворцы и особняки на Петербургских набережных».¹³⁴ По-видимому, в ответ на «хлопоты» Бестужева Пушкиным и была написана эпиграмма, адресованная ему как «прозаику». В эпиграмме Пуш-

¹³⁴ Эйдельман Н. Я. Пушкин и декабристы. С. 293.

кин выразил не только готовность к творчеству в сатирическом роде, но и полную уверенность в сокрушительной силе своих сатир.

Есть основания считать, что Бестужев сумел ознакомиться с адресованной ему эпиграммой. Это тем более вероятно, что, по наблюдениям М. П. Алексеева, переписка Пушкина с Бестужевым дошла до нас далеко не в полном составе.¹³⁵ В воспоминаниях Д. И. Завалишина «Пребывание декабристов в тюремном заключении в казематах в Чите и в Петровском заводе» (написаны не ранее 1870 г.) есть упоминание о том, что в 1827 г. вместе со стихотворением «Во глубине сибирских руд...» Пушкиным было отослано в Сибирь «толкование, к кому относилось его стихотворение „О чем, прозаик, ты хлопчешь!“», и что оно, наряду со знаменитым пушкинским посланием, произвело в осужденных «сильное возбуждение революционного чувства».¹³⁶ Между тем собственноручного «толкования» эпиграммы, конечно же, не могло быть послано Пушкиным в Сибирь. И. Б. Мушина, посчитавшая сообщение Завалишина «неубедительным», прокомментировала его следующим образом: «Скорее всего, чья-то интерпретация пушкинских строк была выдана

¹³⁵ Алексеев М. П. Пушкин и Бестужев: (По поводу одной картины) // *ПиС*. Вып. 38/39. С. 246–247.

¹³⁶ Писатели-декабристы в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1980. Т. 2. С. 246.

за авторское их „толкование“». ¹³⁷ Примечательно, что время, в которое Завалишин услышал в Сибири возбуждающую «революционное чувство» интерпретацию эпиграммы (это, по-видимому, 1827 г., когда до Сибири дошло и послание Пушкина к декабристам), приходится на период после ее публикации. Именно появление в печати «Прозаика и поэта» могло подтолкнуть сибирских узников к разговорам об этом стихотворении. Сведения об его изначальном смысле могли идти только от «прозаика» Александра Бестужева. Пути Дмитрия Завалишина в Сибири с ним не пересекались, однако слухи о «революционном» толковании эпиграммы вполне могли идти от него. Бестужев был близким другом Вяземского, и, возможно, именно поэтому Пушкин спрашивал его о публикации стихотворения. Сомнения автора эпиграммы «Прозаик и поэт» в возможности ее появления в подцензурной печати говорят в пользу того, что возбуждающая «революционное чувство» идея действительно лежала в основе этого произведения.

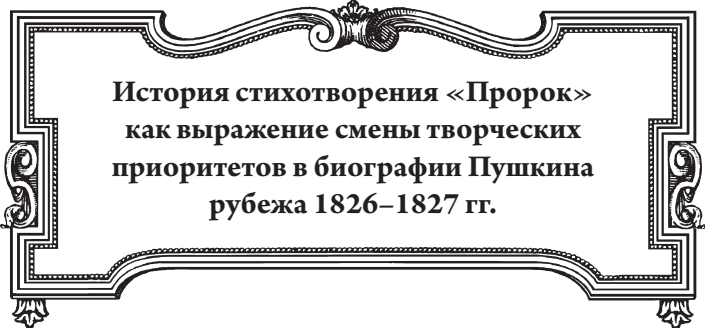
История эпиграммы «Прозаик и поэт» обнаруживает, насколько близки были Пушкину в 1825 г. цели декабристов. Поэт не был членом какого-либо тайного общества, но его руководители очень рассчитывали на пушкинские произведения определенной художе-

¹³⁷ Там же. С. 402.

ственной направленности. Пушкин знал, во имя чего Бестужев стремился оживить его сатирическую музу. В откровенной форме он ответил на эти ожидания в эпиграмме, где под словами «И горе нашему врагу», вероятнее всего, подразумевался Александр I. Подобной решимостью послужить делу сатирического обличения сильных мира сего дышит и такое программное произведение Пушкина михайловской поры, как стихотворение «О муза пламенной сатиры!..». Впоследствии, в силу закрытости творческой истории эпиграммы «Прозаик и поэт», она стала восприниматься как произведение, стоящее вне каких-либо политических проблем своего времени и передающее лишь «основное различие между медлительным прозаическим и крылатым поэтическим словом».¹³⁸

¹³⁸ Лернер. Рассказы. С. 114.

**История стихотворения «Пророк»
как выражение смены творческих
приоритетов в биографии Пушкина
рубежа 1826–1827 гг.**

Для поколения, к которому принадлежал поэт, восстание 14 декабря 1825 г. стало важным жизненным рубежом. Творческая история стихотворения «Пророк» как одного из самых ярких программных выступлений Пушкина является отражением тех мыслей, переживаний и надежд, которые стали следствием разгрома декабристского движения. Она восстанавливается на основании мемуарных свидетельств, принадлежащих М. П. Погодину, С. А. Соболевскому, С. П. Шевыреву, П. В. Нащокину, А. В. Веневитинову (в передаче А. П. Пятковского), А. С. Хомякову, П. А. Вяземскому, А. Мицкевичу.¹ Первая редакция

¹ Анализ мемуарных свидетельств о «Пророке» дан в изд.: *Лернер Н. О. Пророк России // Лернер. Рассказы. С. 94–107; Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартевым в 1851–1860 гг. / Вступ. ст., примеч. М. А. Цвяловского. Л., 1925. С. 91–94 (примеч. к отрывку «Восстань, восстань, пророк Рос-*

«Пророка» была написана в Михайловском, причем какая-то ее часть могла быть создана Пушкиным по пути из Михайловского в Москву 3–8 сентября 1826 г. — на это указывали в своих воспоминаниях Соболевский, Шевырев, Нащокин, Погодин и Веневитинов. По их утверждению, первая редакция носила остро политический характер и тематически была связана с событиями 14 декабря 1825 г. Мицкевич в лекции, прозвучавшей в Collège de France 20 декабря 1842 г., сообщал о «пьесе» Пушкина: «...никто не знает истории ее создания. Он написал ее после раскрытия заговора 1825 года».² Лекция Мицкевича — это первое обнаруженное сообщение о сложности творческой истории стихотворения (в русской философской критике оно без каких-либо оснований стало истолковываться как «авторитетное свидетельство Мицкевича» о вере Пушкина «в свое собственное ре-

сии...»); Цявловский М. А. Погодин о «посмертных» произведениях Пушкина // Цявловский М. А. Статьи о Пушкине. М., 1962. С. 403–406; Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина (1813–1826). М.; Л., 1950. С. 533–542; П. в *восп.* 1974. Т. 2. С. 373–374 (примеч. В. Э. Вацуро к статье С. А. Соболевского «Квартира Пушкина в Москве (Письмо в редакцию)», то же в изд. 1985 и 1999 гг.); Березкина С. В. «Пророк» Пушкина: Современные проблемы изучения // РА. 1999. № 2. С. 27–42.

² Mickiewicz A. Les slaves: Cours professé au Collège de France, par Adam Mickiewicz (1842–1843), et publié d'après les notes stenographiées. Paris, 1849. Т. 4. Р. 40.

лигиозное призвание как поэта»³. «Во время коронации, — вспоминал Шевырев в 1850–1851 гг., — государь послал за ним нарочного курьера (обо всем этом сам Пушкин рассказывал) везти его немедленно в Москву. Пушкин перед тем писал какое-то сочинение в возмутительном духе, и теперь, воображая, что его везут не на добро, дорогою обдумывал далее это сочинение; а между тем известно, какой прием сделал ему великодушный император. Тотчас после этого Пушкин уничтожил свое возмутительное сочинение и более не поминал об нем».⁴ Рассказ Нащокина, записанный П. И. Бартевым в 1851–1853 гг., доносит важную деталь приезда в Михайловское нарочного: Пушкин «в это время сидел перед печкою, подбрасывал дров, грелся. (...) Встревоженный этим и никак не ожидавший чего-либо благоприятного, он тотчас схватил свои бумаги и бросил в печь; тут погибли (...) и некоторые стихотворные пьесы, между прочим, стихотворение “Пророк”, где предсказывались совершившиеся уже события 14 декабря».⁵ По мнению Я. Л. Левкович, в воспоминаниях Нащокина говорилось об уничтоже-

³ Франк С. А. Религиозность Пушкина // Пушкин в русской философской критике. М., 1990. С. 389.

⁴ П. в восп. 1985. Т. 2. С. 49–50.

⁵ Рассказы о Пушкине, записанные (...) П. И. Бартевым в 1851–1860 гг. С. 34.

нии 3 сентября 1826 г. так называемой «михайловской» рабочей тетради Пушкина.⁶

Пушкин уезжал из Михайловского в большой тревоге, зная, что в Москве он будет доставлен к дежурному генералу Главного штаба (к нему же, кстати, в Петербурге доставлялись после арестов и декабристы). Из письма псковского губернатора Б. А. фон Адеркаса от 3 сентября 1826 г. (см.: *Акад.* Т. 13. С. 293), которое в тот же день привез в Михайловское нарочный, поэт также узнал, что его прошение с выражением раскаяния, обещанием не «противуречить (...) общепринятому порядку» своими мнениями и готовностью подтвердить это подпиской или честным словом (Там же. С. 283–284), дошло до Николая I. Сразу же подчеркнем, что обыкновенный ход положительного решения дела по прошению на высочайшее имя, конечно же, не предусматривал беседы с императором. Само прошение, написанное Пушкиным в промежутке между 11 мая и серединой июня 1826 г., было отправлено из Пскова за несколько дней до того, как он узнал о казни декабристов. На замечание по поводу тона своего прошения Пушкин ответил Вяземскому в письме от 14 августа 1826 г.: «Ты находишь письмо мое холод-

⁶ Левкович Я. А. Автобиографическая проза и письма Пушкина. Л., 1988. С. 82; см. также мнение С. А. Фомичева, выраженное в изд.: *Пушкин А. С. Рабочие тетради: (В 8 т. Факсим. изд.).* СПб.; Лондон; Болонья, 1995. Т. 1. С. 29.

ным и сухим. Иначе и быть невозможно. Благо написано. Теперь у меня перо не повернулось бы» (Там же. С. 291).

С прошением Пушкина Николай I ознакомился сразу же после коронации, которая состоялась в Москве 22 августа 1826 г. и о которой Пушкин узнал 1 сентября 1826 г.⁷ В ближайшие после этого дни ожидание поэтом решения по его прошению на высочайшее имя достигло своего апогея. Отъезд из Михайловского в ночь с 3-го на 4 сентября привел в смятение тригорских друзей Пушкина. Они ожидали для него самого страшного (так, в письме от 4 сентября 1826 г. П. А. Осипова ужасалась при мысли, что Пушкин станет «каторжником», — см.: Там же. С. 559). Вполне обоснованными делала эти опасения «Роспись государственным преступникам, приговором Верховного уголовного суда осуждаемым к разным казням и наказаниям», которая была напечатана в «Русском инвалиде» 16–21 июля 1826 г. Среди «преступлений», обрекавших К. Ф. Рылеева на смертную казнь, в «Росписи...» указывалось, что он «сам сочинял и распространял возмутительные песни и стихи»;⁸

⁷ См.: *Рукою П.* 1935. С. 310; *Рукою П.* 1997. С. 251.

⁸ О наказаниях за «слово на государя» см.: *Анисимов Е. В.* Дыба и кнут: Политический сыск и русское общество в XVIII в. М., 1999. С. 55–85; здесь же цитируется Воинский артикул Петра Великого: «Кто против Е. В. особы хулительными словами погрее-

о том же упоминалось и в параграфе, касавшемся осужденного навечно в каторгу А. А. Бестужева.⁹ Сочинение противоправительственных стихов влекло за собой в Российской империи самую суровую кару. Еще в апреле 1826 г. Жуковский предупреждал Пушкина: «...в бумагах каждого из действовавших находятся стихи твои» (Там же. С. 271). Стихи эти, как свидетельствовали показания на следствии, сыграли немалую роль в развитии оппозиционных настроений декабристов.

В день коронации был обнародован всемилостивейший манифест, в котором объявлялась амнистия, в числе прочего, и тем, «коих вины (...) не были до сего дня за безгласностью их следствием обнаружены».¹⁰ Спустя два года под него был подведен и оправдан Правительствующим Сенатом Пушкин как автор отрывка из «Андрея Шенье», распространявшегося в 1826 г. под названием «На 14-е декабря». Вполне вероятно, что уезжавший из Михайловского в Москву Пушкин об амнистии еще не знал.

шит, его действие и намерение презирать и непристойным образом о том рассуждать будет, оный имеет живота лишен быть и отсечением живота казнен» (с. 55–56).

⁹ Восстание декабристов. М., 1980. Т. 17. С. 224, 227.

¹⁰ Полн. собр. законов Российской империи. Собр. 2-е. СПб., 1830. Т. 1. С. 891.

Первое сообщение о состоянии, в котором Пушкин пребывал по дороге в Москву, появилось в воспоминаниях Ю. Струтынского (1810–1873), напечатанных на польском языке в 1878 г. (эти мемуары вызывают большие сомнения со стороны мелодраматической подачи слов Пушкина): «Помню, что когда мне объявили приказание государя явиться к нему, душа моя вдруг омрачилась (...) чем-то похожим на ненависть, злобу, отвращение. Мозг ощетинился эпитаграммой (...) сердце вздрогнуло от чего-то похожего на голос свыше, который, казалось, призывал меня к роли стоического республиканца, Катона, а то и Брута».¹¹ При приезде в Москву 8 сентября 1826 г. Пушкин располагал какой-то рукописью «Пророка». По словам Соболевского, которые Бартенев записал как возражение на сообщение Нащокина о сожжении поэтом михайловских рукописей, «„Пророк“ приехал в Москву в бумажнике Пушкина».¹² Несколько иначе об этом говорится в письме Погодина к Вяземскому от 29 марта 1837 г.: «Пророка» Пушкин «написал, ехавши в Москву в 1826 году».¹³ В статье М. И. Семев-

¹¹ Цит. по: Пугачев В. В. Пушкин, Радищев и Карамзин. Саратов, 1992. С. 160.

¹² Рассказы о Пушкине, записанные (...) П. И. Бартеневым в 1851–1860 гг. С. 34.

¹³ Цявловский М. А. Погодин о «посмертных» произведениях Пушкина. С. 405. Ср. со свидетельством Шевырева, в котором

ского «Прогулка в Тригорское (Заметки и материалы для биографии Пушкина, Языкова и бар. Дельвига)» (1866) также упоминается текст некоего крамольного сочинения, имевшийся у Пушкина в день приезда в Москву: «...в тогдашнем обществе ⟨...⟩ ходили о Пушкине и о разговоре его с государем самые разноречивые, самые нелепые толки. Так, например, уверяли, будто бы государь в разговоре с Пушкиным пожелал узнать, нет ли при нем какого-нибудь нового стихотворения. Тот будто бы вынул из сюртука несколько бумаг, впопыхах захваченных им при отъезде из Михайловского, перерыл их, но никакого нового стихотворения не нашел. Выходя из дворца и спускаясь по лестнице, Пушкин вдруг заметил на ступеньке лоскуток бумажки: подымает его и с ужасом будто бы узнает в нем собственноручное небольшое стихотворение к друзьям, сосланным в Сибирь. ⟨...⟩ Придя в гостиницу, Пушкин немедленно сжег ⟨...⟩ стихотворение».¹⁴ После этого сообщения в статье был приведен скептический отзыв о нем А. Н. Вульфа, который при подготовке второго, исправленного и дополненного, издания «Прогулки в Тригорское» (не осуществилось)

речь идет о тех же самых обстоятельствах: «...дорогою обдумывал далее это сочинение» (*П. в восп.* 1985. Т. 2. С. 49–50).

¹⁴ Цит. по: *Семевский* 2008. С. 116–117.

был Семевским в рукописи вычеркнут.¹⁵ Стихотворение «Во глубине сибирских руд...», на которое указывалось в статье Семевского, было написано в 1827 г., следовательно в переданных им воспоминаниях обитательниц Тригорского речь могла идти только о «Пророке». Это представляется более вероятным, чем предположение о том, что мемуаристы, вспоминая о событиях 8 сентября 1826 г., имели в виду отрывок из «Андрея Шенье», не прошедший цензуру и распространенный в списках под заглавием «На 14 декабря» (суд над его распространителями, о котором заговорила вся Москва, начался там в конце сентября 1826 г.).¹⁶ После знакомства с «Прогоулкой

¹⁵ См.: Там же. С. 117, 326; см. также: *Березкина С. В.* Воспоминания А. Н. Вульфа и М. И. Осиповой о Пушкине в записи М. И. Семевского 1880 г. // РЛ. 2006. № 2. С. 128–129.

¹⁶ См.: *Есипов В. М.* Царственное слово. М., 1998. С. 14; *Немировский И. В.* Творчество Пушкина и проблема публичного поведения поэта. СПб., 2003. С. 223. Следует подчеркнуть, что выводы И. В. Немировского не учитывают судебного процесса по делу об «Андрее Шенье» в сентябре 1826 г., о котором много говорили в Москве. Это был только первый этап процесса, далее развивавшегося по установленному административно-судебному порядку. Именно поэтому вопрос, который ставит исследователь, является неверным, как и ответ на него: «...почему Пушкина все-таки привлекли к следствию об „Андрее Шенье“ в начале 1827 г. Неужели данных им императору в сентябре 1826 г. объяснений оказалось недостаточно? Причина, на наш взгляд, заключается в неосторож-

в Тригорское» Соболевским была написана статья «Квартира Пушкина в Москве» (1867), где рассказывалось о том, куда вечером 8 сентября мемуарист привез поэта после встречи с ним у В. А. Пушкина: «Вот то место, где он выронил (к счастью — что не в кабинете императора) свои стихотворения о повешенных, что с час времени так его беспокоило, пока они не нашлись!!!»¹⁷ Об этом эпизоде Бартенев спрашивал в 1872 г. Вяземского, который, отвечая ему, не поставил под сомнение само существование политически заостренных стихов Пушкина: «...Соболевский немножко драматизировал анекдот о Пушкине. Во-первых, невероятно, чтобы он имел эти стихи в кармане своем, а во-вторых, я видел Пушкина вскоре после представления его государю, и он ничего не сказал мне о своем испуге».¹⁸

Показательна замена слов «стихотворения о повешенных» выражением «стихотворение на 14 декабря», сделанная Погодиным при публикации статьи Соболевского в газете «Русский».¹⁹ Для Погодина,

ном поведении самого Пушкина...» (Немировский И. В. Два «воображаемых» разговора Пушкина // Лотмановский сборник. М., 2004. (Сб.) 3. С. 194).

¹⁷ П. в восп. 1985. Т. 2. С. 13.

¹⁸ Бартенев 1992. С. 408.

¹⁹ Восстановлено В. Э. Вацуро по рукописи статьи в изд.: П. в восп. 1974. Т. 2. С. 373 (то же в изданиях 1985 и 1999 гг.).

хорошо знакомого с историей «Пророка», эта замена была равноценной, поскольку оба выражения характеризовали с идейно-тематической стороны одно и то же произведение Пушкина. Упоминание «повешенных» связывало произведение с таким событием в истории России, как казнь пяти декабристов. На нее намекал и отрывок «Восстань, восстань, пророк России...», входивший, согласно ряду мемуарных свидетельств, в состав первой редакции стихотворения «Пророк» (подробнее о нем будет сказано ниже). Поскольку Пушкин узнал о казни декабристов 24 июля 1826 г.,²⁰ Цявловский именно этим числом открыл датировку «Пророка» в академическом издании (см.: *Акад.* Т. 3. С. 1130) — решение это представляется единственно правильным.²¹

²⁰ См.: *Рукою П.* 1935. С. 307; *Рукою П.* 1997. С. 248. О моменте, когда Пушкин услышал о казни декабристов, см. также: *Невелев Г. А.* «Истина сильнее царя...»: (А. С. Пушкин в работе над историей декабристов). М., 1985. С. 36–37.

²¹ Б. В. Томашевский датировал «Пророка» 8 сентября 1826 г. без какой-либо аргументации в изд.: *Акад в 10 т. (2)* Т. 2. С. 437. Об этой датировке, позволявшей видеть в высочайшей аудитории своего рода толчок к созданию стихотворения, см.: *Пугачев В. В.* Пушкин, Радищев и Карамзин. С. 172; *Гришунин А. А.* Проблемы датировки произведений Пушкина // Московский пушкинист. М., 1996. Вып. 6. С. 282; *Березкина С. В.* Из истории пушкинских изданий, подготовленных Б. В. Томашевским // Пушкинский музей. СПб., 2002. Сб. 2. С. 264–269. В другом подготовленном

С воспоминанием Соболевского о привезенном из Михайловского «Пророке» как о «стихотворениях» перекликаются слова Погодина из письма к Вяземскому от 29 марта 1837 г., в котором он — в ответ на просьбу Вяземского — сообщал о первоначальном тексте произведения: «Должны быть четыре стихотв(орения), первое только напечатано (Духовной жаждою томим etc.)». ²² В сообщении Погодина текст «Духовной жаждою томим...» предстает в един-

Томашевским издании «Пророк» включен в раздел михайловских стихотворений Пушкина с указанием в комментарии, что его первая редакция была создана «после 24 июля» (см.: *Пушкин. Б-ка поэта*. 1955. Т. 3 С. 816). Следует отметить, что в популярных пушкинских биографиях существовала традиция, связывавшая «Пророка» с прямой адресацией императору; см., например, в книге Г. И. Чулкова (1936): «Чье сердце должен зажечь поэт, исполненный пророческой силы? Ну, конечно, прежде всего сердце царя. Пророки всех времен так и делали...»; далее, о моменте выезда из Михайловского: «И Пушкин поспешно спрятал в буфалет последние стихи о пророке. Почему он поспешил их спрятать, а не уничтожил? Кажется, он и сам этого не знал» (*Чуков Г. И. Жизнь Пушкина / Вступ. ст. и примеч. М. В. Михайловой*. М., 1999. С. 196, 197); в книге П. Н. Милюкова (1937), о персонаже четверостишия «Восстань, восстань, пророк России...»: «Речь тут, бесспорно, идет о „царе“...» (*Милюков П. Н. Живой Пушкин (1837–1937): Ист.-биограф. очерк / Сост., подгот. текста и примеч. М. Д. Филина*. М., 1997. С. 134).

²² *Цявловский М. А. Погодин о «посмертных» произведениях Пушкина*. С. 405.

стве с другими стихотворениями цикла. Именно это обстоятельство позволило Б. В. Томашевскому и Т. Г. Цявловской ввести в комментарий «Пророка» жанровое определение «цикл», характеризующее его первую редакцию.²³ Намек на циклическое членение «Пророка» усматривается также и в копии Шевырева (по-видимому, это запись по памяти, исправленная затем Погодиным), где дана отбивка предполагаемого начала второго стихотворения:²⁴

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился, —
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился:
И он мне грудь рассек мечом
И сердце трепетное вынул
И уголь, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.
Перстами легкими как сон

²³ См.: *Акад. в 10 т. (1)*. Т. 2. С. 443; *Акад. в 10 т. (2)*. Т. 2. С. 437; *Госл. Т. 2. С. 689–690*; *Худ. лит.* Т. 2. С. 559.

²⁴ ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 4. № 17. Л. 1 — ст. 1–26 (без последнего четверостишия), без заглавия, с композиционными изменениями в копии (перестановка стихов в соответствии с печатным текстом «Пророка») сделаны Шевыревым, исправления отдельных слов — Погодиным, им же вписаны заглавие «Пророк» и последнее четверостишие. Напечатано: *Акад.* Т. 3. С. 578.

Моих зениц коснулся он.
Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он, —
И их наполнил шум и звон, —
И внял я неба содроганье,
И горний Ангелов полет,
И гад морских подземный²⁵ ход,
И дальней²⁶ лозы прозябанье,
И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык
И празднословный и лукавой —
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницую кровавой.²⁷

*

Как труп в пустыне я лежал,
И Бога глас ко мне воззвал:²⁸

Поставленная Шевыревым звездочка могла указывать на начало второго стихотворения цикла. Это тем более вероятно, что последнее в записи Шевырева двестише, по замечанию Ю. В. Стенника, напомина-

²⁵ Исправлено *Погодиным*: подводный

²⁶ Исправлено *Погодиным*: дольней

²⁷ Последовательность стихов исправлена Шевыревым в соответствии с текстом «Пророка».

²⁸ Последнее четверостишие (как в печатном тексте) вписано далее *Погодиным*.

ет «ситуацию зачина».²⁹ Отсюда мог начинаться текст, полный аллюзий политического характера, указывающих на события 14 декабря и расправу с их участниками.

* * *

Вопрос о первой редакции стихотворения «Пророк» неразрывно связан с вопросом об отрывке «Восстань, восстань, пророк России...». Приводим текст отрывка по записи П. И. Бартенева (это самый авторитетный источник текста):

Восстань, восстань, пророк России,
В позорны ризы облекись,
Иди, и с вервием вокруг выи
К у(бийце) (?) г(нусному) (?) явись.

История этого текста в мемуарно-исследовательской литературе очень сложна. П. П. Каратыгин (со ссылкой на С. А. Соболевского), А. П. Пятковский (со ссылкой на А. В. Веневитинова) и П. И. Бартенева (со слов М. П. Погодина и А. С. Хомякова) приводили отрывок «Восстань, восстань, пророк России...» в качестве финала первой редакции стихотворения «Пророк». Впервые текст был опубликован в 1880 г.

²⁹ Стенник Ю. В. Пушкин и русская литература XVIII века. СПб., 1995. С. 186.

Каратыгиным³⁰ в виде реплики на статью Соболевского «Квартира Пушкина в Москве» (см. о ней выше). На эту реплику откликнулся в том же 1880 г. А. П. Пятковский: «Что Соболевский не выдумал этого факта, — я могу лично подтвердить тем, что подобный же рассказ я слышал от ⟨...⟩ А. В. Веневитинова (⟨...⟩ родного брата известного поэта Д. В. Веневитинова). ⟨...⟩ А. В. Веневитинов рассказывал мне, что Пушкин, выезжая из деревни с фельдъегерем, положил себе в карман стихотворение „Пророк“, которое в первоначальном виде оканчивалось следующей строфою: Восстань, восстань, пророк России ⟨...⟩. Считаю нужным прибавить в виде речательства за правдивость этого рассказа, что А. В. Веневитинов был в это время в Москве, что Пушкин в доме Веневитиновых читал своего „Бориса Годунова“, и что, следовательно, А⟨лексей⟩ В⟨ладимирович⟩ мог слышать всю эту историю из первых уст». ³¹

После публикаций Каратыгина и Пятковского отрывок «Восстань, восстань, пророк России...» начали помещать в примечаниях к «Пророку» как окончание

³⁰ См.: Каратыгин П. П., ⟨Ефремов П. А.⟩. Александр Сергеевич Пушкин. 1799–1837 // РС. 1880. № 1. С. 133.

³¹ Пятковский А. П. Пушкин в Кремлевском дворце. 1826 г. // РС. 1880. № 3. С. 674–675. Алексей Владимирович Веневитинов (1806–1872) — четвероюродный брат Пушкина, в 1826 г. студент Московского университета, впоследствии сенатор.

его первой редакции.³² Открывшийся декабристский контекст «Пророка» вызвал негодование официозной критики, которая приложила значительные усилия к дискредитации четверостишия о «пророке России». В. Д. Спасович писал, защищая положения официозной биографии поэта (в основание ее лежала знаменитая статья В. А. Жуковского «Последние минуты Пушкина», долгое время заканчивавшая собрания пушкинских сочинений): «Строфа (...) не могла быть заключительною, так как она оставляет читателя в полном недоумении, зачем имел явиться и что имел сказать этот с вервьем на шее человек в своем, совсем не обычном по нашему времени, костюме и с своими, весьма малопонятными, библейскими речами? В данных условиях его поступок сильно походил бы на выходку помешанного. Вспомним еще, что либеральный бред прошел у Пушкина еще в то время, когда он писал „Сеятеля“, что в январе 1826 г. он уже непременно желал примириться с правительством... Он не был заодно с декабристами, — он только скорбел о них. У него не могло быть в запасе никаких „жгучих глаголов“, коль скоро от милостивых слов государя он мгновенно раскаялся и сделался на остальную жизнь человеком, не

³² См.: *Ефр.* 1880. Т. 2. С. 415; *Ефр.* 1882. Т. 2. С. 398; *Мор.* 1887. Т. 2. С. 3.

противным правительству».³³ Столь же тенденциозным был подход Н. И. Черняева, который, надо признать, сумел выстроить концепцию, полностью устранившую из истории стихотворения декабристский контекст: «Отождествление пушкинского пророка с поэтом, а пророческой миссии с призванием поэзии держится исключительно на тех четырех стихах, которые не имеют с Пушкиным ничего общего и не находят в самом „Пророке“ ни малейшей опоры».³⁴ Черняев считал, что «не в характере благородного, прямодушного и искреннего Пушкина было держать камень за пазухой и писать резкие выходы против молодого царя, на справедливость и отзывчивость которого он возлагал все свои надежды».³⁵ Недоумения Черняева, связанные с текстом о «пророке России», были вызваны полным игнорированием проблемы «Пушкин и декабристы», а также свойственным ему неглубоким знанием Библии: «„Позорной ризой облекись“ — это такой стих, какого не мог написать не только Пушкин, но и не один сколько-нибудь грамотный поэт... Трудно также понять, что надлежит понимать под выражением „позорная риза“. Уж не рубище

³³ Спасович В. Д. Байронизм у Пушкина и Лермонтова: Из эпохи романтизма // Вестник Европы. 1888. № 3. С. 83.

³⁴ Черняев Н. И. «Пророк» Пушкина в связи с его же «Подражаниями Корану». М., 1898. С. 17.

³⁵ Там же. С. 16.

ли? Но почему же „пророк России“ должен ходить непременно в разодранной одежде? {...} Третий стих — „И с вервием на вые“ — производящий, несмотря на весь свой задор, несколько комичное впечатление, мог бы удовлетворить разве только завязтого „славеноросса“, приверженного к высокому слогу во вкусе Шишкова... Автор четверостишия пользовался славянскими речениями с таким пристрастием к ним, какого нет и тени в пушкинском „Пророке“». ³⁶ Последнее утверждение представляло собой заведомую ошибку, поскольку к моменту появления работы Черняева уже было известно о том, что архаические языковые элементы использовались Пушкиным активнее, чем Карамзиным, и что «славянизмы, старые слова так же мало пугали Пушкина, как и формы простонародные»; ³⁷ это наблюдение Страхова было подтверждено позднейшими исследованиями, свидетельствовавшими о «количественном росте церковнославянских элементов в языке Пушкина». ³⁸

Работы Спасовича и Черняева оказали такое воздействие на научно-издательскую мысль, что Ефремов отказался от включения «плохого и неуместного чет-

³⁶ Там же. С. 15.

³⁷ *Страхов Н. Н.* Заметки о Пушкине // Складчина. СПб., 1874. С. 565.

³⁸ См.: *Виноградов В. В.* Язык Пушкина: Пушкин и история русского литературного языка. М.; Л., 1935. С. 172–191.

веростишия» даже в примечание к «Пророку».³⁹ Вслед за ним и Морозов посчитал «предание», связанное с историей первой редакции произведения, «совершенно невероятным, не говоря уже о технической стороне четверостишия».⁴⁰ По его предположению, оно «было сочинено кем-нибудь (может быть, Соболевским?) уже после появления “Пророка” в печати, — может быть, даже как бы в ответ на „Стансы“ („В надежде славы и добра“), в которых увидели покаяние поэта в прежних либеральных его грехах».⁴¹ Параллельно с негативными отзывами об отрывке «Восстань, восстань, пророк России...» в научной литературе активно высказывались и мнения в пользу его принадлежности Пушкину.⁴² Особое место в этом ряду принадлежит Бартеневу, который ответил на критику отрывка публикацией его в 1900 г.,⁴³ показав тем самым

³⁹ *Ефр.* 1903–05. Т. 8. С. 263.

⁴⁰ *Мор.* 1887. Т. 2. С. 395.

⁴¹ *АН* 1900–29. Т. 4. Примеч. С. 310.

⁴² См., например: *Сумцов Н. Ф.* Исследования о поэзии А. С. Пушкина // Харьковский университетский сб. в память А. С. Пушкина (1799–1899). Харьков, 1900. С. 192; *Стоюнин В. Я.* Пушкин. 2-е изд. (СПб., 1906.) С. 279; *Сиповский В. В.* Пушкин: Жизнь и творчество. СПб., 1907. С. 263; *Овсяннико-Куликовский Д. Н.* Собр. соч.: В 9 т. СПб., 1909. Т. 4. С. 139.

⁴³ См.: *Хомяков А. С.* Полн. собр. соч.: В 8 т. М., 1900. Т. 8: Письма. С. 382. См. также: *Березкина С. В.* Из комментария к стихотворениям Пушкина: {...} О стихотворении А. С. Пушкина «Душа

свою полную убежденность в справедливости свидетельств, полученных им от друзей Пушкина.

Новый виток в обсуждении проблемы отрывка «Восстань, восстань, пророк России...» был вызван появлением в печати письма Погодина с упоминанием «Пророка» в числе неопубликованных текстов Пушкина: «...цела ли *Русалка*, *Островский* (т. е. „Дубровский“), *Ганнибал* (т. е. „Арап Петра Великого“), *Пророк*, 8 песнь *Онегина* (т. е. „Странствия“)?» — спрашивал Погодин Вяземского в письме от 11 марта 1837 г.⁴⁴ Внимание к этому письму, не получившему в публикации Морозова должной оценки, привлек Лернер, впервые в 1910 г. суммировавший сведения о сложности истории пушкинского стихотворения.⁴⁵ Ответ на запрос Погодина дал секретарь Вяземского М. А. Коркунов в письме от 21 марта 1837 г.: «...сти-

мая Павел», или Штрихи к портрету П. И. Бартенева // *РЛ*. 1995. № 2. С. 118–131.

⁴⁴ Напечатано: *Мор*. 1903–06. Т. 2. С. 500; уточненный текст письма: *Цявловский М. А.* Погодин о «посмертных» произведениях Пушкина. С. 403. Сходный вопрос о местонахождении «некоторых строф, не напечатанных в „Онегине“, и других стихотворений» Погодин обратил в письме к А. А. Краевскому от 29 апреля 1837 г. (см.: Два века с Пушкиным: Материалы об А. С. Пушкине в фондах Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (РНБ): Каталог / Сост. Н. А. Зубкова, А. В. Сиренов. СПб., 2004. С. 118).

⁴⁵ См.: Лернер Н. О. Пророк России. С. 106–107.

хов: *Пророк*, *Островский* и 8 гл. *Онегина*, о которых вы пишете к кн. Вяземскому, не отыскано, и князь просит написать об них подробнее все, что вы знаете»; это письмо, а также ответ на него Погодина от 29 марта 1837 г. с утверждением о том, что «Пророк» первоначально состоял из четырех стихотворений (см. выше), были опубликованы в 1936 г. М. А. Цявловским.⁴⁶ Письма Погодина были проникнуты надеждой на публикацию сочинений погибшего поэта, сохранившихся, как он надеялся, в его архиве. Погодин, возможно, считал, что в цикле «Пророк» были отрывки, которые могли пройти сквозь цензурные препоны (или же он, как профессиональный историк, ратовал за сохранение архива поэта для будущего). Дополнительное свидетельство в пользу цикличности первой редакции стихотворения, сделанное в рукописи статьи Соболевского «Квартира Пушкина в Москве» (1867) и искаженное при ее публикации, было восстановлено в 1974 г. В. Э. Вацуру.

В попытках осмыслить мемуарные свидетельства, совместив их с художественным пространством «Пророка», исследователями высказывались различные предположения — Н. Ф. Сумцов: «1) Пушкин допустил окончание „Восстань“ в первоначальном на-

⁴⁶ См.: Цявловский М. А. Погодин о «посмертных» произведениях Пушкина. С. 404–405.

броске „Пророка“ ⟨...⟩ или, что вероятнее, 2) четверостишие представляет совершенно самостоятельный набросок, написанный вскоре после „Пророка“»;⁴⁷ Н. О. Лернер: «Быть может, это были две разные пьесы, между которыми единственная общая черта — образ пророка, и именно эта общность могла слить в памяти лиц, сообщениями которых мы пользуемся, обе пьесы в одно целое, расчлененное самим художником».⁴⁸ Цявловский считал, что осуществленная им публикация бартеневской тетради подтверждает гипотезу о написании Пушкиным двух разных произведений о пророке.⁴⁹ В составленной им «Летописи» под датой «Июль 24 – Сентябрь 3» (1826) Цявловский указал на создание Пушкиным одновременно двух произведений — во-первых, стихотворения «Пророк», а во-вторых, цикла из трех неизвестных стихотворений о казненных декабристах; с последними он связывал четверостишие о «пророке России»⁵⁰ (в академическом издании оно датировано 24 июля – 8 сентября 1826 г. — см.: *Акад.* Т. 3. С. 1282). Следует отметить, что эта точка зрения расходится с

⁴⁷ *Сумцов Н. Ф.* Исследования о поэзии А. С. Пушкина. С. 193.

⁴⁸ *Лернер Н. О.* Пророк России. С. 106.

⁴⁹ См.: Рассказы о Пушкине, записанные ⟨...⟩ П. И. Бартеневым в 1851–1860 гг. С. 94.

⁵⁰ См.: *Летопись 1991.* С. 631; то же в других изданиях «Летописи».

мемуарными свидетельствами современников Пушкина, которые считали «Пророка» — как появившегося в печати, так и не появившегося — одним произведением.

Введение в научный оборот копии «Пророка», принадлежавшей Шевыреву, вновь заставило поднять вопрос о месте отрывка «Восстань, восстань...» в первой редакции стихотворения. Отсутствие в копии заключительного четверостишия Цявловский объяснял тем, что в первой редакции после стиха «И Бога глас ко мне воззвал», возможно, «должны были следовать нецензурные стихи политического содержания» (*Акад.* Т. 3. С. 578) — ср. комментариев к отрывку «Восстань, восстань...», данный при его публикации в 1900 г. Бартеневым: «Первоначально пушкинский „Пророк“ кончался четырьмя стихами политического содержания»; далее, приведя спорный отрывок, он утверждал: «Пушкин прекрасно заменил эту строфу нынешнею (т. е. стихами 27–30)».⁵¹ Следуя разъяснению Бартенева, Д. Д. Благой выразил убеждение в том, что четверостишие о «пророке России» и является пропущенным у Шевырева финалом первой редакции «Пророка».⁵² В ряде изданий, подготовленных Благим, отрывок «Восстань, восстань,

⁵¹ Хомяков А. С. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 382.

⁵² Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина (1813–1826). С. 540.

пророк России...» был приведен в примечании к «Пророку» в качестве первоначальной его «концовки», от которой «Пушкин отказался (...) заменив ее новым четверостишием». ⁵³ Неудачная в художественном отношении реконструкция первой редакции «Пророка» путем присоединения к нему четверостишия «Встань, встань, пророк России...» вызвала острую реплику Т. Г. Цявловской: «Д. Д. Благой хочет заставить нас поверить в то, что пушкинский пророк, непосредственно после пребывания своего в „библейской“ (...) пустыне, попадает вдруг в определенные топографические условия, превращается в „пророка России“, облачается в одежду висельника и направляется в Зимний дворец к императору Николаю I для беседы! Убедить нас в том, что великий поэт мог создать такую картину, лишенную элементарного чувства художественного целого, не сможет даже большинство голосов, на которые ссылается исследователь». ⁵⁴ Впо-

⁵³ См., например: *Пушкин А. С. Собр. соч.*: В 6 т. М., 1969. Т. 1. С. 484–485. Сходное мнение впоследствии было высказано в изд.: *Строганов М. В. Стихотворение Пушкина «Пророк» // Врем. ПК. Вып. 27. С. 10.*

⁵⁴ *Цявловская Т. Г. О работе над «Летописью жизни и творчества Пушкина» // Пушкин: Исследования и материалы. Труды Третьей Всесоюзной пушкинской конференции. М.; Л., 1953. С. 381; см. также: Слонимский А. Л. Мастерство Пушкина. М., 1963. С. 144–145.*

следствии Т. Г. Цявловской был найден, по-видимому, верный подход к решению вопроса о месте отрывка в цикле: «...эти строки по своему характеру настолько отличаются от „Пророка“, что более вероятно, что этот отрывок связан с другим стихотворением этого цикла»;⁵⁵ от слов «И Бога глас ко мне воззвал» отрывок «Восстань, восстань, пророк России...», по-видимому, отделял какой-то массив стихотворного текста.

Цикл «Пророк» носил аллюзионно-политический характер, что позволило С. А. Соболевскому увидеть в нем намеки на повешенных декабристов. В отрывке «Восстань, восстань...» таким намеком была веревка на шее «пророка России». Подобного рода символы встречаются в ветхозаветных пророческих книгах, например, в Книге пророка Иеремии (27: 1–2): «В начале царствования Иоакима, сына Иосии, царя Иудейского, было слово сие к Иеремии от Господа (...) сделай себе узы и ярмо и возложи их себе на выю» — в знак грядущего вавилонского плена (церк.-слав.: «В начале царства Иоакима сына Иосина, царя Иудина, бысть слово сие ко Иеремии от Господа (...) сотвори себе узы и клады, и возложи на выю свою»). Острота восприятия Пушкиным приговора декабристам отражает реакцию части русского общества на события вокруг

⁵⁵ Госл. в 10 т. Т. 2. С. 763.

14 декабря. А. И. Кошелев вспоминал об «ужасе и унынии, которые овладели всеми» после приговора: «Во все царствование Александра I не было ни одной смертной казни, и ее считали вполне отмененною».⁵⁶ Д. Н. Толстой отметил в своих мемуарах отличие восприятия трагедии в провинции, осудившей бунтовщиков, и в Москве: «Вообще Москва того времени носила характер какой-то грусти».⁵⁷ Тяжелое впечатление производили «очистительные молебствия», прошедшие повсеместно после казни и «эзекуций» над заговорщиками. 19 июля 1826 г. четырнадцатилетний А. И. Герцен присутствовал на таком молебне и поклялся «перед алтарем, оскверненным кровавой молитвой», отомстить за них.⁵⁸ М. А. Дмитриев, почтивший кончину Александра I «элегией», решил отказаться от намерения написать стихи в честь коронации нового царя после обнародования приговора декабристам.⁵⁹

⁵⁶ Кошелев А. И. Записки (1812–1883 годы) / Изд. подгот. Т. Ф. Пирожкова. М., 2002. С. 19. (Лит. памятники).

⁵⁷ РА. 1885. Вып. 5. С. 24.

⁵⁸ Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. 8. С. 62. Анализ ситуации, пережитой Герценом, см.: Бокова В. М. Апология декабризма // Континент. М.; Париж, 1994. № 82. С. 162.

⁵⁹ Дмитриев М. А. Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998. С. 241–242.

В пушкинском кругу, в котором, как и повсеместно, была велика надежда на милосердие молодого царя, наказания участникам «возмущения» были восприняты особенно остро: «По совести нахожу, — писал Вяземский в 1826 г., — что казни и наказания несообразны преступлениям, из коих большая часть состояла только в одном умысле»;⁶⁰ «...о чем ни думаю, как ни развлекаюсь, а все прибывает меня неволью и неожиданно к пяти ужасным виселицам, которые для меня из всей России сделали страшное лобное место».⁶¹ Горестное сожаление об участи «друзей, братьев, товарищей», казненных или сосланных в Сибирь, выражено в письме Пушкина к Вяземскому от 14 августа 1826 г. «Дай Бог, чтобы по крайней мере частные примеры женских добродетелей, — писал Вяземский о женах приговоренных к ссылке в Сибирь декабристов, — выкупили эпоху нашу от позора и гнусности, коими она запечатлена».⁶² Подобное восприятие совершившегося в России отразилось в отрывке Пушкина, где «пророк России» облачается в «позорные ризы». Для русской поэзии XIX в. очень характерно употребление слова «риза» в значении

⁶⁰ Вяземский П. А. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 81–82.

⁶¹ ОА. Т. 5, вып. 2. С. 54.

⁶² Там же. С. 55.

«одежда», «покров».⁶³ В Библии это слово имеет сложную семантику и относится не только к священническим одеждам. Например, в Книге пророка Исаии (59: 14–17): «И суд отступил назад, и правда стала вдали, ибо истина преткнулась на площади и честность не может войти. И не стало истины, и удаляющийся от зла подвергается оскорблению. И Господь увидел это, и противно было очам Его, что нет суда. (...) И Он возложил на Себя правду, как броню, и шлем спасения на главу Свою; и облекся в ризу мщениия, как в одежду, и покрыл Себя ревностью, как плащом» (церк.-слав.: «И оставихом позади суд, и правда далече отступи от нас: яко изнеможе в путех их истина, и правым путем не возмогоша прейти. И истина взяся, и преставиша ум свой еже смыслити, и виде Господь, и негодова, яко не бяше суда. (...) И одеяся правдою яко щитом, и возложи шлем спасения на главу, и облечеса в ризу отмщениия, и одеждею своею»). Здесь «ризы мщениия» являются образным выражением того чувства, которое движет божественной волей. Одежда пророка имела в стихотворении Пушкина символический смысл как выражение оценки взволновавших его событий.⁶⁴

⁶³ См.: *Шанский Н. М.* Лингвистический анализ художественного текста. Л., 1990. С. 112–114.

⁶⁴ Иное объяснение особенностей облика «пророка России» как типичного юродивого см.: *Строганов М. В.* Стихотворение Пушкина «Пророк». С. 8–10.

Особое внимание критиков текста о «пророке России» привлекла строка «Иди, и с вервием вокруг выи». Благодаря идущей от Священного Писания традиции слово высокого стиля «выя» оказалось прочно связано с представлением о гордости или непокорстве субъекта — ср. «Отяготела днесь на их надменны выи / Десница мстящая Творца» в «Воспоминаниях в Царском Селе» (1814) Пушкина, «Израил выи не склонил» в его же стихотворении «Когда владыка ассирийский...» (1835); см. также о Рылееве в «Колыбельной песни» (1832) А. И. Одоевского: «И очи с трепетом увидят, как в венец / Вкруг выи синий пламень вьется, / И вспомнишь ты земной его конец, / И грудь твоя невольно содрогнется!»; вновь о Рылееве в стихотворении Кюхельбекера «Участь русских поэтов» (1845): «Стянула петля дерзостную выю». В вольнолюбивой элегии Н. М. Языкова «Свободы гордой вдохновенье!..» (1824), которая, конечно же, была известна Пушкину, слово получило экспрессивную окраску благодаря тому упреку, который был адресован поэтом молящейся за царя России:

Я видел рабскую Россию:
Перед святыней алтаря,
Гремя цепями, склонивши выю,
Она молилась за царя.

Рифма «Россия — выя» была очень популярна в русской поэзии. Она использована в стихотворениях В. П. Петрова «Плач и утешение России. К Е⟨го⟩ И⟨мператорскому⟩ В⟨еличеству⟩ Павлу Первому, самодержцу всероссийскому» (1796), М. В. Милонова «К патриотам по случаю Высочайшего манифеста о повсеместном вооружении против французов» (1812), П. А. Вяземского «Петербург» (1818),⁶⁵ Ф. Н. Глинки «Москва» (1840), С. Е. Раича «Арета» (не позднее 1849), Ф. Н. Тютчева «На юбилей Н. М. Карамзина» (1866), В. Ф. Ходасевича «Я родился в Москве. Я дыма...» (1923). В конце XX в. слово «выя» стало сопровождаться указанием на «шутливое» его использование в русском языке.⁶⁶ Не исключено, что оно начало приобретать негативный контекст уже в конце XIX в.,⁶⁷ и это определило характеристику текста «Восстань, восстань, пророк Рос-

⁶⁵ Стихи с рифмой «Россия — выя» попали в ту купированную цензурой публикацию «Петербурга» Вяземского, которая появилась на страницах «Полярной звезды» в 1824 г.

⁶⁶ Впервые в изд.: Словарь современного русского литературного языка: В 20 т. 2-е изд., перераб. М., 1991. Т. 2. С. 949. В 1-м издании академического словаря этой пометы нет.

⁶⁷ В приведенном нами перечне стихотворений с рифмой «Россия — выя» середина XIX в. — это та граница, после которой она перестает быть востребованной. Более позднее по времени стихотворение Ходасевича представляет собой тонкую стилизацию: оно говорит о высшей ценности для поэта-эмигранта русской

сии...» в работах В. Д. Спасовича и Н. И. Черняева. В поэзии пушкинского времени эта тенденция не прослеживается.

Особого разговора заслуживает вопрос о расшифровке последнего стиха в записи отрывка Бартеневым («К у. г. я вись»). «Что-то очень оскорбительное для Николая I, — писал Цявловский, — заключают в себе слова, начинающиеся на „у“ и „г“ в записи Бартенева, если он их не решился записать даже в своей тетради. Не назвал ли Пушкин Николая I за казнь пяти декабристов „убийцей гнусным“?»⁶⁸ Эта конъектура принята в целом ряде авторитетных изданий (см., например: *Акад.* Т. 3. С. 461).⁶⁹ Цявловская, считавшая, что написание первой буквы в аббревиатуре Бартенева напоминает букву «ц», предложила чтение «царю губителю».⁷⁰ Конъектура «К у(бийце) (?)»

поэзии, символом которой для него становятся «арапские святые губы».

⁶⁸ Рассказы о Пушкине, записанные (...) П. И. Бартеневым в 1851–1860 гг. С. 93–94.

⁶⁹ См. также: *Акад. в 10 т.* (2). Т. 2. С. 355 (то же в 1-м изд.). О слове «гнусный», церковнославянизме по происхождению, см.: *Виноградов В. В.* Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка // *Виноградов В. В.* Избр. труды: История русского литературного языка. М., 1978. С. 99.

⁷⁰ *Госл.* Т. 2. С. 763; поддержка этой расшифровки выражена в изд.: *Благой Д. Д.* «Пловцам я пел...» (Пушкин и декабристы) //

г⟨розному⟩ ⟨?⟩...» была предложена автором настоящей работы.⁷¹ После казни декабристов, в условиях все нарастающей тревоги за свою дальнейшую судьбу, Николай I мог видеться поэту именно грозным убийцей; в этом словосочетании, возможно, таился намек на Иоанна Грозного, делавший достаточно узнаваемым венценосную особу, подразумевавшуюся автором (ассоциация, связывавшая начало нового царствования с иоанновским, нашла свое отражение в стихотворении 1827 г. «Какая ночь! Мороз трескучий...», вызванном раздумьями Пушкина о трагической участи декабристов).

* * *

Н. А. Бродский считал, что благоприятное впечатление Пушкина от высочайшей аудиенции было подготовлено знакомством с манифестом от 13 июля 1826 г., отразившим реформаторские планы императора.⁷² Благополучный исход приема Пушкина у Николая I, а

Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз. 1975. Т. 34, № 6. С. 495. Расшифровка «К ц⟨арю⟩ г⟨ов...ому⟩ явись» была предложена Слонимским, который таким способом, по-видимому, пытался максимальным образом дискредитировать спорный текст (см.: *Слонимский А. Л. Мастерство Пушкина*. С. 144).

⁷¹ См.: *Березкина С. В.* «Пророк» Пушкина: Современные проблемы изучения. С. 35.

⁷² *Бродский Н. А.* Пушкин: Биография. С. 419–420.

также данное ему поэтом обещание отказаться от сочинения противоправительственных стихов привели к уничтожению первой редакции произведения. Тем не менее еще осенью 1826 г. Пушкин читал своим московским друзьям «Пророка» (вероятнее всего, в отрывках), о чем Погодин, единственный из всех мемуаристов, упомянул в «Воспоминаниях о Степане Петровиче Шевыреве»: «Пушкин прочел „Пророка“, который после „Бориса ⟨Годунова⟩“ произвел наибольшее действие...»⁷³ Для печати «Пророк» дорабатывался Пушкиным после возвращения из ссылки. По мнению Д. Д. Благого, это произошло в 1827 г., и Пушкин вернулся к стихотворению под впечатлением от общения с Мицкевичем.⁷⁴ В перечне ПД 291, составленном Пушкиным в конце апреля – августе 1827 г., «Пророк» фигурирует как готовое к публикации произведение. Цявловский полагал, что заголовок этого перечня — «Великой скорбию томим» донес до нас вариант первой редакции «Пророка» (*Акад.* Т. 3. С. 1130), хотя мнение это не бесспорно.⁷⁵ Возможно, отбросив политически заостренную часть произведения, Пушкин стремился иными средствами выразить

⁷³ *П. в восп.* 1985. Т. 2. С. 39.

⁷⁴ См.: Благой Д. Д. От Кантемира до наших дней: В 2 т. М., 1972. Т. 1. С. 308–312.

⁷⁵ См. об этом: Есинов В. М. Вокруг «Пророка» // Московский пушкинист. М., 2005. Т. 11. С. 18–19.

пережитое им в Михайловском чувство скорбного негодования. Эти поиски находились в русле тех декабристских замыслов, над которыми, по наблюдениям Р. В. Иезуитовой, Пушкин активно работал в Петербурге и Михайловском в конце мая – середине сентября 1827 г. («Какая ночь! Мороз трескучий...», «〈Кипренскому〉», «Арион», «Акафист Екатерине Николаевне Карамзиной»).⁷⁶ К доработке «Пророка» Пушкин обращался и после составления перечня ПД 291, о чем свидетельствует замена стиха «Великой скорбию томим» на «Духовной жаждою томим» (эта поправка может быть датирована временем не позднее 20 февраля 1828 г., когда журнал со стихотворением был подписан к печати). В конце 1827 г. текст оказался в распоряжении Погодина, который 17 ноября записал о нем в своем дневнике: «Восхищался стихами Пушкина из Исаии». ⁷⁷ В 1827 г. «Пророка» в Москву привез Соболевский, которому Погодин поручил «вытребовать» в Петербурге у Плетнева стихи Пушкина для «Московского вестника»; ⁷⁸ дата приезда Соболевского («2 ноября») отмечена в дневнике Погодина.

⁷⁶ См.: *Иезуитова Р. В.* К истории декабристских замыслов Пушкина 1826–1827 гг. // *ПИМ.* Т. 11. С. 107–114.

⁷⁷ *ПуС.* Вып. 19–20. С. 87 (публ. М. А. Цявловского).

⁷⁸ См. в письме Погодина к Соболевскому от 18 октября 1827 г.: «У нас источник иссяк» (Краткий очерк Рукописного отдела за 1914–1938 гг. Л., 1940. С. 117).

Отношение современников к новой редакции стихотворения выражено в письме Хомякова к И. Аксакову 1859 г.: «„Пророк“, бесспорно великолепнейшее произведение русской поэзии, получил свое значение, как вы знаете, по милости цензуры (смешно, а правда)».⁷⁹ Знание обстоятельств цензурной истории пушкинского произведением было связано с тем, что С. Т. Аксаков, отец адресата письма, был цензором «Московского вестника» и находился с Погодиным в самых доверительных отношениях. Следует отметить, что между ноябрем 1827 г., когда Погодин уже располагал текстом «Пророка», и вплоть до выхода его в свет в 1828 г. (т. е. почти четыре месяца) в «Московском вестнике» печатались стихи Пушкина, переданные Погодину позднее «Пророка». Нельзя исключить, что какие-то изменения (например, перемена первого стиха) были внесены Пушкиным в текст «Пророка» в ответ на требования цензора. Позднейший характер замены первого стиха определил важную композиционно-стилистическую особенность стихотворения: «...в своей сюжетной композиции, — писал В. В. Виноградов, — оно представляет динамический контрастный параллелизм двух частей (первая — до стиха „Как труп в пустыне я лежал“; вторая — отсюда и до конца), из которых одна пове-

⁷⁹ Хомяков А. С. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 382.

ствует о явлении серафима и о преобразении пророческих чувств ⟨...⟩ а другая изображает воскрешение пророка Божьим гласом, оживление новых его способностей и призыв на проповедь»; по мнению Виноградова, проследившего композиционные сцепления (отражения) двух частей стихотворения, «слово *духовный* как качественное определение не находит соответствия» во второй его части.⁸⁰ Более ранний вариант с упоминанием «великой скорби» (у героев Библии ее вызывали грехи народа и его правителей) находил оправдание во второй части в том обжигающем даре «глагола», который был способен утолить ее в воздействии на сердца людей (см. в Книге пророка Иеремии (5: 14): «Я сделаю слова мои в уста твоих огнем, а этот народ — дровами, и этот огонь пожрет их»; церк.-слав.: «Се аз даю словеса моя во уста твоя огонь, и люди сия древа, и пояст их»). Сопутствующие дары постижения природных красот мира оправдывались в замысле стихотворения неотъемлемыми от образов библейских пророков представлениями о выдающихся, поистине гениальных художественных способностях. Д. Н. Овсяннико-Куликовский объяснял пафос «Пророка» тем, что «Пушкин был под властью идеи „обличения“, ему страстно хотелось владеть таким „глаголом“. ⟨...⟩ И в этом смысле „Пророк“ представляется

⁸⁰ Виноградов В. В. Язык Пушкина. С. 132.

развитием мотива, выраженного еще в 1819 г.: „Почто в груди моей горит бесплодный жар / И не дан мне в удел витийства грозный дар?“ („Деревня“).⁸¹ Впоследствии Пушкин использовал первую редакцию начального стиха, перефразировав ее в стихотворении «Странник» (1835): «Однажды странствуя среди долины дикой, / Незапно был объят я скорбью великой».⁸²

Создавая первую редакцию, Пушкин был вдохновлен идеей социально-исторической миссии библейского пророка, призванного к обличению неправды и жестокости. После переработки произведение утратило свое злободневное звучание, и это придало ему особую философско-эстетическую глубину.⁸³ Финальное четверостишие «Пророка», по-видимому заново написанное в 1827 г., впитало в себя те идейно-образные мотивы, которые таила в себе его первая редакция.

⁸¹ Овсяннико-Куликовский Д. Н. Собр. соч. Т. 4. С. 138.

⁸² См. об этом: Благой Д. Д. Джон Беньян, Пушкин и Лев Толстой // ПИМ. Т. 4. С. 62–64.

⁸³ По словам И. З. Сурат, во втором варианте окончания Пушкин выразил «свой выбор и свой путь, отличный от декабристского, — путь творчества, освященного Небесами и имеющего не только гражданское, но и общечеловеческое значение» (Сурат И. З. Пушкин: биография и лирика: Проблемы. Разборы. Заметки. Отклики. М., 1999. С. 222).

Преемственный характер редакций «Пророка»⁸⁴ подчеркивался его авторской датировкой в «Стихотворениях» 1829 г., где «Пророк» открывал отдел стихотворений 1826 г.⁸⁵ Тема поэта-пророка развита Пушкиным в стихотворении на материале двух образов из главы шестой ветхозаветной Книги пророка Исаии:⁸⁶ во-первых, это ст. 2 с упоминанием, единственным в Библии, шестикрылых серафимов («Вокруг Него стояли Серафимы; у каждого из них по шести крыл»; церк.-слав.: «И Серафими стояху окресте его, шесть крил единому, и шесть крил другому»), а во-вторых, ст. 5–7: «И сказал я: горе мне! погиб я! ибо я человек с нечистыми устами, и живу среди народа также с нечистыми устами, — и глаза мои видели Царя, Господа Саваофа. Тогда прилетел ко мне один из Серафимов, и в руке у него горящий уголь, который он взял

⁸⁴ Это очень показательно, поскольку воздействие декабризма на русскую культуру охватывало очень значительный временной период, по мнению С. В. Житомирской, «более полувека жизни русского общества» (*Житомирская С. В. Источниковедение декабризма: Некоторые нерешенные задачи // Сибирь и декабристы. Иркутск, 1978. Вып. 1. С. 31*).

⁸⁵ См. об этом: *Измайлов Н. В. Лирические циклы в поэзии Пушкина конца 20–30-х годов // Измайлов Н. В. Очерки творчества Пушкина. А., 1975. С. 217*.

⁸⁶ См. подзаголовок «Исаии, гл. 6» к «Пророку» в изд.: *Галахов А. Д. Полная русская хрестоматия. 3-е изд. М., 1845. Ч. 2. С. 211*.

клещами с жертвенника, и коснулся уст моих и сказал: вот, это коснулось уст твоих, и беззаконие твое удалено от тебя, и грех твой очищен»; церк-слав.: «О ока-янный аз, яко умилихся, яко человек сый, и нечисты устне имый, посреде людей нечистыя устне имущих аз живу; и Царя Господа Саваофа видех очима моима. И послан бысть ко мне един от Серафимов, и в руце своей имяше уголь горящ, его же клещами взят от олтаря. И прикоснуса устнам моим, и рече: се прикоснуса сие устнам твоим, и отимет беззакония твоя, и грехи твоя очистит»); после этого пророк был отправлен к людям для обличения их грехов и отступления от истины.

Начиная с конца 1824 г. Пушкин читал Библию, которую в ответ на просьбы выслал ему в Михайловское брат (см. письма поэта к Л. С. Пушкину от начала 20-х чисел ноября и 4 декабря 1824 г.); в его распоряжении была Библия и на церковнославянском, и на французском языках, хотя, вероятнее всего, в большем употреблении у Пушкина был французский перевод. Множественный характер переключек пушкинского «Пророка» с Библией показан в работах А. Г. Чижова, Ю. В. Стенника, И. Ю. Юрьевой.⁸⁷ Сюжет стихот-

⁸⁷ Чижов А. Г. «Духовной жаждою томим...» // Наука и религия. 1983. № 2. С. 54–55; Стенник Ю. В. Пушкин и русская литература XVIII века. С. 171–177; Юрьева И. Ю. Пушкин и христианство:

ворения, передающий ступени вхождения героя в пророческое достоинство, укоренен в библейской антропологии. Кара, постигающая в произведении язык и сердце поэта, определена характерными для Библии представлениями о них как наиболее активных орудиях человеческого зла (см. в Послании ап. Иакова (3: 6): «...язык (...) оскверняет все тело и воспалит круг жизни, будучи сам воспален от геенны»; церк.-слав.: «...язык (...) скверня все тело, и паля коло рождения нашего, и опаляяся от геенны»). В Библии сердце — это средоточие всех жизненных сил человека; в решающий момент оно подлежит коренному изменению: «Как скоро Саул обратился (...) Бог дал ему иное сердце» (1 Цар. 10: 9; церк.-слав.: «...преложи ему Бог сердце на ино»); «Отвергните от себя все грехи ваши (...) и сотворите себе новое сердце и новый дух» (Иез. 18: 31; церк.-слав.: «Отвержите от себя вся нечестия ваша (...) и сотворите себе сердце ново, и дух нов»); «И дам им сердце единое, и дух новый вложу в них, возьму из плоти их сердце каменное, и дам им сердце плотяное» (Иез. 11: 19; церк.-слав.: «И дам им сердце ино, и дух нов дам им, и исторгну каменное сердце от плоти их, и дам им сердце плотяно»); «Сердце человеческое отнимется от него и дастся ему

Сб. произведений А. С. Пушкина с параллельными текстами из Священного Писания и комментарием. М., 1998. С. 143–144.

сердце звериное» (Дан. 4: 13; церк.-слав.: «Сердце его от человек изменится, сердце зверино дастся ему»); «...а исходящее из уст — из сердца исходит» (Мф. 15: 18; «Исходящая же изо уст, от сердца исходят»). Преображение сердца в Библии — это чаще всего вспышка огня (ср. с литературной традицией, отразившейся в повести У. Бекфорда (Beckford, 1760–1844) «Ватек» («Vathek», 1787), где превращенное в пылающий уголь сердце — это наказание герою за греховную жизнь): «Воспламенилось сердце мое во мне, в мыслях моих возгорелся огонь; я стал говорить языком моим: скажи мне, Господи...» (Пс. 38: 4; церк.-слав.: «Согреяся сердце мое во мне, и в поучении моем разгорится огонь; глаголах языком моим: Скажи ми Господи...»); «И подумал я: „не буду я напоминать о Нем и не буду более говорить во имя Его“; но было в сердце моем, как бы горящий огонь, заключенный в костях моих, и я истомился, удерживая его, и не мог» (Иер. 20: 9; церк.-слав.: «...и бысть в сердцах моих яко огонь горящ, палящ в костех моих, и разслабех отвсюду, и не могу носити»).

Звучание «Пророка» передает возвышенный строй библейского повествования.⁸⁸ Стихотворение

⁸⁸ См.: *Виноградов В. В. Язык Пушкина. С. 132–137; Мальчукова Т. Г. Античные и христианские традиции в поэзии А. С. Пушкина. Петрозаводск, 1998. Кн. 2. С. 123–124.*

насыщено архаическими лексико-семантическими и грамматическими элементами, характерными для торжественно-патетического ораторского стиля и восходящими к языку Русской церкви: это церковнославянизмы лексические (зеницы, отверзлась, десница, уста), семантические (пустыня, глагол, встань), образно-символические (духовная жажда, мрачная пустыня), словообразовательные (шестикрылый, празднословный), морфологические (виждь, мудрыя — вместо мудрой, гад — вместо гадов), акцентологические (внёми). О хорошем знании Пушкиным Библии свидетельствуют параллели к пушкинскому тексту, которые следует привести. Ср., например, *первое четверостишие* с рассказом о пророке Илии в третьей книге Царств: «А сам отошел в пустыню на день пути и, придя, сел под можжевельным кустом, и просил смерти себе и сказал: довольно уже, Господи; возьми душу мою, ибо я не лучше отцов моих. И лег и заснул под можжевельным кустом. И вот, Ангел коснулся его и сказал ему: встань, ешь [и пей] <...> И возвратился Ангел Господень во второй раз, коснулся его и сказал: встань, ешь [и пей]» (19: 4–7; церк.-слав.: «Сам же иде в пустыню дне петь, и прииде, и седе под смерчем, и проси души своей смерти; и рече: довлеет ныне ми, возми убо от мене душу мою Господи, яко несъм аз лучший отец моих. И ляже, и успе под садом; и се Ангел Господень

коснется ему, и рече ему: восстани, яждь и пей...»). Стихи 6–9 («Моих зениц коснулся он ~ Моих ушей коснулся он...») ср. с фрагментами из книги пророка Исаии: «И сказал Он: пойдй и скажи этому народу: слухом услышите — и не уразумеете, и очами смотреть будете — и не увидите. Ибо огрубело сердце народа сего, и ушами с трудом слышат, и очи свои сомкнули...» (6: 9–10; церк.-слав.: «И рече: иди, и рцы людем сим: и слухом услышите, и не уразумеете; и видяше узрите, и не увидите. Одебеле бо сердце людей сих, и ушима своима тяжко слышаша, и очи свои смежиша...»); «Ты видел многое, но не замечал; уши были открыты, но не слышал» (42: 20; церк.-слав.: «Видесте многожды, и не сохранисте; отверсты уши имуще, и не слышасте»). Стих «И жало мудрыя змеи...» ср. с упоминаниями о змее в книге Бытие: «Змей был хитрее всех зверей полевых, которых создал Господь Бог» (3: 1; церк.-слав.: «Змий же бе мудрейший всех зверей сущих на земли»), а также в Евангелии от Матфея: «...итак будьте мудры, как змии, и просты, как голуби» (10: 16; церк.-слав.: «...будите убо мудри яко змия, и цели яко голубие»). Наконец, стих «И уголь, пылающий огнем» имеет яркую переключку с Книгой пророка Иезекииля и, что важно, именно с церковно-славянским текстом: «И вид этих животных был как вид горящих углей...» (1: 13; церк.-слав., три последних слова: «углия огня

горящего»); «...возьми полные пригоршни горящих угольев между Херувимами» (10: 2; церк.-слав.: «...наполни горсти твоя угля огненного из среды херувимов»).

«Пророк» занимает особое место в ряду пушкинских произведений на тему поэта и поэзии. Мицкевич полагал, что Пушкин не сумел удержаться на высоте переживания, приведшего к созданию «Пророка»: «...у него не хватило духа устроить свою домашнюю жизнь и свои литературные труды в соответствии с этими высокими идеями»;⁸⁹ сочувственный анализ этого высказывания Мицкевича о «Пророке» был дан в работах В. Ледницкого.⁹⁰ Резкое несогласие с воззрением Мицкевича на «нравственное падение» поэта, якобы свершившееся после создания «Пророка», выражено в статье Вяземского «Мицкевич о Пушкине» (1872). Вяземский полагал, что стихотворение было написано Пушкиным «под влиянием всеобладающего, но перелетного вдохновения», поскольку «в жизни поэта день на день, минута на минуту не приходится».⁹¹ Уже в 1823–1824 гг. (см. стихотворения «Свободы сеятель пустынный...», «Разговор

⁸⁹ Mickiewicz A. Les slaves. Т. 4. Р. 39–40.

⁹⁰ См., например: *Lednicki W. Bits of Table Talk on Pushkin, Mickiewicz, Goethe, Turgenev and Sienkiewicz / Univ. of California. The Hague: Martunus Nijhoff, 1956. P. 71–73.*

⁹¹ Вяземский П. А. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 320–321.

Книгопродавца с Поэтом») в творчестве Пушкина начала находить выражение идея отталкивания от злободневных чаяний «толпы», живущей ожиданием от поэта проповеди или же «услаждения» плодами его вдохновений. У Пушкина в годы михайловской ссылки скептическое отношение к идее общественного служения поэта (с 1827–1828 гг. оно стало доминировать в ряду произведений, касающихся темы поэта и поэзии) уживалось с горячим ее приятием (см., например, в стихотворении «О муза пламенной сатиры!...» (1824–1825), где выражена решительная готовность поэта к сатирическому обличению сильных мира сего). В середине 1820-х гг. обаяние, исходившее от идеи гражданского служения и не позволявшее ей уйти с арены активной общественно-литературной борьбы, подогревалось художественно-эстетическим воздействием, оказываемым генерацией литераторов-декабристов.

Образ «посвящения» поэта в пророки широко использовался в русской гражданской поэзии 1820-х гг. Ф. В. Булгарин писал об этой стороне библейской образности в одном из доносов 1827 г.: «Библия и Евангелие есть республиканский кодекс в устах искусного толкователя».⁹² В трудный для Пушкина момент михайловской ссылки его увлек

⁹² Видок Фиглярин. С. 203.

свойственный ветхозаветным пророкам пафос негодования, обличения, призыва к решительной перемене жизни. Этот аспект восприятия Библии был как нельзя более характерен для декабристской лирики. По мнению Г. А. Гуковского, призыв «Глаголом жги сердца людей» близок «поэзии библейских пророков», звучавшей в декабристской среде «призывами к героизму и свободе».⁹³ «Формула высокой общественной роли, гражданского призвания поэта-пророка» заключалась, как писал Д. Д. Благой, в последнем четверостишии произведения.⁹⁴ Изучение связанного с Библией ответвления русской поэзии первой половины 1820-х гг. позволило исследователям указать на ряд параллелей к произведению Пушкина — в стихотворениях «Пророк» и «Глас пророка» Ф. Н. Глинки из его сборника «Опыты священной поэзии» (1826),⁹⁵ «Давид» (1823) А. С. Грибоедова,⁹⁶ «Упование на Бога» (1822 или 1823) и «Пророче-

⁹³ Гуковский Г. А. Пушкин и русские романтики. М., 1965. С. 271.

⁹⁴ Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина (1813–1826). С. 540.

⁹⁵ См.: Гуковский Г. А. Пушкин и русские романтики. С. 268–272; Базанов В. В. Поэтическое наследие Федора Глинки. Петрозаводск, 1950. С. 61.

⁹⁶ См.: Тынянов Ю. Н. Пушкин и Кюхельбекер // ЛН. Т. 16/18. С. 373.

ство» (1822) В. К. Кюхельбекера⁹⁷ и др. Образы Библии служили для Пушкина и основой для аллюзий общественно-политического характера, и арсеналом созвучных его переживаниям эмоциональных состояний (подобный опыт отношения к библейским текстам запечатлен в русской поэзии, начиная с Державина).⁹⁸

В пушкинскую эпоху обращениями к пророческой тематике оснащались и произведения, поднимавшие круг собственно эстетических проблем. Н. М. Языков в стихотворениях «А. С. Пушкину» и «Тригорское», написанных под впечатлением общения с поэтом летом 1826 г., обращался к нему как к «пророку изящного», пророку «воли божества». Признание «божественной» природы поэтического дара вносило столь существенные изменения в иерархию представлений о ценности человеческой личности, что поэт-пророк оказывался на недосягаемой высоте (см. в стихотворе-

⁹⁷ Ср. стих «Восстань, пророк, и виждь, и внемли» с призывом в «Пророчестве» Кюхельбекера: «Восстань, певец, пророк Свободы! / Вспрянь, возвести, что я вещал!». См. об этом: Мейлах Б. С. Пушкин и русский романтизм. М.; Л., 1937. С. 181; Кибальник С. А. Художественная философия Пушкина. СПб., 1998. С. 81–82.

⁹⁸ О связи «Пророка» с опытами переложений из Священного Писания в русской поэзии XVIII в. см.: Стенник Ю. В. Пушкин и русская литература XVIII века. С. 164, 170–181, 189–192.

нии «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» (1836): «Вознесся выше он главою непокорной / Александрийского столпа»). Идущая из античных времен философско-эстетическая традиция наделяла поэта свойством экстатических прорицаний, способных свидетельствовать о божественной красоте мира и являть ее в слове, исполненном высшей правды; эта традиция органично вошла в жизнь романтической европейской поэзии. О своем «пророческом» достоинстве Пушкин неоднократно упоминал в письмах, порой с оттенком иронии (см., например, его письма к П. А. Плетневу от 4–6 декабря 1825 г. и затем 3 марта 1826 г.).⁹⁹ В стихотворении «Пророк» Пушкин обновил популярный образ, связав его с подобным смерти страданием, через которое проходит поэт, вступая на путь пророческого служения правде. По утверждению В. Э. Вацуро, «мысль эта принадлежала самому Пушкину, ее нет в библейских книгах пророков».¹⁰⁰

П. В. Анненков назвал стихотворение «превосходной лирической песнью», которая «представляет

⁹⁹ О развитии этого мотива в творчестве поэта см.: *Старк В. П.* Притча о сеятеле и тема поэта-пророка в лирике Пушкина // *ПИМ*. Т. 14. С. 58–64; *Гаспаров Б. М.* Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка. СПб., 1999. С. 231–255.

¹⁰⁰ *Вацуро В. Э.* «Пророк» // Вацуро В. Э. Записки комментатора. СПб., 1994. С. 15.

нам одной стороной идеал поэта, как понимал его Пушкин в то время».¹⁰¹ О трансформациях образа пушкинского пророка в русской философско-критической и художественной литературе писали Н. О. Лернер, Г. П. Макогоненко, Е. В. Сомова и др.¹⁰² Особое место в ряду работ о произведении занимает статья Вл. С. Соловьева «Значение поэзии в стихотворениях Пушкина» (1899), определившая развитие концепции «Пророка» как «величайшего творения русской религиозной лирики».¹⁰³ В литературоведении советского периода философско-эстетические вопросы замысла «Пророка» решались на материале проблем двух методологических концепций — романтизма или же реализма.¹⁰⁴ Преимущественное внима-

¹⁰¹ *Анн.* Т. 2. С. 419–420.

¹⁰² См.: *Венг.* Т. 4. С. V–VIII (примеч. Н. О. Лернера); *Макогоненко Г. П.* Лермонтов и Пушкин. Л., 1987. С. 208–211 (о стихотворении Лермонтова «Пророк» и его соотношении с пушкинским «Пророком»); *Сомова Е. В.* Пушкинский «Пророк» на рубеже XIX–XX веков: Идейные и сюжетные трансформации // *Поэтика русской литературы (Пушкинская эпоха. Серебряный век)*. Краснодар, 1999. С. 132–154.

¹⁰³ *Франк С. А.* Религиозность Пушкина. С. 389.

¹⁰⁴ См., например: *Фридман Н. В.* О стихотворении «Пророк» // *Фридман Н. В.* Романтизм в творчестве А. С. Пушкина. М., 1980. С. 184–190; *Бонди С. М.* Рождение реализма в творчестве Пушкина // *Бонди С. М.* О Пушкине: Статьи и исследования. М., 1983. С. 145–155.

ние к гражданскому пафосу произведения позволило исследователям советской эпохи осветить замысел «Пророка» как яркого историко-литературного феномена. Авторы религиозно-философских концепций, связанных с образом поэта-пророка, обошли вниманием эту сторону пушкинского замысла, хотя еще Соловьев признавал, что «*есть* (...) высшая ступень пророческого, т. е. идеально-поэтического служения. Мудрое и бесстрашное слово правды есть уже, конечно, более чем слово (...) это есть действие и подвиг».¹⁰⁵

Концептуальные построения, связывающие стихотворение и его героя с образом поэта, разделялись далеко не всеми исследователями. Обзор работ о пророке Пушкина как типичном персонаже древности, заимствованном из Библии или Корана, был дан Н. О. Лернером;¹⁰⁶ применительно к идее двойственности поэта — Д. Н. Черниговским.¹⁰⁷ Пушкинский «пророк, — писал В. Ф. Ходасевич в статье «„Жребий Пушкина“, статья о С. Н. Булгакова» (1937), — есть именно пророк, каких видим в Библии»;¹⁰⁸ сход-

¹⁰⁵ Соловьев В. С. Значение поэзии в стихотворениях Пушкина // Пушкин в русской философской критике. С. 75–76.

¹⁰⁶ См. в изд.: Венг. Т. 4. С. IV–V.

¹⁰⁷ Черниговский Д. Н. Проблема создания биографии А. С. Пушкина в СССР и русском зарубежье в 20–30-е годы. М., 2002. С. 48–54.

¹⁰⁸ Пушкин в русской философской критике. С. 491.

ное мнение было высказано в статье Вяч. Иванова «Два маяка» (1937).¹⁰⁹ Иная точка зрения на генезис образа утверждалась Н. И. Черняевым: «Пророк Пушкина не безымянный и никому не ведомый библейский пророк, а Магомет, которого исповедники ислама называют просто пророком или последним пророком». ¹¹⁰ Концепции, выведившие «Пророка» за орбиту произведений Пушкина на тему поэта и поэзии, были подвергнуты критике в работах Н. Ф. Сумцова, В. С. Соловьева, Н. В. Фридмана.¹¹¹ Особенно ценна контраргументация Соловьева, касающаяся коранической концепции Черяева: Соловьев великолепно знал Библию и Коран и с этих позиций указал на его многочисленные погрешности и ошибки в его книге.

Замыслы «Пророка» и «Подражаний Корану» (1824) выросли, как считал Гуковский, из собственного романтической поэзии интереса к Востоку. Воз-

¹⁰⁹ Там же. С. 254–255.

¹¹⁰ Черняев Н. И. «Пророк» Пушкина в связи с его же «Подражаниями Корану». С. 22. О Коране как более близком, нежели Библия, источнике «Пророка» см. также: *Ефр.* 1903–05. Т. 8. С. 263; *Слонимский А. Л.* Мастерство Пушкина. С. 143.

¹¹¹ См.: *Сумцов Н. Ф.* Исследования о поэзии А. С. Пушкина. С. 10–13; *Соловьев В. С.* Значение поэзии в стихотворениях Пушкина. С. 55–64; *Фридман Н. В.* О стихотворении «Пророк». С. 186.

можно, именно цикл «Подражаний Корану» определил жанровую природу первой редакции «Пророка», которая писалась в параллель циклу кораническому. В рукописи неосуществленного издания сочинений Пушкина 1836 г. «Пророк», наряду с «Подражаниями Корану», был поэтом включен в раздел «Вольные подражания восточным стихотворениям». В «Подражаниях Корану» проявилось умение Пушкина придать автобиографический смысл заимствованному из средневекового памятника материалу. В «Пророке» это было дополнено стремлением к насыщению образов Библии актуальным для современного общества содержанием. Образы Корана и Библии, пропущенные через призму личных переживаний поэта, стали частью его духовной биографии.¹¹²

* * *

На протяжении более чем полутора столетий пушкиноведение вбирало в себя различные философские и социально-исторические веяния, что отражалось и на понимании «Пророка». Схематично движение научной мысли, связанное с этим стихотворением, можно передать следующим образом: от «Пророка» как «идеала поэта» (П. В. Анненков) и «чистого носите-

¹¹² Об идейно-стилистической близости «Пророка» и «Подражаний Корану» см.: Вацуро В. Э. «Пророк». С. 8–15; Стенник Ю. В. Пушкин и русская литература XVIII века. С. 164–170.

ля ⟨...⟩ безусловно идеального существа поэзии» (Вл. С. Соловьев)¹¹³ к декабристскому подтексту произведения; между этими концепциями был этап испуганного шараханья от открытия связи «Пророка» с историей декабризма, затем постепенное усиление социологизированной концепции и, наконец, обратное движение, возвращающее произведение к первоначальной трактовке и снимающее со счетов даже малейшее упоминание о его сложной истории.

Важную роль в развитии концептуальных построений религиозно-философского характера сыграло высказывание о «Пророке» Мицкевича. Вот что писал в опоре на него в книге «Мудрость Пушкина» (1917) М. О. Гершензон, первым попытавшийся утвердить в пушкинской биографии «факт» какого-то преобразования, будто бы пережитого поэтом и отраженного в его «Пророке»: «Мицкевич несомненно был прав, когда назвал „Пророка“ Пушкина его автобиографическим признанием. Недаром в „Пророке“ рассказ ведется от первого лица; Пушкин никогда не обманывал. Очевидно, в жизни Пушкина был такой опыт внезапного преобразования; да иначе откуда он мог узнать последовательный ход и подробности события, столь редкого, столь необычайного? В его рассказе нет ни

¹¹³ Соловьев В. С. Значение поэзии в стихотворениях Пушкина. С. 77.

одного случайного слова, но каждое строго-деловито, конкретно и точно, как в клиническом протоколе. Эти удивительные строки надо читать с суевренным вниманием, чтобы не упустить ни одного признака, потому что-то же может случиться с каждым из нас, пусть частично, и тогда важно проверить свой опыт по чужому. Показание Пушкина совершенно лично, и вместе вне-временно и универсально; он как бы вырезал на медной доске запись о чуде, которое он сам пережил и которое свершается во все века...»¹¹⁴

В работах о С. Булгакова («Жребий Пушкина», 1938) и С. Л. Франка («Религиозность Пушкина», 1933; «Светлая печаль», 1949), конечно же, нет такого безоглядного и наивного биографизма. Они писали о «преображении» поэта более осторожно, но не менее увлекательно. У Булгакова это было дано в форме яркого вопроса, утвердительный ответ на который напрашивался сам собой: «Или же Пушкин описывает здесь то, что с ним было, то есть данное ему видение Божьего мира под покровом вещества?»¹¹⁵ В книге А. С. Позова вновь проявился родственный гершензонскому пафос утверждения очевидного и неоспоримого: «В самом серафическом из всех своих произведений, в стих. „Пророк“, Пушкин показал новое

¹¹⁴ Пушкин в русской философской критике. С. 219.

¹¹⁵ Там же. С. 232.

таинство, не предусмотренное святоотеческим и апостольским богословием и школьным катехизисом, 8-е таинство сверх семи церковных таинств, таинство пророческого посвящения. Он сам принял это посвящение в почти пророческом экстазе».¹¹⁶

В основе всех религиозно-философских построений лежит высказывание о «Пророке» Мицкевича, а между тем до 1999 г. оно не было переведено на русский язык в полном объеме.¹¹⁷ Более того, ни в одной из работ такого рода нет отсылки к первоисточнику. Авторы предпочитают ссылаться друг на друга, но не на Мицкевича. Самое большее, что может читатель найти у них, — это подчеркивание авторитетности такого мемуариста, как Мицкевич. Между тем оно довольно противоречиво и нуждается в детальном анализе.

20 декабря 1842 г. Мицкевич говорил в парижской лекции о «Пророке»: «Это начало новой эры в жизни Пушкина, но у него не достало сил осуществить это предчувствие, ему не хватило духа устроить свою домашнюю жизнь и свои литературные труды в соответствии с этими высокими идеями; пьеса, о которой мы говорим, среди его произведений занимает совершен-

¹¹⁶ Позов А. С. Метафизика Пушкина. Мадрид, 1967. С. 187.

¹¹⁷ См.: Березкина С. В. «Пророк» Пушкина: Современные проблемы изучения. С. 28–29.

но особое, поистине высокое место, и никто не знает истории ее создания. Он написал ее после раскрытия заговора 1825 года. Особое состояние, в котором он написал эту пьесу, продлилось всего несколько дней, а потом началось моральное падение поэта».¹¹⁸ Анализ высказывания следует предварить характеристикой того этапа, который переживался в 1842 г. Мицкевичем. Третий и четвертый курсы общеславянской литературы были прочитаны Мицкевичем под сильнейшим влиянием Анджея Товяньского (Товианского, 1799–1878), известного мистика и проповедника польского мессианизма. По словам Б. Допарта, «личные воспоминания московско-петербургского периода становятся теперь для Мицкевича элементом определенной идеологической конструкции и теряют свою интимную окрашенность».¹¹⁹ Воздействие Товяньского легло на подготовленную почву. Мицкевича отличало высокое, основанное на внутреннем религиозном чувстве представление о долге поэта: «Мне кажется, — писал он Иерониму Кайсевичу 31 октября 1835 г., — что вернутся времена, когда надобно будет быть святым, чтобы быть поэтом, когда нужны будут априорные знания о вещах, которых разум выразить не может, чтобы

¹¹⁸ *Mickiewicz A. Les slaves. Т. 4. Р. 39–40.*

¹¹⁹ *Допарт Б. Высказывания Мицкевича о Пушкине (1837, 1842) // Адам Мицкевич и польский романтизм в русской культуре. М., 2007. С. 91.*

пробуждать в людях уважение к искусству, которое слишком долго было актрисой, блудницей или политической газетой. Эти мысли часто вызывают во мне скорбь, почти горечь; часто мне кажется, что я вижу обетованную землю поэзии, как Моисей, с вершины горы, и чувствую, что не достоин войти в нее».¹²⁰

Вся жизнь польского поэта была подчинена святому в его представлении долгу — служению страждущей отчизне. Вл. Соловьев писал о нем: «Мицкевич был больше Пушкина глубиной своего религиозного чувства, серьезностью своих нравственных требований от личной и народной жизни, высотой своих мистических помыслов и, главное, — своим всегдашним стремлением покорять все личное и житейское тому, что он сознавал как безусловно должное, — и все это, конечно, звучало и в стихах Мицкевича, — хотя бы не имевших прямого религиозного содержания, — сообщая им особую привлекательность для душ соответственно настроенных».¹²¹ Эти особенности личности Мицкевича объясняют ту требовательность, с которой он отнесся к произведению Пушкина. Мицкевич как бы спрашивал у автора «Пророка»: если в душе поэта прогремело «Глаголом жги сердца людей», то тогда где же творческое осуществление этого призыва? В по-

¹²⁰ Мицкевич А. Собр. соч.: В 5 т. М., 1954. Т. 5. С. 490.

¹²¹ Пушкин в русской философской критике. С. 44.

эзии Пушкина Мицкевич рассмотреть этого не сумел. В. Ледницкий, проанализировавший позицию польского поэта в отношении «Пророка», считал, что Мицкевич имел право на такой максимализм. В его поэзии Ледницкий указал на ряд сходных с «Пророком» образов и сюжетов. Развитое в них глубокое религиозное чувство влекло поэта к деятельному служению во имя заявленных в его творчестве идеалов. Такую же цельность жизненной и творческой позиции Мицкевич хотел видеть и у Пушкина.¹²²

Менее сочувственный отзыв о высказывании польского поэта мы находим в статье Вяземского «Мицкевич о Пушкине» (1872). Лекцию Мицкевича с упоминанием «Пророка» Вяземский пересказал следующим образом: «Говоря о некоторых отдельных стихотворениях поэта, Мицкевич обращает особенное внимание на известное под заглавием „Пророк“. В этом произведении критик видит начало новой эры в жизни Пушкина; но, продолжает он, Пушкин не имел в себе достаточной силы, чтобы осуществить это предчувствие; недостало смелости, чтобы подчинить внутреннюю

¹²² *Lednicki W. Ex oriente lux: (Mickiewicz and Pushkin) // Lednicki W. Bits of Table Talk on Pushkin, Mickiewicz, Goethe, Turgeniev and Sienkiewicz. The Hague, 1956. P. 71–73. Сходным образом оценивал эволюцию Пушкина и один из корреспондентов А. И. Герцена, который утверждал в письме к нему, что Пушкин «забыл язык „пророка“» (АН. Т. 62. С. 720–721).*

жизнь и труды свои этим возвышенным понятиям. Произведение, о котором говорим, блуждает посреди произведений его как нечто совершенно отдельное и поистине превосходное». И несколько далее: «По мнению критика, после „Пророка“ начинается нравственное падение поэта. Он бесспорно остался неподражаемым; но с тех пор не создал он ничего подобного произведению, о котором речь идет; кажется даже, он возвращается вспять».¹²³

Изложив таким образом сообщение Мицкевича, Вяземский высказал затем о нем свое мнение: «Видимо, Мицкевичу все хотелось бы завербовать Пушкина под хоругвь политического мистицизма, которому он сам предался с таким увлечением. Мудрено понять, как поэт в душе и во всех явлениях жизни своей, каковым был польский поэт, мог придать какому-нибудь отдельному стихотворению глубокое значение переворота и нового преобразования в общем и основном характере поэта. Неужели самому Мицкевичу не случалось быть под наитием всеобладающего, но перелетного вдохновения? В жизни поэта день на день, минута на минуту не приходится. Одни мелкие умы и тупоглазые критики, прикрепляясь к какой-нибудь частности, подводят ее под общий знаменатель. Далеко не таковы были ум и глаза Мицкевича. Но дух системы, но поли-

¹²³ Вяземский П. А. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 320–321.

тическое настроение отуманивает и самые светлые умы, и самое пронизательное зрение».¹²⁴

Вяземский писал свою статью в большом раздражении. Он приступил к ее созданию после знакомства с малодостоверными воспоминаниями О. А. Пршецлавского (Ципринуса), в которых Пушкин был представлен как ученик, трепещущий перед «мэтром» Мицкевичем.¹²⁵ Своей статьей Вяземский хотел расставить все по своим местам, отдав должное двум великим поэтам. Упоминание в ней лекций Мицкевича отражало давний интерес Вяземского. В начале 1840-х гг. он напряженно следил за лекциями по их переложениям во французских и польских газетах. О них ему рассказывал в своих письмах и слушатель Мицкевича в Париже А. И. Тургенев. В свое время именно этот корреспондент Вяземского принес ему известие об увлечении польского поэта Товяньским. Это во многом определило оценку двух последних лекционных курсов, данную Тургеневым. Ее разделял Вяземский, которому фигура Товяньского была весьма антипатична. Это настроение отразилось в статье Вяземского, где «товянизм» Мицкевича был охарактеризован им как «политический мистицизм».

¹²⁴ Там же. С. 321.

¹²⁵ См. об этом: *Ивинский Д. П.* Пушкин и А. Мицкевич в кругу русско-польских литературных и политических отношений. Вильнюс, 1993. С. 106–115.

В сходном ключе дана оценка изложению биографии Пушкина, содержащемуся в лекциях Мицкевича, в статье современного исследователя: «...критик применяет к жизни Пушкина типичный для романтизма биографический сценарий».¹²⁶ По мнению А. Ковальчиковой, в эмиграции Мицкевичем подвергалось «строгому осуждению каждое произведение, в котором не звучала явственная патриотическая нота».¹²⁷ Это определило оценку польским поэтом того, что было написано Пушкиным в последекабрьский период. Позиция же Пушкина, выраженная в «Пророке» в момент его создания, претерпела изменения благодаря решительной перемене в жизни поэта.

Пушкин сочувствовал социально-политическим устремлениям и целям тайных обществ, но, в силу сложных обстоятельств своей скитальческой жизни, а также пылкого и неровного характера, не стал их членом. Его поэтические произведения представляли ценный вклад в развитие оппозиционных настроений в России. Разгром восстания и кара, настигшая его участников, потрясли ссыльного поэта. В минуту скорби и негодования родилось стихотворение «Пророк», которое

¹²⁶ *Допарт Б.* Высказывания Мицкевича о Пушкине (1837, 1842). С. 96.

¹²⁷ *Ковальчикова А.* Идеология и искусство: исторические события и эстетические позиции // Адам Мицкевич и польский романтизм в русской культуре. С. 10.

было переработано Пушкиным в 1826–1827 гг.; подготовка к печати закончилась на рубеже 1827–1828 гг., причем какие-то изменения вносилось автором, возможно, под влиянием претензий цензора. В николаевское царствование Пушкин сочувственно относился к деятельности молодого царя, что было обусловлено его симпатией к нему и чувством живой благодарности за освобождение в 1826 г. В ряде поэтических выступлений Пушкин открыто поддержал Николая I, с большим пиететом отозвавшись о его энергичных начинаниях. Вместе с тем творческая деятельность, которая могла бы задеть административно-государственную верхушку России, была скована словом Пушкина, данным императору 8 сентября 1826 г. Это была искусственная преграда, поскольку доктрина неограниченного самодержавия не отвечала убеждениям Пушкина.

Проблема религиозности поэта

Одна из малоизученных сторон михайловского периода жизни Пушкина связана с духовным надзором над ним, осуществившимся в 1824–1826 гг. настоятелем Святогорского Успенского монастыря игуменом Ионой (1759–?). Дореволюционное пушкиноведение высказывалось об этом противоречиво: одни утверждали, что факт имел место в действительности, другие, напротив, отрицали его. В советское время никто из исследователей к обсуждению вопроса о духовном надзоре над Пушкиным не обращался. Показательно, что в «Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина», составленной М. А. Цявловским, нет указания на время его учреждения.

Обратимся сначала к обзору высказываний об отце Ионе, сделанных в дореволюционной литературе. Первое упоминание о нем мы находим в «Записках о Пушкине» И. И. Пущина. Он вспоминал о своей

встрече с поэтом в Михайловском 11 января 1825 г.: «...среди чтения кто-то подъехал к крыльцу. Пушкин взглянул в окно, как будто смутился и торопливо раскрыл лежавшую на столе Четью-Минею. Заметив это смущение и не подозревая причины, я спросил его: что это значит? Не успел он отвечать, как вошел в комнату низенький, рыжеватый монах и рекомендовался мне настоятелем соседнего монастыря. Я подошел под благословение. Пушкин — тоже, прося его сесть. Монах начал извинением в том, что, может быть, помешал нам, потом сказал, что, узнавши мою фамилию, ожидал найти знакомого ему П. С. Пущина (...). Ясно было, что настоятелю донесли о моем приезде и что монах хитрит. (...) Разговор завязался о том о сем. Между тем подали чай. Пушкин спросил рому, до которого, видно, монах был охотник. Он выпил два стакана чаю, не забывая о роме, и после этого начал прощаться, извиняясь снова, что прервал нашу товарищескую беседу. Я рад был, что мы избавились от этого гостя, но мне неловко было за Пушкина: он, как школьник, присмирел при появлении настоятеля. Я ему высказал мою досаду, что накликал это посещение. „Перестань, любезный друг! Ведь он и без того бывает у меня, я поручен его наблюдению. Что говорить об этом вздоре!“».¹

¹ П. в восп. 1985. Т. 1. С. 103.

Воспоминания Пущина ценны тем, что они содержат в себе сообщение самого Пушкина о той роли, которую играл о. Иона в его михайловской жизни («поручен его наблюдению»). В последующих высказываниях, касавшихся этой темы, Пущин долгое время не упоминался, поскольку при публикации его воспоминаний в 1858 г. эпизод с о. Ионой был выпущен цензурой; впервые он увидел свет в 1861 г. в герценовской «Полярной звезде», на которую ссылки в русской подцензурной печати были запрещены. М. И. Семевский в статье «К биографии Пушкина» (1869) писал, имея в виду тригорских обитателей: «...Пушкина, как гласит местное предание, отдали под надзор игумена Святогорского (...) монастыря, находящегося верстах в пяти от селца Михайловского».² В следующем году Семевский был вынужден напечатать свидетельство А. Н. Вульфа, заявившего решительный протест против этого утверждения: «Во время пребывания его в ссылке, в деревне, Пушкин под надзором игумена Святогорского монастыря не был и только угощал его у себя по праздникам».³ Свидетельство Вульфа с сочувствием процитировал Л. Н. Майков, который считал его более справедливым, чем рассказ Пущина.⁴

² Цит. по: *Семевский 2008*. С. 176–177.

³ Там же. С. 227.

⁴ См.: *Майков Л. Н. А. Н. Вульф и его дневник // Майков Л. Н. Пушкин: Биографические материалы и историко-литературные*

Иного мнения придерживался П. И. Бартенева, крупнейший дореволюционный биограф Пушкина, по крупицам собиравший свои знания о нем у родных и близких поэта. В заметке «Из записной книжки „Русского архива“» (1892) он писал о столкновении Пушкина с Воронцовым в Одессе: «Следствием была полная ссылка: он отдан под надзор местного дворянского предводителя и соседнего архимандрита...»; и далее, в примечании: «Следует доискаться в архивах Св. Синода или Псковской духовной консистории, не сохранилось ли донесений *дедушки-игумна* (выделено Бартевым. — С. Б.) об эпитимийце-Пушкине».⁵

Бартенева назвал поэта «эпитимийцей», т. е. человеком, находящимся под епитимьей. Здесь нужно сказать несколько слов об этом церковном наказании.

очерки. СПб., 1899. С. 220–221. П. В. Анненков, напротив, с уверенностью писал о «религиозном руководстве» Пушкиным, которое было поручено в 1824 г. настоятелю Святогорского монастыря (Анненков П. В. А. С. Пушкин в Александровскую эпоху. 1799–1826. СПб., 1874. С. 274).

⁵ Цит. по: Бартенева 1992. С. 298. В высказывании Бартенева дана цитата из стихотворения, напечатанного Семеvским в 1867 г. и долгое время приписывавшегося Пушкину: «Дедушка игумен / Был ли нам приятен?...». В действительности же это был искаженный отрывок из стихотворения «Я бывал таков ли?...», написанного в 1833 г. в Варшаве кругом близких Л. С. Пушкину молодых людей. Оно не имело никакого отношения к игумену Ионе (см.: Семеvский 2008. С. 177, 227, 354–355, 375–376).

Первоначально оно связывалось с публичным покаянием человека, преступившего закон церкви (чаще всего речь шла об очень серьезных с правовой точки зрения проступках), впоследствии — с наличием определенных ограничений и запрещений, касавшихся участия епитимийцы в общих молитвах, таинствах и т. п. На протяжении веков епитимийная практика претерпела значительные изменения.⁶ Законами Петровского времени прохождение епитимьи было поставлено в неразрывную связь с монастырской жизнью, чем была окончательно закреплена тенденция, издавна жившая в православной церкви. На протяжении XIX века Св. Синод неоднократно обращался в своих постановлениях к этой практике, постепенно освобождая монастыри от засилья проштрафившихся мирян. Само собой разумеется, что во все времена епитимья предполагала руководство со стороны священника, «доброе и крепкожизельное». Церковная жизнь епитимийцы приобретала при этом более интенсивный и упорядоченный, с точки зрения устава, характер. В словаре В. И. Даля, одного из приятелей Пушкина, к слову «епитимья» дано следующее пояснение: «Отдать кого под эпитимью, под духовный надзор и поучения, с наложением духовного запреще-

⁶ См.: Православная богословская энциклопедия: В 12 т. СПб., 1904. Т. 5. С. 475–479.

нья. *Быть на эпитимии*, то же». ⁷ Толкование, данное автором словаря, очень подходит к образу жизни михайловского «затворника».

В конце января 1826 г. Пушкин писал Жуковскому о причине своей ссылки в Михайловское: «Покойный император, сослав меня, мог только упрекнуть ⟨...⟩ в безверии» (*Акад.* Т. 13. С. 257); Плетневу, в то же время: «Покойный имп(ератор) в 1824 г. сослал меня в деревню за две строчки не-религиозные — других художеств за собою не знаю» (*Акад.* Т. 13. С. 256); наконец, в прошении на высочайшее имя, в мае – июне 1826 г.: «В 1824 г., имев несчастье заслужить гнев покойного императора суждением касательно афеизма, изложенным в одном письме, я был выключен из службы и сослан в деревню, где и нахожусь под надзором губернского начальства» (*Акад.* Т. 13. С. 283). Из этих строк видно, что поэт считал причиной своей михайловской ссылки письмо, отправленное им из Одессы весной 1824 г. Это письмо известно нам в отрывке, приведенном в деле Пушкина о высылке его из Одессы: «...Святой Дух иногда мне по сердцу, но предпо-

⁷ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1994. Т. 4. С. 1037. Ср. современное толкование слова «эпитимья»: «Церковное наказание, состоящее в строгом посте, длительных молитвах и т. п.» (Словарь современного русского литературного языка: В 20 т. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1994. Т. 5/6. С. 40).

читаю Гёте и Шекспира. — Ты хочешь знать, что я делаю — пишу пестрые строфы романтической поэмы — и беру уроки чистого афеизма. Здесь англичанин, глухой философ, единственный умный афей, которого я еще встретил. Он исписал листов 1000, чтобы доказать, qu'il ne peut exister d'être intelligent Créateur et régulateur,⁸ — мимоходом уничтожая слабые доказательства бессмертия души. Система не столь утешительная, как обыкновенно думают, но, к несчастью, более всего правдоподобная» (*Акад.* Т. 13. С. 92).

Именно это письмо фигурировало в «одесском» деле в качестве доказательства «дурного поведения» Пушкина. То, что полиции удалось перехватить его, увенчало сложную интригу Воронцова и Нессельроде, связанную с желанием удалить Пушкина из Одессы. Александр I колебался в своем решении до тех пор, пока не увидел «крамольное» письмо поэта. «Для него Пушкин был распространителем вредных политических идей, — писал Б. В. Томашевский, — теперь он оказался еще атеистом, что подтверждало твердое убеждение Александра о дьявольском происхождении идей политической свободы».⁹ В александровскую эпоху выражение симпатий к атеизму было поистине

⁸ что не может быть существа разумного, творца и правителя (фр.)

⁹ Томашевский Б. В. Пушкин. Кн. 1 (1813–1824). М.; Л., 1956. С. 671.

самоубийственным шагом. За это полагалось наказание. Ненависть Воронцова к Пушкину, его желание избавиться от него — все это осталось, так сказать, «за кадром» официального дела; причина новой ссылки поэта была представлена в нем в первую очередь как религиозная.

В деле о высылке Пушкина из Одессы,¹⁰ а также в других документах, связанных с его псковской ссылкой, нет упоминаний об учреждении над ним духовного надзора. Между тем епитимийцам в тогдашних епархиальных управлениях велся строгий учет. Их списки подавались как настоятелями монастырей, так и приходскими священниками. Кроме того, церковное покаяние накладывалось на мирян за преступления и проступки, обнаруживаемые по делам в епархиальном ведомстве и приговорам светских присутственных мест. Примеры кропотливой канцелярской работы, которая велась в пушкинское время в Псковской епархии с разного рода ослушниками, приведены в статье Н. С. Новикова.¹¹ Заявленное при высылке поэта из Одессы «преступление» касалось прежде всего духовной сферы, и губернское начальство не могло не поста-

¹⁰ См., например: Анненков П. В. Александр Сергеевич Пушкин в александровскую эпоху. С. 262–263.

¹¹ Новиков Н. С. Летопись сельца Михайловского и окрестностей, которую вели местные священнослужители // Христианская культура. Пушкинская эпоха. СПб., 1996. Вып. 12. С. 40–43.

вить в известность об этом начальство епархиальное. Да, вероятно, и поставило, раз о. Иона стал «наблюдать» за поэтом.

Первым, кто занялся поиском архивного дела о духовном надзоре над Пушкиным, был филолог-славист А. И. Яцимирский. О своих разысканьях он сообщил следующее: «По моей просьбе архивариусы А. И. Никольский и Л. К. Бродский¹² любезно пересмотрели вместе со мной все существующие в архиве Синода описи дел и рукописные указатели к ним за несколько лет по всем отделам, в том числе по канцелярии обер-прокурора. По имеющимся у меня вполне компетентным сведениям такого дела нет и среди признаваемых еще до сих пор секретными документов, которым также сделана опись, без особого разрешения для занимающихся недоступная. Из бесед с некоторыми видными иерархами, знакомыми с практикой ведения подобного рода „деликатных“ увещаний, каким оно могло быть в отношении Пушкина, выяснилось, что могло и совсем не существовать переписки. Частью это наблюдение усиливается характером ведения дел обер-прокурором интересующего нас периода кн.

¹² А. И. Никольский (1857–1914) — составитель трехтомного «Описания рукописей архива Святейшего Синода» (1904–1910); Л. К. Бродский известен изданиями писем выдающихся священнослужителей и иерархов Русской православной церкви, осуществленными в 1900–1910-х гг.

П. С. Мещерским, который в таких случаях переписки не заводил. Также действовал часто и преосвященный Евгений (Казанцев) (он возглавлял Псковскую епархию с 1822-го по сентябрь 1825 г. — С. Б.)». На основании архивных разысканий и консультаций с компетентными людьми Яцимирский пришел к совершенно верному, с нашей точки зрения, выводу: Пушкин, «сданный на поруки отца и находившийся под надзором гражданских властей (...) одновременно отдан был конфиденциально под духовное начало святогорского игумена». ¹³ Вот именно: духовный надзор над Пушкиным был конфиденциальным и в архивных документах не отразился. Поэтому нам здесь не все ясно, особенно сейчас, когда в поле зрения пушкиноведения попали чрезвычайно любопытные сведения.

Н. С. Новиков, изучивший исповедальные (духовнические) росписи и клировые ведомости расположенных по соседству с Михайловским церковей, сделал интересное открытие: в них нет ни одного упоминания имени Пушкина. ¹⁴ Из этого следует, что в течение двух лет, проведенных поэтом в Псковской губернии, он не исповедовался и не причащался (иначе бы осталась запись в одном из церковных журналов, а об этом

¹³ Яцимирский А. И. Святые Горы — место вечного упокоения Пушкина // Венг. Т. 6. С. 329.

¹⁴ Новиков Н. С. Летопись сельца Михайловского... С. 43.

Пушкину следовало бы особо позаботиться, поскольку вопросом о том, бывает ли он на духу, вполне могло заинтересоваться высшее начальство). Почему же имени Пушкина нет в церковных ведомостях? Может быть, это было связано с его свободным волеизъявлением? Нет, такое предположение нужно решительно отвести. В Российской империи каждый человек обязан был прийти на исповедь хотя бы один раз в год. Тот, кто этого не делал, рисковал навлечь на себя серьезные неприятности: начинался розыск о том, почему человек не бывал на духу, потом на него накладывалась епитимья, по истечении которой ослушник приобщался Святых Христовых Тайн. Учет прихожан со стороны священника должен был быть всеохватным, поскольку с них строго спрашивали за это. Вот как об этом говорит поп в русской народной сказке «Правда и кривда» из собрания А. Н. Афанасьева: «Вот хоть к примеру (...) сказать вам не солгать: в приходе-то у меня разе десятая доля на духу-то бывает, а знаю дело, мы всех записываем. Зато и нам повольтотнее...»¹⁵

Работа Новикова заставляет вернуться к высказыванию Бартенева о Пушкине как «эпитимийце». Неужели поэт, живя в Михайловском, находился под за-

¹⁵ Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. / Изд. подгот. А. Г. Барга и Н. В. Новиков. М., 1984. Т. 1. С. 152. (Лит. памятники).

претом на причащение? При таком повороте дел тема «Пушкин и православная церковь» осложняется,¹⁶ обрстая множеством побочных, непроясненных вопросов: каковы предпосылки этого церковного наказания, как оно преодолевалось Пушкиным в плане личной биографии, как отразилось в его творчестве? Ответы на них необходимы, поскольку в литературе о Пушкине уже была предпринята попытка объяснения отсутствия его имени в исповедальных ведомостях. Для Э. С. Лебедевой это обстоятельство послужило основой для обрисовки самой радужной картины: «Наши недоумения разрешаются при мысли об отце Ионе, игумене Святогорского монастыря, которого, к сожалению, И. И. Пущин обрисовал в своих записках как соглядатая и осведомителя, но который оказался высокодуховным старцем. (...) Отношение игумена Ионы к Александру Сергеевичу похожи на окормление старцем духовного чада. Подобного рода связи письменной фиксации не имели. Где доказательства,

¹⁶ В связи с этим вопросом высказывались различные суждения — как о самой тесной причастности Пушкина к православной церкви (см., например: *Черняев Н. И.* «Пророк» Пушкина в связи с его же «Подражаниями Корану». М., 1898; *Никольский В. В.* Идеалы Пушкина. СПб., 1899; и т. д.), так и к атеизму (*Рожницын В.* Атеизм Пушкина. М., 1928; *Степанов Н. Л.* Антирелигиозная тема у Пушкина // *Русская литература в борьбе с религией.* М., 1963. С. 55–78; и др.).

что это было именно так? Плоды налицо — в творчестве Пушкина. Одной и той же рукой, не принеся покаяния за „Гавриилиаду“, вряд ли можно было написать „Бориса Годунова“, произведение высочайшей христианской духовности».¹⁷

Вероятнее всего, что Пушкин, действительно, должен был исповедоваться у о. Ионы. Только вот крайне сомнительна «радость» поэта от общения с официально назначенным для наблюдения за ним священником... Во всяком случае, Пущин, повидавшийся с Михайловским «затворником», ее не заметил. О многом говорит судьба поэта пушкинского времени В. Г. Теплякова (1804–1842), которая приняла трагический оборот после неосторожного, но искреннего слова, сказанного им на духу.¹⁸ Пушкин знал об опасностях такого рода, и это во многом определило его поведение в Михайловском.

С. А. Пушкин был очень напуган известием о причине новой ссылки сына. При этом он считал себя обязанным воспрепятствовать пропаганде безбожия, которую Александр, с его точки зрения, мог обратить на брата и сестру. В письме от 31 октября 1824 г. Пушкин

¹⁷ Лебедева Э. С. Отзвуки дела о «Гавриилиаде» в истории гибели и похорон Пушкина // Христианская культура: Пушкинская эпоха. СПб., 1997. Вып. 16. С. 102.

¹⁸ Вацуро В. Э. К биографии В. Г. Теплякова // ПИМ. Т. 11. С. 192–212.

писал Жуковскому: «Отец начал упрекать брата в том, что я преподаю ему безбожие» (*Акад.* Т. 13. С. 116; в черновике упоминалась и сестра: Там же. С. 401). Таким образом, в домашнем кругу поэт был вынужден сдерживаться в своих высказываниях на религиозные темы. Скорее всего, это отразилось на всем его поведении. Испуг Пушкина при появлении святогорского игумена неприятно удивил Пущина, и мы должны обратить самое серьезное внимание на это свидетельство. Что делает Пушкин в ожидании о. Ионы? Он открывает Четыи Минеи, по-видимому демонстрируя свое послушание отеческим наставлениям духовника. Не следует ли связать с ними и настойчивые просьбы к брату о присылке в Михайловское Библии (см. его письма от 22–25 ноября и 4 декабря 1824 г.), причем не только французской, но и церковнославянской? Интересен тот ироничный тон, который сопровождал эту просьбу Пушкина в письме от 4 декабря (*Акад.* Т. 13. С. 127). Библию вполне можно было открыть на столе, как и Минеи, перед приходом о. Ионы...

7 марта 1826 г. Пушкин писал Жуковскому: «Вступление на престол государя Николая Павловича подает мне радостную надежду. Может быть его величеству угодно будет переменить мою судьбу. Каков бы ни был мой образ мыслей, политический и религиозный, я храню его про самого себя и не намерен безумно противоречить общепринятому порядку и необходимо-

сти» (Акад. Т. 13. С. 265–266). Несмотря на столь решительные уверения в религиозной лояльности („храню“), творчество поэта 1824–1826 гг. несет на себе следы очень сложного взаимодействия с церковью. При этом в нем обнаруживается и нечто, характерное только для Михайловского. Чтобы понять эту специфичность, нам нужно вернуться назад и коснуться некоторых особенностей религиозного чувства Пушкина, отразившихся в его творчестве южного периода.

Дореволюционные пушкиноведы в своих суждениях о духовном надзоре над поэтом нередко ошибались, считая его причиной поэму «Гавриилиада» (1821). Между тем в 1824 г. правительство еще не знало о ней. История этого произведения очень показательна в отношении церковной жизни людей того времени. Ее следовало бы вписать в учебники по истории христианской церкви особым параграфом (своего рода предостережение), поскольку в ней, как в капле воды, отразилось то, что никогда и ни при каких условиях не должно быть признаваемо со стороны властей, церковных или государственных, как норма духовной жизни человека.

Дело в том, что в какой-то своей значительной части «Гавриилиада» была написана Пушкиным в период говенья. Так называлась неделя, в течение которой человек ежедневно посещал богослужения (иногда все,

и утренние и вечерние), готовясь к исповеди и причащению. В 1821 г. Пасха была 10 апреля. «Летопись» Пушкина определяет период говенья рамками «28 марта – 9 апреля».¹⁹ Вероятнее всего, оно было приурочено к Великому четвергу, т. е. к 7 апреля. Датой «6 апреля 1821» Пушкин датировал в рабочей тетради ПД 833 перебеленный автограф стихотворения «Чедаеву» («В стране, где я забыл тревоги прежних лет...»). Черновая рукопись этого послания, которая находится в тетради ПД 831, прерывается записью единственного дошедшего до нас автографа, связанного с работой над «Гавриилиадой» (см.: *Акад.* Т. 4. С. 368). Это небольшой план, отражающий, по верному замечанию С. А. Фомичева, какую-то корректировку в замысле поэмы. В этот момент работа над произведением уже велась, и шла она, по-видимому, довольно интенсивно.²⁰

Примерно в это же время (1–5 апреля) Пушкин пишет другое свое произведение, не менее кощунственное по содержанию, чем «Гавриилиада». Это послание «В. Л. Давыдову» («Меж тем как генерал Орлов...»), в котором поэт вышучивает евхаристию, главное таинство христианской церкви (а он, говея,

¹⁹ *Летопись* 1999. Т. 1. С. 229.

²⁰ См.: *Пушкин А. С. Собр. соч.*: В 5 т. СПб.: Библиополис, 1993. Т. 2. С. 603 (примеч. С. А. Фомичева).

именно к нему и готовился). Насмешки Пушкина вызывает «с водой молдавское вино», употребляемое в евхаристическом каноне. Поэт явным образом не верит в то, что оно может быть не сомнительного качества напитком, а чем-то иным — Кровью Иисуса Христа, как это и утверждается христианской церковью. Послание «В. Л. Давыдову» не оставляет сомнения в том, что его автор в истинность евхаристии не верит. Он пытается говорить об «эвхаристии другой», подлинной, связывая ее с кровью, пролитой за свободу человечества. По мнению Пушкина, это ожидает и его самого, и обитателей Каменки, и вот здесь-то проявляется у поэта весь энтузиазм чувства, вызываемого словом «евхаристия»:

Но нет! — мы счастьем насладимся,
Кровавой чаши причастимся —
И я скажу: Христос воскрес.

(Акад. Т. 2. 179)

Здесь обнаруживается черта религиозности, свойственная революционно-радикальному сознанию. В нем представление об освобождении связывается с сакраментальным значением пролития жертвенной человеческой крови; это символ искупления, осознаваемого как дело будущего, но — ни в коем случае! — не прошлого. Пушкин готовил стихотворение как поздравление с Пасхой, и это обстоятельство определило

его последний стих («И я скажу...» — см. выше). Другим образцом пасхального и в то же время кощунственного послания в творчестве Пушкина является стихотворение «Христос воскрес», написанное на Светлой неделе 1821 г.

«Гавриилиада» и послание «В. Л. Давыдову» ясно обнаруживают отношение Пушкина к христианской догматике. Совершенно очевидно, что человек, исповедующий такую степень неверия, не мог приступать к Св. Дарам. Евхаристия — это средоточие литургии верных (название говорит за себя), ее участником может быть только тот, кто стремится к единству с Богом, верует в Него. По канонам церкви, это сугубо добровольное дело, здесь необходимо желание человека, идеальным образом выраженное в библейских псалмах: «Как вожделенны жилища Твои, Господи Сил! Истомилась душа моя, желая во дворы Господни; сердце мое и плоть моя восторгаются к Богу живому» (Пс. 83: 2–3).

Автору «Гавриилиады» подобные переживания были чужды. Тогда как же могло случиться, что в конце Великого поста 1821 г. Пушкин и отговел и причастился? Ответ на это дан в послании «В. Л. Давыдову»:

Я стал умен, [я] лицемерю –
Пошусь, молюсь и твердо верю,
Что Бог простит мои грехи,
Как государь мои стихи.

Говеет Инзов, и намедни
Я променял парна(сски) бредни
И лиру, грешный дар судьбы,
На часослов и на обедни,
Да на сушеные грибы.
Однако ж гордый мой рассудок
Мое раска(янье) бранит...

(Акад. Т. 2. 179)

Пушкин уже давно тяготился ежегодным говеньем. Это видно из его лицейского письма к Вяземскому от 27 марта 1816 г.: «От скуки, часто пишу я стихи довольно скучные (а иногда и очень скучные), часто читаю стихотворения, которые их не лучше, недавно говел и исповедывался — все это вовсе не забавно» (Акад. Т. 13. С. 3). И далее, в этом же письме, поэт пародирует одно из основных положений христианского учения (о вечности): «Любезный арзамасец! утешьте нас своими посланиями — и обещаю вам если не вечное блаженство, то по крайней мере искреннюю благодарность всего Лицея» (Там же).

Автор послания «В. Л. Давыдову» был предельно искренен. Именно поэтому ему удалось передать в нем нечто очень характерное для духовной жизни людей той эпохи. Нередко она принимала уродливые формы под давлением государственной идеологизированной машины. Свое вынужденное «благочестие» Пушкин назвал лицемерием. Если бы не было в 1821 г. его

насильственно-привычного обращения к церковному обряду, то, возможно, и самой бы «Гавриилиады» не было... Такова сложная диалектика этого процесса: возрастание человека в Боге носит глубоко личностный характер, и здесь не должно быть места идущему извне принуждению.

Религиозное насилие — это смертоносное оружие, способное вынудить человека к использованию самых радикальных средств для защиты своей свободы. Кошунственно-богоборческие выпады очень часто являются реакцией на попрание прав свободной человеческой личности. Именно поэтому в евангельской истории Иисус Христос так защищал Своих учеников от насильственного навязывания им, еще не уверовавшим, обрядов, основанных на человеческом авторитете.

По вполне вероятному предположению М. В. Строганова, замысел «Гавриилиады» зародился у Пушкина во время посещений Благовещенской церкви, находившейся в Кишиневе напротив дома Инзова, где жил поэт.²¹ П. А. Флоренский писал о православном храме: «Многими веками, изо дня в день собиралось сюда сокровище, самоцветный камень за камнем, зо-

²¹ *Строганов М. В.* Пушкин и Мадона // *А. С. Пушкин. Проблемы творчества.* Калинин, 1987. С. 16 (раздел об истории создания «Гавриилиады» написан В. И. Юхновичем).

лотая крупинка за крупинкою, червонец за червонцем. Как благоуханная роса на руно, как небесная манна выпадала здесь благодатная сила богоозаренной души. Как лучшие жемчужины ссыпались сюда слезы чистых сердец. Небо, как и земля, многими веками делало тут свои вклады. <...> Текли века, а это все пребывало и накапливалось».²² Это не просто поэзия. Большая правда чувства скрыта за картиной, нарисованной Флоренским. Впрочем, не следует забывать и о другой реальности. Сколько равнодушных, презрительных глаз скользило по стенам храмов, сколько острых словечек зародилось здесь в ответ на славянские выражения, сколько нелюбви, отчужденности, неприятия было схоронено в тайниках нераскаянных человеческих сердец! Вот А. Н. Вульф, приятель Пушкина, записывает в своем дневнике 22 октября 1827 г.: «Сегодня праздник Казанской богородицы. Я пошел рано (в 10 часов) в Казанскую церковь, надеясь увидеть там Государя и царское семейство. <...> Но я не мог долго выдержать эту бесконечную толкотню и очень счастлив был, когда продрался назад. — И после того есть столь бессовестные люди, которые уверяют, что они молятся в церкви и для того туда

²² Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. М., 1990. Т. I (1). С. 4.

ходят!»²³ К 1834 г. относится другая примечательная запись в дневнике Вульфа: «...я невольно почувствовал желание отдать отчет самому себе в своих понятиях о сем предмете и должен сознаться, что нашел в себе одно только сомнение или чистый скептицизм, или неверие и сомнение во всем, что относится к религиозным понятиям, к так называемым обязанностям человека к божеству».²⁴

В 1821 г. религиозное принуждение сыграло в жизни Пушкина роль детонатора. Порожденный им взрыв привел к созданию ряда произведений, вобравших в себя кощунственные мотивы. Пик творчества такого рода приходится на апрель 1821 г., т. е. на дни, непосредственно предшествовавшие причастию и последовавшие за ним (церковь называет это так: причаститься себе во осуждение). Вероятнее всего, что «Гавриилиада» была закончена на Светлой неделе, т. е. после Пасхи. Неслучайно в финале этой поэмы появляется слово «предатель»:

Досель я был еретиком в любви,
Младых богинь безумный обожатель,
Друг демона, повеса и предатель...

(Акад. Т. 4. С. 136)

²³ Вульф А. Н. Любовные похождения и военные походы: Дневник 1827–1842 / Сост. Е. Н. Строгановой, М. В. Строганова. Тверь, 1999. С. 100.

²⁴ Там же. С. 374.

Предполагается, что последнее слово характеризует те стороны взаимоотношений поэта с друзьями, о которых говорит его письмо к Н. С. Алексееву от 1 декабря 1826 г.: «Я готов донныне идти по твоим следам, утешаясь мыслию — что орогачу друга» (*Акад.* Т. 13. С. 309). В «Гавриилиаде» семантика слова «предатель», по-видимому, иная. Пушкин сравнивает себя с Иудой, предавшим Христа поцелуем. Напоминание о нем как своего рода предостережение («...ни лобзание Ти дам, яко Иуда...») содержится в молитве перед причащением. В 1821 г. Пушкин, несомненно, понимал значение совмещения, с одной стороны, церковного таинства, а с другой, кошунственных произведений. Само умение назвать вещи своими именами («я лицемерю», «предатель») было залогом той мучительной остроты, с которой впоследствии в творчестве Пушкина явился Иуда (стихотворение 1836 г. «(Подражание итальянскому)»):

И сатана, привстав, с веселием на лике
Лобзанием своим насквозь прожег уста,
В предательскую ночь лобзавшие Христа.

(*Акад.* Т. 3. С. 418)

Известно, с какой болью воспринимал Пушкин в дальнейшем упоминание о «Гавриилиаде» (об этом вспоминали В. П. Горчаков, С. Д. Полторацкий, С. А. Соболевский, М. В. Юзефович, А. С. Норов). Вес-

ной же 1821 г. поэт был окрылен своим достижением. Об этом свидетельствуют три посвящения, которыми Пушкин намеревался сопроводить поэму при передаче ее друзьям, — «Примите новую тетрадь...», «О вы, которые любили...», «Вот муза, резвая болтунья...». Нельзя не заметить, с какой заботой поэт «снаряжал» в дальний путь свою «шалунью». Ей предназначалась сложная участь — жизнь «под заветною печатью». Пушкина при этом, несомненно, вдохновлял пример автора «Орлеанской девственницы» (1735). По уверению Вольтера, сделанному в одном из его писем, поэма эта изначально не предназначалась для широкой публики, однако, проникнув в печать, именно она принесла автору европейскую известность. Возможно, что такая перспектива рисовалась и в воображении молодого Пушкина, высоко ставившего живость стиха и оригинальность фабулы своей новой поэмы.

Почти одновременно с «Гавриилиадой» Пушкин пишет стихотворение «Недавно бедный музульман...», представляющее собой начало переложения сказки французского писателя А. Б. де Сенасе (1643–1737) «Утерянное доверие, или Змей, любитель каймака, и турок, его поставщик». Вопрос о соотношении стихотворного отрывка с источником рассмотрен в статье Н. Л. Дмитриевой, которая пришла к совершенно верному, с нашей точки зрения, выводу о причине обращения к нему поэта. Вся «соль» сказки Сенасе заключена

в сентении, которую изрекает змей, один из персонажей произведения: «Зачем пускаться в долгое путешествие (...). Главное — бойся Бога, служи ближнему и следи за своим хозяйством».²⁵ Верность сентении подтверждается историей героя, предпринявшего благочестивое паломничество: из-за него он теряет сына, доверие друга и, наконец, материальное благополучие.

В статье «О задачах познания Пушкина» (1937) С. Л. Франк писал: «При всем различии между эмпирической жизнью поэта и его поэтическим творчеством, духовная личность его все же остается единой, и его творения так же рождаются из глубины его личности, как и его личная жизнь и его воззрения как человека. В основе художественного творчества лежит, правда, не личный эмпирический опыт творца, но все же всегда его духовный опыт. В этом более глубоком и широком смысле автобиографизм, в частности, поэзии Пушкина не подлежит ни малейшему сомнению».²⁶ Сказка Сенасе была созвучна положительному содержанию, усвоенному Пушкиным в религиозной жизни. Как легко было бы жить в рамках пространства, пред-

²⁵ Дмитриева Н. Л. О пушкинском переводе сказки Сенасе «Утрянное доверие, или Змей, любитель каймака, и турок, его поставщик» («Недавно бедный музульман...») // Пушкин и другие: Сб. статей к 60-летию проф. С. А. Фомичева. Новгород, 1997. С. 95.

²⁶ Пушкин в русской философской критике: Конец XIX – первая половина XX вв. М., 1990. С. 433.

ложенного сказочным персонажем! Однако идеальное понимание некоторого вполне достаточного, с точки зрения Пушкина, религиозного жизненного содержания вступало в конфликт с российской действительностью. Обряд (можно сказать и иначе — закон) всей своей давящей массой налег на этот росток и искривил его, но — не лишил его жизни.

Весной 1821 г. Пушкин, получивший необходимую отметку в исповедальной росписи и потративший столько сил «на часослов и на обедни, да на сушеные грибы», многое, подобно герою Сенесе, потерял. Если бы в 1824 г. до Александра I дошло не письмо, а «Гавриилиада», то дело не ограничилось бы ссылкой автора в родовое имение. В 1828 г., когда начались допросы, связанные с этой поэмой, Пушкин сразу определил маршрут своего возможного следования: «Прямо, прямо на восток», т. е. в Сибирь (см. письмо к Вяземскому от 1 сентября 1828 г. — *Акад.* Т. 13. С. 26). Эта распространявшаяся в списках поэма была для автора страшнее всех его вольнолюбивых стихов.

Отрывок «Недавно бедный музюльман...» интересен и в другом отношении. У Пушкина это была первая попытка переноса религиозно-медитативных поэтических экзерсисов в плоскость ориентальной тематики. Сама по себе духовная сфера привлекала поэтов во все времена. С ней связывалась богатейшая палитра художественной образности, эмоциональных состояний, углублен-

но-философских содержательных аспектов. «Нулевого» религиозного опыта в мире, по-видимому, не существует. Тяга к его осмыслению — прерогатива человеческой личности, стремящейся к самовыражению.

Н. А. Полевой, в целом негативно оценивавший такую своеобразную ветвь русской литературы, как «духовная поэзия», признавал, тем не менее, право человека «отзываться на голос религии и вне храма Божия».²⁷ В пушкинское время оно, однако, было стеснено известными обстоятельствами. На страже христианской нравственности российского читателя стояла цензура (вспомним хотя бы весьма одиозную в этом плане фигуру А. И. Красовского, петербургского цензора в 1821–1828 гг.). В ее же обязанности входила защита церковных установлений, что нередко становилось причиной претензий богословско-нравственного характера, предъявлявшихся авторам. Существовала и разноместная духовная цензура, в руки которой можно было попасть, например, из-за склонности к цитации Св. Писания (в «мирских» сочинениях это не поощрялось). Переложения библейских текстов также могли быть переданы строгим цензорам из подчиненных Синоду учреждений. Все это ограничивало возможности поэтического вы-

²⁷ Полевой Н. А. О духовной поэзии // Библиотека для чтения. 1838. Т. 26. Кн. 1. С. 100.

ражения личного духовного опыта, поскольку он мог не совпадать с заданной цензурой или «придворными мистиками» схемой. Тем не менее это было совершенно необходимо творческой личности, которая почти интуитивно находила поле иных сюжетно-тематических коллизий, позволявших говорить и о своих религиозных убеждениях, и о вечности, и о тайнах будущего, наконец, о современности и раскрытии в нем библейского пророческого слова.

Духовный опыт человека обладает абсолютной ценностью; на любом этапе роста он достоин своей высшей награды — Божьего суда. Нечто очень важное из области своего личного духовного опыта Пушкин сумел раскрыть в цикле «Подражания Корану» (1824), написанном в Михайловском. Его создание лишь отчасти было связано со стремлением постижения идейно-художественного мира Корана, выдающегося литературного памятника Средневековья. Автобиографический подтекст цикла подробно освещен в исследовательской литературе: это и мотив гонения, опирающийся на жизнеописание Магомета, и тягота духовного поиска, и зреющее в поэте пророческое самосознание.²⁸ К Корану внимание Пушкина было

²⁸ См.: Фомичев С. А. «Подражания Корану»: Генезис, архитекtonика и композиция цикла // *Врем. ПК*. 1978. Л., 1981. С. 22–45; Краснов Г. В. «Святая заповедь Корана...»: (К истолкованию

обращено благодаря возможности развить на основе источника именно эти темы, близкие ему в михайловский период.

Другая собственно пушкинская, глубоко лирическая стихия цикла отразилась в его напряженном религиозно-медитативном звучании. В значительной степени она была детерминирована источником. Аллах как центральный образ цикла характеризуется и благоволением к брачным утехам Магомета (подражание II), и суровостью обещанных кар, грядущих на нечестивцев (подражание III), и свирепыми призывами к брани с неверными (подражание VI). Все это узнаваемые черты сугубо «коранических» прочтений, связанных с проникновением в сердцевину «магометанства». Сквозь эту «подражательную» оболочку явственно просвечивает горячее желание поэта сказать свое собственное слово о Боге. Мысль о Нем увлекает автора: здесь «смелая поэзия», она зажигает сердце грандиозностью творческого усилия. Ориентальная стилистика позволяет Пушкину развить свою «богословскую» мысль без оглядки на «букву закона». В «Подражаниях Корану» Пушкин настойчиво и смело выговаривает то, что обнаруживает и его интуитивные предчувствия, и устремленность к выраже-

«Подражаний Корану») // Пушкин и мир Востока. М., 1999. С. 170–177.

нию своих представлений о Боге. Отсюда особая лирическая убедительность подражания IX, которое, как известно, выросло из нескольких слов главы Корана «Крава» и по сути своей является самостоятельным в сюжетном отношении стихотворением. «И путник усталый на Бога роптал» — начало подражания IX; его конец передает оптимистическую доминанту духовного искания, которое может быть вполне плодотворным лишь при наличии надежды: «И с Богом он дале пускается в путь». Герой этого стихотворения дважды оказывается на пике отчаяния — в результате блужданий по пустыне и, вторично, после известия о том, что его сон у колодца продолжался многие годы. В обоих случаях героя спасает чудо: «кладязь» с водой, таинственным образом утоляющей его временную жажду, и, в конце стихотворения, возвращение «минувшего», данное «по воле Владыки неба и земли» в ответ на рыдания проснувшегося старика. Сюжетная коллизия стихотворения — типично пушкинская, связанная с характерным для поэта пониманием трагической бесплодности земного странствия. Эта коллизия отразилась в стихотворениях Пушкина «Пророк» (1826), «В степи мирской, печальной и безбрежной...» (1827), «Странник» (1835) и др.

«Подражания Корану» — свидетельство напряженной духовной жизни поэта, явным образом не удовлетворившегося учением «афеизма». Однако одно

дело жизнь духовная, связанная со стремлением человека удостовериться в бытии Бога и наполнить свое знание о Нем, а другое — церковно-обрядовая. В реальной действительности они зачастую не совпадают. Это хорошо видно на примере михайловской жизни Пушкина. Внешне он занимает очень активную в отношении православной церкви позицию. В Святогорском монастыре, по донесению А. К. Бошняка, поэт бывает каждое воскресенье.²⁹ Он живо общается со священниками — с о. Ионой и о. Илларионом Раевским (по прозвищу Шкода), читает Библию. А. Д. Скоропост, воронический псаломщик, сообщал в 1891 г., что к Пушкину «приходили монахи из монастыря Святогорского»³⁰ (т. е. получается, что у него бывал не только о. Иона). Похоже, что Пушкин поставил перед собой цель — исправить в глазах окружающих, и прежде всего священнослужителей, свою репутацию как человека нерелигиозного. Судя по донесению Бошняка, ему это вполне удалось. Однако было бы наивностью полагать, что это в полной мере и адекватно отражает какое-то благотворное изменение в отношении Пушкина к церкви. Этого в Михайловском не произошло. Пушкин не писал в ссылке сочи-

²⁹ См.: *Документы к биографии*. Т. 1. С. 519.

³⁰ А. С. Пушкин в сельце Михайловском / Зап. послушник Владимирова // РА. 1892. № 1. С. 96.

ски подчеркивалась запущенность описываемого помещения: «Окно заткнутое подушкой», «И запылен(ное) (?) окно <<?>>», «Стекло разбитое», «На пыльной полке образа» (*Акад.* Т. 2. С. 994). Чистота или беспорядок — это детали, не столь значимые для поэта; их можно было и заменить. Важно другое: в обоих вариантах замысла Пушкин настойчиво выводит одни и те же характерные особенности интерьера — это образа, верба (ее принято хранить от одного Вербного воскресенья до другого, т. е. целый год), просфора (в православном быту ее место именно рядом с иконами), здесь же свечка.

Стихотворение оставляет впечатление зарисовки, сделанной с натуры. Что же это за помещение? По-видимому, монашеская келья. Вот, например, описание кельи, данное Л. Н. Толстым в повести «Юность» (1857): «Комнатка (...) была очень невелика и чрезвычайно опрятно убрана. Всю мебель составляли столик, покрытый клеенкой, стоявший между двумя маленькими створчатыми окнами, на которых стояли два горшка герани, стоечка с образами и лампадка, висевшая перед ними, одно кресло и два стула. В углу висели стенные часы с разрисованным цветочками циферблатом и подтянутыми на цепочках медными гирями: на перегородке, соединявшейся с потолком деревянными, выкрашенными известкой палочками (за которой, верно,

стояла кровать), висело на гвоздиках две рысы».³¹ У Пушкина и Толстого совпадают детали описания, вплоть до перегородки и горшков с цветами на окне.

Вероятнее всего, что в первоначальных набросках стихотворения Пушкина отразились реальные впечатления от увиденной им в Святогорском Успенском монастыре кельи, запущенной и неопрятной. Потом Пушкин решил изменить свой замысел, несколько приблизив его к цензурным условиям своего времени.³² Однако и описывая «довольно чистенькие норки», автор не сумел спрятать своего отношения к ним. Мир стихотворения «С перегородкою коморки...» совершенно чужд поэту. Какое-то недоумение сквозит в каждой его строке. Поэт как бы спрашивает самого себя: зачем живут в этом скучном пространстве люди? Он не понимает сути мужского монастырского бытия. В этом настроении, кстати, — отличие описания монашеской кельи у Пушкина от данного Толстым. Николай Иртенев, герой «Юности», с «невъизучимо приятной задумчивостью» обозревает жилище своего духовника: все предметы в нем «говорили мне внятно про какую-

³¹ Толстой А. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М.; Л., 1930. Т. 2. С. 94.

³² В «Замечаниях на Комедию о царе Борисе и Гришке Отрепьеве» Ф. В. Булгарин писал: «Во время мистицизма и влияния духовенства на литературу (т. е. в 1818–1824 гг. — С. Б.) даже имена монахов и священников запрещалось строго упоминать» (*Документы к биографии*. Т. 1. С. 582).

то новую, доселе бывшую мне неизвестной, жизнь, про жизнь уединения, молитвы, тихого, спокойного счастья...»³³ Подобного сочувствия у автора стихотворения «С перегородкою коморки...» нет. Это и понятно, поскольку Иртеньев ехал ранним утром в монастырь по своему почину (он вспомнил грех, забытый им вечером на исповеди), для Пушкина же в 1824 г. Святые Горы связывались с угрожающими обстоятельствами учрежденного над ним духовного надзора.

10–12 ноября уехала из Михайловского в Петербург О. С. Пушкина. Вероятно, поэт проводил сестру до Святых Гор, где она отслужила, по обычаю того времени, молебен на дороге.³⁴ Были в монастыре, возможно, видели отца настоятеля, посетили какие-то помещения... Под впечатлением этой поездки, полагаем, и родился замысел стихотворения «С перегородкою коморки...». Пушкин оставил его, поскольку мир монастыря был для него нестерпимо скучен. Он обратился к изображению иной картины, сладостно влекущей его романтическое воображение, — начал работу над стихотворением «Ночной зефир...». Чтобы понять полет фантазии поэта, нужно представить себе подлинную картину его михайловской жизни 1824 г.: хо-

³³ Толстой А. Н. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 94.

³⁴ О взаимоотношениях Пушкина с сестрой см.: Березкина С. В. «Она по-русски плохо знала...»: (К портрету О. С. Павлицевой) // РЛ. 2002. № 2. С. 169–173.

лод, зимний мрак, неволя ссылки, домашние неприятности, скучные монахи в своих пыльных кельях и вдруг — «гитары звон», мантилья, «чугунные перилы», «ножка дивная», Гвадалквивир...³⁵

Черновики стихотворения «Ночной зефир...» находятся на двух маленьких листочках ПД 60 и 61, первоначально представлявших собой одно целое с автографом «С перегородкою коморки...» ПД 62 (тоже отдельный листок, но большего размера). Эти автографы были разрознены, по-видимому, уже после смерти поэта (нередкий случай в истории его рукописей).

³⁵ О жизни Пушкина в Михайловском и произведениях, там написанных, см.: Березкина С. В. 1) «Алина, сжальтесь надо мною...» (Из комментария к «Признанию» А. С. Пушкина) // *Врем. ПК*. Вып. 24. С. 131–140; 2) Три пушкинских отрывка // *РЛ*. 1998. № 4. С. 86–94; 3) Историко-фольклорные источники «Песен о Стеньке Разине» Пушкина // *Русский фольклор*. СПб., 1999. Сб. 30. С. 176–185; 4) О стихотворении Пушкина «Что с тобой, скажи мне, братец...» // *Пушкин и его современники*. СПб., 1999. Вып. 1 (40). С. 155–163; 5) Из комментария к лирике Пушкина <...> 2. «Послание Л. П(ушкину)» // *Пушкин и его современники*. СПб., 2000. Вып. 2 (41). С. 159–170; 6) История эпиграммы Пушкина «Литературное известие» // *РЛ*. 2004. № 2. С. 145–151; 7) «Грамматическая ошибка» в стихотворении Пушкина «Буря» // *Русский фольклор*. СПб., 2004. Вып. 32. С. 67–69; 8) «И ветер воил и летал...»: *Воил* в стихотворении А. С. Пушкина «Буря» // *Русская речь*. 2004. № 3. С. 7–9; 9) *Камка хрущатая и камча новгородская* в стихах Пушкина // *Русская речь*. 2005. № 5. С. 115–119.

Предложенный здесь порядок заполнения не дошедшего до нас большого листа с записями Пушкина является гипотетическим, поскольку мы не располагаем всеми его фрагментами (края трех листков не совпадают при совмещении, хотя их былая целостность сомнения не вызывает). Палеографические особенности автографов ПД 60, 61 и 62 (чернила, почерк, характер исправлений) идентичны.³⁶

Настроения, определившие звучание оставленного стихотворения «С перегородкою коморки...», не исчезли бесследно из памяти Пушкина. Они нашли свое отражение в трагедии «Борис Годунов», начатой спустя несколько недель в декабре 1824 г. В сцене у фонтана Отрепьев говорит о себе Марине Мнишек:

⟨...⟩ я бедный черноризец;
Монашеской неволею скучая,
Под клобуком, свой замысел отважный
Обдумал я, готовил миру чудо.

(Акад. Т. 7. С. 61)

³⁶ Об автографах ПД № 60, 61 и 62 см.: Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме: Научное описание / Сост. Л. Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский. М.; Л., 1937. С. 26. См. также: *Модзалевский Б. Л.* Новинки пушкинского текста по рукописям Пушкинского Дома // Сборник Пушкинского Дома на 1923 год. Пг., 1922. С. 6–8.

Более обстоятельно мотив «монашеской неволи» развит в сцене «Ограда монастырская», исключенной из окончательной редакции трагедии. Сцена открывается монологом Отрепьева:

Что за скука, что за горе наше бедное житье!
День приходит, день проходит — видно, слышно все одно:
Только видишь черны рясы, только слышишь колокол.
Днем, зевая, бродишь, бродишь; делать нечего — соснешь.
Ночью долгою до света все не спится чернецу.
Сном забудешься, так душу грезы черные мутят;
Рад, что в колокол ударят, что разбудят костью.
Нет, не вытерплю! нет мочи. Чрез ограду да бегом.
Мир велик; мне путь дорога на четыре стороны.

(Акад. Т. 7. С. 263)

Старый чернец, подавший совет Отрепьеву стать самозванцем, сочувственно отзывается на это: «Вы разгульные, лихие, молодые чернецы» (Там же).

Обе песни «бродяг-чернецов» в сцене «Корчма на литовской границе» посвящены теме «монашеской неволи». В «Собрании разных песен» М. Д. Чулкова (напеч. 1770–1774) одна из них заканчивалась словами (напомним, что в трагедии Пушкина тексты песен не приводятся, там указаны только первые их строчки):

Ты сгори моя скучная келья,
Пропади ты мое черное платье,
Уж как полно мне добру молодцу спастись,

Не пора ли мне добру молодцу жениться,
Что на душеньке на красной на девице...³⁷

На воспроизведение в трагедии монахов было особо указано в «Замечаниях на Комедию на Царе Борисе и Гришке Отрепьеве», наиболее вероятным автором которых считается Ф. В. Булгарин (этот отзыв был написан по просьбе А. Х. Бенкендорфа и хранился в бумагах III Отделения): «...монахи слишком представлены в развратном виде». Автором «Замечаний» это связывалось с воздействием на Пушкина народных песен о монахах и «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина. «...у Карамзина, — пишет он, — все это описано вдесятеро сильнее — и он говорит даже, что в то время Россия была наполнена беглыми монахами, которые, скитаясь по обителям, делали большие соблазны и даже злодеяния».³⁸

Изображение у Пушкина беглых монахов было обусловлено правдой эпохи рубежа XVI–XVII вв. Читая «Историю» Карамзина, Пушкин не мог не почувствовать, что трагическая интрига Смутного времени зародилась и созрела в «ограде монастырской» (дополнила эти представления современная наука, указавшая на

³⁷ Цит. по: Пушкин А. С. Борис Годунов / Предисл., подгот. текста и статья С. А. Фомичева; Коммент. Л. М. Лотман. СПб., 1996. С. 301, 299–301.

³⁸ Цит. по: Там же. С. 489.

возможность влияния на Отрепьева со стороны знатных родов Романовых и князей Черкасских). По Карамзину получалось, что именно в «ограде монастырской» вырос и напитался знаниями Гришка Отрепьев, а «злой инок» (подлинный персонаж «Истории») подсказал ему свой страшный умысел, оттуда бежали во главе с Самозванцем трое «духовных лиц», которые затем были принимаемы всеми монастырями как странствующие иноки. Вместе с тем некоторое сочувствие Пушкина к Самозванцу как герою произведения (а ему поэт передал свою заветную мысль: «Я верую в пророчества пиитов») было связано с личными впечатлениями, полученными им в Святогорском монастыре. Видимо, в 1824 г. он произвел на автора «Годунова» неблагоприятное впечатление. Пушкин почеловечески, сочувственно понял, что под воздействием монашеской жизни, ставшей следствием ошибки или прямого насилия над человеком, в мужском сердце могут зародиться невероятные страсти и умыслы, поэтому его Лжедмитрий — это прежде всего деятельный авантюрист романтического плана, стремящийся вырваться из «неволи» монастыря.

В образной системе «Бориса Годунова», связанной с «оградой монастырской», своего рода исключением является летописец Пимен. Его жизнь в тесной келье наполнена смыслом и светом. Суждения старца отличает ясность нравственных критериев. Почему же его не

тяготит «монашеская неволя»? Как, например, злого чернеца из сцены «Ограда монастырская»? Он, сожалея об утраченной молодости, говорит Отрепьеву: «Если б я был так же молод, как и ты, / Если б ус не пробивала уж лихая седина...» (Акад. Т. 7. С. 264). Ответ Пушкина прост: творчество способно скрасить тяжесть любой участи. Пимен — творец, он увлечен своим «художеством», и поэтому ему не тесно в монашеской келье. Но есть и еще одно определяющее этот образ обстоятельство: летописец стар. «Блажен, кто смолоду быя молод...» Пушкин придерживался характерных для античности взглядов на возраст человека, гармоничное развитие которого требует сообразных «летам» увлечений и занятий. Старости, умудренной опытом, глубокомысленной и творчески активной, монашеская одежда, как говорится, «пристала». Не то с цветущим мужским возрастом. Именно об этом говорит Пимену в келье Чудова монастыря Григорий:

Как весело провел свою ты младость!

⟨...⟩

Зачем и мне не тешиться в боях,
Не пировать за царскою трапезой?
Успел бы я, как ты, на старость лет
От суеты, от мира отложиться,
Произвести монашества обет
И в тихую обитель затвориться.

(Акад. Т. 7. С. 19)

В этих словах сквозит личная убежденность автора, который смысла иноческой жизни не понимает и мужчине, добровольно принявшему на себя монашеский обет, не сочувствует.

Так было в 1824–1825 гг. Впоследствии вопрос о смысле иночества (зачем люди обрекают себя на эту сложную и по-своему мучительную жизнь?) вновь встал перед поэтом. Пушкин ответил на него в стихотворении 1829 г. «Монастырь на Казбеке»:

Далекий, возделенный брег!
Туда б, сказав прости ущелью,
Подняться к вольной вышине!
Туда б, в заоблачную келью,
В соседство Бога скрыться мне!..

(Акад. Т. 3. С. 200)

Возможность уйти от земной суеты и целиком отдаться полету возвышенной, свободной мысли влечет к себе тридцатилетнего поэта. Следует, однако, отметить, что в стихотворении дано как бы «теоретическое» решение проблемы иночества. В «Монастыре на Казбеке» поэт видит себя в полном одиночестве: только «соседство Бога», больше никого — ни «духоносных старцев», ни монашеской братии. Его представление об идеальном иночестве связано с Казбеком как некоей далекой от жизни абстракцией, если же речь вести об иных горах — родных, псковских, пусть

даже и нареченных Святыми, — то здесь у Пушкина трудно обнаружить какой-либо энтузиазм.³⁹

Во второй половине 1825 г. Пушкин пишет наброски перевода стихотворной сказки Вольтера «Что нравится женщинам» (1763); они известны под заголовком «〈Из Вольтера〉» («Короче дни, а ночи доле...»). «Что нравится женщинам» — это занимательная сказка о приключениях молодого путешественника. Четыре маленьких отрывка в переводе Пушкина воспроизводят отдельные моменты произведения Вольтера. В пушкинском тексте интересен набросок стиха «В то время деньги 〈 〉» (*Акад.* Т. 2. С. 445), связанный со следующим утверждением автора «Что нравится женщинам»: во времена, когда жил Роберт, герой сказки (это VII в., эпоха короля франков Дагоберта), деньги доставались только служителям церкви.⁴⁰ Примечательно, что в переводе Пушкина объемом менее двадцати стихов отмечена именно эта деталь источника. В такого рода заметках, связанных с какими-то личными наблюдениями над жизнью духовенства, таилось зерно замысла будущей сказки Пушкина «О попе и о работнике его Балде» (1830).

³⁹ Ср.: Котельников В. А. Пушкин и иночество // Пушкинская эпоха и христианская культура. СПб., 1994. Вып. 5. С. 20–24.

⁴⁰ О сказке Вольтера и о работе над ней Пушкина см: Алексеев М. П. Пушкин и Чосер // Алексеев М. П. Пушкин: Сравнительно-исторические исследования. Л., 1972. С. 387–392.

1825 год в жизни Пушкина был отмечен взлетом интереса к творчеству Вольтера. С ним связано и стихотворение «Начало I песни Девственницы», которое первоначально в автографе называлось несколько иначе: «I песнь Девственницы» (*Акад.* Т. 2. С. 980). Если Пушкин и хотел перевести какую-то большую часть антиклерикальной поэмы Вольтера «Орлеанская девственница» (не меньше первой песни), то следует признать, что никаких надежд на публикацию перевода у него не было. Его работа лишьполнила бы арсенал сочинений, «презревших печать». В таком случае следует обратить внимание на то упорство, с которым Пушкин пытался удержаться на стезе, проложенной им при создании «Гавриилиады». Ведь и у этой поэмы, и у отрывка «Начало I песни Девственницы» сходная тематика: «Я не рожден святыню славословить, / Мой слабый глас не взыдет до небес» (*Акад.* Т. 2. С. 451). Святыня, о которой здесь говорится, — это девственность. Таким образом, оба этих произведения Пушкина объединены общими кощунственными мотивами.

Подведем итог нашим рассуждениям о причинах и следствиях духовного надзора над Пушкиным в 1824–1826 гг. Поэт был по-настоящему испуган появлением в его жизни попечительного о. Ионы. Это привело к новому возмущению тех протестующих против церкви настроений и мыслей, которые таились в нем. Впоследствии эта буря улеглась и — как это ни

странно — не без влияния о. Ионы. Поэт увидел, что его опасения были напрасны. Настоятель Святогорского монастыря оказался безобидным, добродушным стариком, да к тому же еще со склонностью к чарочке. Яркая народная речь святогорского игумена, по-видимому, нравилась Пушкину, и его поговорки он не раз припоминал в ходе своей творческой работы (в «Борисе Годунове»: «...выпьем, поворотим, и в донушко поколотим»). Определенный интерес для поэта составляла и библиотека монастыря, возглавлявшегося о. Ионой. Какой-то особой домашней теплотой дышит сообщение Бошняка в донесении 1826 г. об отношении поэта со святогорским настоятелем: «Пушкин иногда приходит в гости к игумену Ионе, пьет с ним наливку и занимается разговорами».⁴¹ А вот что в 1891 г. вспоминал об этом крестьянин по имени Афанасий: к Пушкину «приезжал из Святогорского монастыря монах, беседовал с ним или ходил с ним вдвоем по лесу».⁴² Поэт знал, что его участь во многом зависит от того отзыва, который в определенных условиях даст о нем именно игумен Иона. Так и случилось в июле 1826 г., когда в Святые Горы пожаловал со шпионскими целями Бошняк. О. Иона дал ему о Пушкине самый благоприятный отзыв: «Он ни во что не мешается и живет,

⁴¹ *Документы к биографии*. Т. 1. С. 520.

⁴² РА. 1892. № 1. С. 97.

как красная девка».⁴³ И это сыграло свою роль в освобождении Пушкина из ссылки. В том, какой оборот для Пушкина принял духовный надзор игумена, была большая заслуга просвещенного и образованного человека — архиепископа Евгения (Казанцева). Видимо, задание, данное им святогорскому настоятелю, не предполагало особой строгости и служебного рвения.

* * *

Тема «Религиозность Пушкина» связана со сложнейшим комплексом научно-биографических проблем. Подход к ней научного пушкиноведения определяется тем, что это, прежде всего, одна из сторон идеологии поэта. Обсуждение вопросов идейного развития художника — это сложнейший процесс, на который оказывают свое воздействие разные факторы: цензура, идеология, мировоззренческие доминанты, направленность академических и неакадемических изданий, наконец, мода.⁴⁴ Несмотря на эти трудности, спорам вокруг идейного содержания произведений поэта (а

⁴³ *Документы к биографии*. Т. 1. С. 520.

⁴⁴ Один из новейших и очень ценных по своему результату опытов осмысления развития пушкиноведения на примере локального исторического периода дан в изд.: *Черниговский Д. Н.* История изучения политической биографии А. С. Пушкина в литературоведении СССР и русского зарубежья в 1920–30-е годы. Киров, 2008.

зачастую они принимают форму «борьбы за Пушкина») угаснуть не дано, и академической науке, думаю, еще придется сказать свое весомое слово в связи с проблемой «Пушкин и христианство».

В чем сложность введения того или иного сочинения поэта в этот проблемный круг? Прежде всего здесь требуется эрудиция в области как творчества Пушкина, так и христианства. Недостаток сведений о поэте способен привести к облегченным трактовкам произведений, образцы которых можно встретить на страницах уже многочисленных сборников работ о Пушкине.⁴⁵ С другой стороны, малый объем знаний из мира христианской церкви может сказаться в погрешностях реального комментария или же в утрате глубокой перспективы, открывающей многообразие и конфликт идей, лежащих в основе творческой эволюции Пушкина. М. Ф. Мурьянов писал по этому поводу: «Сегодня интерпретация произведений искусства слова, созданных русскими поэтами на религиозную тему, представляет, пожалуй, наибольшие трудности, потому что (...) церковная традиция известна лишь извне и в самых общих чертах».⁴⁶

⁴⁵ Критическую реплику по поводу работ на тему «Религиозность Пушкина», вышедших в 1990-х гг., см.: Сурат И. З. Пушкин: биография и лирика. М., 1999. С. 11–14.

⁴⁶ Мурьянов М. Ф. О стихотворении Пушкина «Напрасно я бегу к сионским высотам» // Творчество Пушкина и зарубежный Восток. М., 1991. С. 167.

Проблема «Религиозность Пушкина» требует своего языка, соотнесенного с догматикой и обрядом церкви, знаний из области религиозной психологии и общественных движений, связанных с историческими метаморфозами церковной жизни.

Выводы, вытекающие из наблюдений историко-культурного плана, указывают на широкий спектр возможностей биографического подхода к решению проблемы «Пушкин и христианство». Отражения темы материнства в творчестве Пушкина, сложнейшим образом сопряженной с его религиозной эволюцией, — демонстрация важности исследования подознавательного для анализа творческо-биографических фактов и сюжетов.⁴⁷ Наиболее плодотворно рассмо-

⁴⁷ Проблема изучения психологии личности Пушкина имеет давнюю научную традицию — см.: *Анучин Д. Н. А. С. Пушкин: Антропологический эскиз*. М., 1899 (отд. отт., публ. «Русских ведомостей»); *Чиж В. Ф. А. С. Пушкин как идеал душевного здоровья*. Юрьев, 1899 (отд. отт., публ. «Учен. зап. Имп. Юрьевского ун-та»); *Сикорский И. А.* Антропологическая и психологическая генеалогия Пушкина. Киев, 1912; *Овсянко-Куликовский Д. Н.* Собр. соч.: В 9 т. СПб., 1909. Т. 4: Пушкин; *Вересаев В. В.* К психологии пушкинского творчества // Вересаев В. В. Загадочный Пушкин. М., 1996. С. 181–198; *Ермаков И. Д.* Психоанализ литературы: Пушкин. Гоголь. Достоевский. М., 1999; *Трошин Г. Я.* Пушкин и психология творчества. Прага, 1937; *Черниговский Д. Н.* Проблема создания биографии А. С. Пушкина в СССР и русском зарубежье в 1920–30-е годы. М., 2002. С. 75–136; и др.

трение этого круга творческих мотивов и образов в системе фрейдистских и постфрейдистских понятий. По мнению Ф. Е. Мэньюэла, использование психоаналитических понятий в научной работе предполагает несколько иные приемы доказательства, основывающиеся на вере в то, что подсознательное оставило видимые следы в истории и может быть расшифровано исследователем.⁴⁸

Надежда Осиповна Пушкина (1775–1836) не была обойдена вниманием пушкинистов. Уже П. В. Анненков в своих «Материалах для биографии А. С. Пушкина» остановился на личности «прекрасной креолки», кратко охарактеризовав ее взаимоотношения с сыном в период его раннего детства: «До семилетнего возраста Александр Сергеевич Пушкин не предвещал ничего особенного; напротив, своею неповоротливостию, своею тучностию, робостию и отвращением к движению он приводил в отчаяние Надежду Осиповну, женщину умную, прекрасную собой, страстную к удовольствиям и рассеяниям общества, как и все окружающие ее, но имевшую в характере те черты, которые заставляют детей повиноваться и вернее действуют на них, чем мгновенный гнев и вспышки. Впрочем, она не могла скрыть предпочтительной любви сперва к дочери, а по-

⁴⁸ Мэньюэл Ф. Е. О пользе и вреде психологии для истории // Философия и методология истории. М., 1977. С. 284.

том к меньшому сыну».⁴⁹ Характеристика Анненкова опиралась на свидетельство О. С. Павлищевой, сестры поэта.⁵⁰ В ней были даны основные параметры, определившие портрет Надежды Осиповны в пушкиноведческой литературе. Опубликованные впоследствии воспоминания и письма, вышедшие из круга родных и знакомых семейства Пушкиных, добавляли все новые и новые черты к картине, нарисованной Анненковым. Они были собраны В. В. Вересаевым в портрете матери поэта, преувеличившем негативные стороны ее характера: «Надежда Осиповна была властна и взбалмошна. Муж находился у нее под башмаком. С детьми она обращалась деспотически»; и несколько далее: «Материнской ласки Пушкин никогда от нее не видел».⁵¹

Иной подход к оценке личности Надежды Осиповны наметился после публикации ее переписки с дочерью, относящейся к 1828–1835 гг. «По-новому раскрываются в письмах характеры родителей поэ-

⁴⁹ *Анн.* Т. 1. С. 11. Сходным образом смотрел на Пушкина и его мать и А. Н. Вульф: 21 марта 1842 г. он записал в своем дневнике о Льеви Пушкине, который приехал «взглянуть на могилу своей матери и брата, лежащих теперь под одним камнем, гораздо ближе друг к другу после смерти, чем были в жизни» (*Вульф А. Н. Любимые похождения и военные походы.* С. 233).

⁵⁰ *П. в восп.* 1985. Т. 1. С. 34–35.

⁵¹ *Вересаев В. В. Спутники Пушкина: В 2 т. М., 1993. Т. 1. С. 20–21.*

та... — писала Я. Л. Левкович. — Надежда Осиповна — фигура незаурядная, красочная. В ней много черт, долго ее молодивших: живость, остроумие, любовь к светской жизни. Капризная и властная, в молодости она бывала резка с мужем и детьми. Письма показывают другие ее стороны — она нежная семьянинка, чрезвычайно заботливая любящая мать, а потом и бабушка». ⁵² Настоящее восхищение Надеждой Осиповной звучит в предисловии к полной публикации ее писем, подготовленной Л. Л. Слонимской: «Трудно представить более любящую жену и мать. Вся ее жизнь в любви и тревоге за Сергея Львовича и детей, которых она любила всех равно, а Льва Сергеевича со страстностью». ⁵³

Итак, в пушкиноведении оформились два подхода к характеристике личности Надежды Осиповны. На чьей же стороне правда? И можно ли в настоящий момент нащупать критерий, способный подтвердить справедливость той или иной концепции? Повидимому, да. Этот критерий — творчество ее сына. Страницы пушкинских произведений отразили сложную динамику взаимоотношений поэта с матерью. Анализ этого процесса содержит в себе урок большой

⁵² Левкович Я. Л. По неизвестным письмам // Звезда. 1974. № 6. С. 177.

⁵³ *Фамильные бумаги*. Т. 1. С. 8.

драматической силы. Следует сразу же подчеркнуть, что, проследив этот процесс до конца, мы придем к вполне благополучной, счастливой развязке.

* * *

Остановимся на некоторых особенностях детства поэта. В «Семейной хронике» Л. Н. Павлицева, весьма сомнительной во многих отношениях, есть сообщение «о наказаниях, придуманных Надеждой Осиповой для ⟨...⟩ Александра Сергеевича, чтобы отучить его в детстве от двух привычек: тереть свои ладони одна о другую и терять носовые платки; для искоренения первой ⟨...⟩ она завязала ему руки назад на целый день, проморив его голодом; для искоренения же второй — прибежала к следующему: „Жалую тебя моим бессменным адъютантом...“ — сказала она дяде, подавая ему курточку. На курточке красовался пришитый, в виде аксельбанта, носовой платок. ⟨...⟩ При аксельбантах она заставляла его и к гостям выходить. В итоге получился требуемый результат — Александр Сергеевич перестал и ладони тереть, и платки терять».⁵⁴

⁵⁴ Павлицев Л. Н. Воспоминания об А. С. Пушкине. М., 1890. С. 9.

Строгость в отношении к детям — весьма характерная черта семейной педагогики того времени.⁵⁵ Воспоминания Павлищева дают материал для еще одной иллюстрации такого рода. В ней присутствуют и некие специфические черты, свидетельствующие о том, что семья Пушкиных не была жестко разделена, как это было принято во многих домах их круга, на две половины — детскую и родительскую (а эта последняя, в свою очередь, — на материнскую и отцовскую). Семья была монолитной (здесь была, кстати, заслуга Сергея Львовича, которой пушкиноведение не воздало должное), и это обстоятельство не учел А. Н. Вульф, предрекавший поэту неудачу в семейной жизни. А. С. Пушкин повторил (в основном) опыт отца, который, при всех недостатках своего характера, был очень семейственным человеком.

Воспоминания Павлищева показывают, что у Надежды Осиповны не было индифферентности в отношении к какой-то из сторон жизни детей. При этом

⁵⁵ См. обзор мемуарных свидетельств, а также библиографию исследований, связанных с этой стороной воспитания в дворянской семье, в книге Е. И. Анненковой «Аксаковы» (СПб., 1998. С. 38–42), вышедшей в серии «Преданья русского семейства». См. также: *Грачева Е. Н.* Представления о детстве поэта на материале жизнеописаний конца XVIII – начала XIX вв. // *Лотмановский сборник: Памяти Ю. М. Лотмана (28.02.1922–28.10.1993)*. М., 1995. (Т. 1). С. 323–329.

в ее манере общения с детьми был элемент нетривиальной жесткости: «Никогда не выходя из себя, не возвышая голоса, — писал Л. Н. Павлицев, — она умела, что называется, дуться по дням, месяцам и даже целым годам. Так, рассердясь за что-то на Александра Сергеевича, которому в детстве доставалось от нее гораздо больше, чем другим детям, она играла с ним в молчанку круглый год, проживая под одною кровлею».⁵⁶ Для отношений матери и ребенка это настолько необыкновенно, что в сообщении Павлицева можно было бы и не поверить, если б не одно обстоятельство. Ситуация «мать есть, но ее как бы и нет» очень характерна для биографии Пушкина. Мы еще не раз столкнемся с этим при рассмотрении различных периодов его жизни.

Что же послужило причиной столь видимого для окружающих недостатка любви в отношении матери к старшему сыну? Письма 1828–1836 гг. свидетельствуют, что Надежда Осиповна считала материнство смыслом всей своей жизни. 14 июля 1833 г. она писала Ольге Сергеевне и Льву Сергеевичу: «Я молюсь о вашем счастье, мои дети; когда нельзя мне быть тому свидетельницей, как это дано матерям более счастливым, чем я, то я желала бы хоть быть в нем убежденной, и эта уверенность смягчила бы мучения разлуки, с которой

⁵⁶ Павлицев Л. Н. Воспоминания об А. С. Пушкине. С. 9.

я никак не могу свыкнуться. Прощайте, мои добрые друзья, да защитит вас Небо, целую вас со всей нежностью моего сердца, поцелуйте друг друга за меня, и оба накрепко скажите себе, что у вас нет лучшего друга на свете, чем мать ваша, которой хочется жить для того только, чтобы вам это доказать».⁵⁷ Подобного рода выражениями нежных чувств к детям наполнены все письма Надежды Осиповны: «Сердце мое всегда с тобою, во весь день я только и думаю, что о тебе и твоих братьях»; «...Без вас для меня нет красных дней»⁵⁸ и т. п. Надежда Осиповна была по-матерински нежна и с детьми своих родственников. Летом 1829 г. она очень подружилась в Тригорском с шестилетней дочерью П. А. Осиповой: «Ее маленькая Катинька очаровательна и очень ко мне привязана; когда я сказала ей, что уеду жить в Михайловское, она принялась плакать. Бедное дитя, она такая заброшенная».⁵⁹

Сестра поэта вспоминала: «До шестилетнего возраста Александр Сергеевич не обнаруживал ничего особенного; напротив, своею неповоротливостью, происходившею от тучности тела, и всегдашней молчаливостью приводил иногда мать в отчаяние. Она почти

⁵⁷ *Фамильные бумаги. Т. 1. С. 170.*

⁵⁸ Там же. С. 37 (письмо к О. С. Павлицевой от 16 июля 1829 г.), 139 (к ней же, 16 марта 1833 г.).

⁵⁹ Там же. С. 40 (к ней же, 23 июля 1829 г.).

насиленно водила его гулять и заставляла бегать».⁶⁰ Впоследствии с ребенком произошла разительная перемена, по-видимому вследствие какого-то травматического переживания, и уже в Лицее его знали как резвого и шаловливого мальчика. Переворот пришелся на 1805 г., когда в семье Пушкиных появился Лев Сергеевич, любимец Надежды Осиповны (его брату в этот год было именно шесть лет). Привязанность к нему матери была исключительной по своей силе: «...Я плачу, когда подумаю о тебе, дорогой мой Леон, но я не хочу и помыслить, что эта разлука будет продолжительна. Господь же наказывает нас превыше наших сил, и я чувствую, что больше не смогу выносить твоего отсутствия, я нуждаюсь в тебе, как в воздухе, которым дышу» (письмо от 20 декабря 1832 г.).⁶¹

Известно, какое значение для формирования человека имеет конкуренция между братьями и сестрами из-за любви родителей: «Ребенок, отодвинутый рождением нового ребенка на второй план, первое время почти изолированный от матери, с трудом прощает ей это свое положение; у него появляются чувства, которые у взрослого можно было бы назвать глубоким ожесточением, и часто они становятся причиной дли-

⁶⁰ *П. в восп.* 1985. Т. 1. С. 30.

⁶¹ *Фамильные бумаги.* Т. 1. С. 122–123.

тельного отчуждения».⁶² Попытка применить это наблюдение к личности поэта может натолкнуться на такое возражение: к моменту рождения Льва у Пушкиных были еще и дочь Ольга и сын Николай. Чтобы понять особую любовь матери ко Льву, нужно углубиться в историю семьи Пушкиных. В 1807–1811 гг. Пушкины потеряли четырех детей, причем трое из них были младенцами (Николай Сергеевич умер в возрасте шести лет в 1807 г.). В письмах Надежды Осиповны встречаются неоднократные упоминания о них. Так, еще в 1829 г. какая-то женщина из числа прислуги оставалась для нее «Колинькиной няней».⁶³ В 1834 г. Надежда Осиповна вспоминала об одной из своих дочерей, сравнивая ее со старшей дочерью Александра: «Она напоминает мою маленькую Софи, не думаю, чтобы она долго прожила».⁶⁴ По-видимому, именно череда детских смертей в семействе Надежды Осиповны наложила отпечаток особой страстности на ее любовь ко Льву. Все ее «маленькие» дети, родившиеся вслед за Львом, умерли, и она не могла не страшиться за жизнь последнего из них.

Ю. М. Лотман писал: «Наиболее разительной чертой пушкинского детства следует признать то, как мало

⁶² Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции. М., 1989. С. 213.

⁶³ *Фамильные бумаги*. Т. 1. С. 45.

⁶⁴ Там же. С. 208.

и редко он вспоминал эти годы в дальнейшем».⁶⁵ По-видимому, наиважнейшую роль в этом сыграло не равное с другими детьми отношение к нему матери. К. Г. Юнг писал о «непосредственных реакциях ребенка на те или иные важные изменения в психике родителей»: «Нет нужды уточнять, что ни родители, ни дети не осознают того, что действительно происходит. Насколько заразительны для ребенка комплексы родителей, можно видеть из того, сколь сильно воздействуют на детей своеобразные черты характера родителей. Даже если родители предпримут в общем успешные усилия, чтобы совладать с самим собой, так что ни один взрослый человек не заметит и следа психического комплекса, дети каким-то образом узнают о нем».⁶⁶ Перемена в будущем поэте, вдруг превратившая его из флегматичного ребенка в резвого отрока (а этого в свое время требовала от него Надежда Осиповна), могла быть связана именно с нею. Он как бы пустился вдогонку за материнской любовью, но не сумел догнать ее...

* * *

⁶⁵ Лотман Ю. М. Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя. Л., 1981. С. 12.

⁶⁶ Юнг К. Г. Значение аналитической психологии для воспитания // Юнг К. Г. Конфликты детской души. М., 1995. С. 58–59.

Лотман назвал Пушкина «человеком без детства»⁶⁷ (на значительную долю преувеличения, присутствующего в этом заключении, указал Н. Н. Скатов, осветивший в своей книге о Пушкине благотворные стороны его детских лет).⁶⁸ На протяжении всего своего творческого пути поэт неоднократно возвращался мыслью к годам, проведенным им под родительским кровом. Емкое в психологическом отношении объяснение той жизненной ситуации он дал в «Евгении Онегине», говоря о детстве Татьяны:

Она в семье своей родной
Казалась девочкой чужой.
Она ласкаться не умела
К отцу, ни к матери своей...

(Акад. Т. 6. С. 42)

Неумение «ласкаться» — очень характерная черта личности поэта. Здесь, несомненно, есть оттенок автобиографизма, поскольку любящая натура Надежды Осиповны была очень требовательна к этой стороне семейной жизни. В 1835 г., когда взаимоотношения Пушкина с родителями приняли достаточно благополучную форму, она, тем не менее, жаловалась дочери:

⁶⁷ Лотман Ю. М. Александр Сергеевич Пушкин. С. 13.

⁶⁸ Скатов Н. Н. Пушкин: Русский гений. М., 1999. С. 22–23; см. также с. 23–44.

Александр «до того лаконичен, что из него никогда слова не выжмешь, и рассеян более чем когда-либо». ⁶⁹ Это слово («рассеянность») встречается на страницах писем Пушкиных в качестве характеристики старшего сына. По-видимому, под ним подразумевался недостаток какой-то теплоты (или «чувствительности») в его общении с родителями.

Образ одинокого ребенка неоднократно встречается в творчестве Пушкина. В статье «Семейный роман невротика» З. Фрейд писал: «Слишком часто возникают ситуации, когда ребенок обижен или, по крайней мере, чувствует себя обиженным, когда ему недостает полноценной родительской любви или (...) он сожалеет о том, что должен делить эту любовь со своими братьями и сестрами. Чувство того, что собственные симпатии не встречают полной взаимности, затем находит выход в идее из раннего детства, часто сознательно всплывающей в памяти, о том, что являешься пасынком, падчерицей или приемышем. Многие не ставшие невротиками люди очень часто вспоминают такие ситуации, когда они, главным образом под влиянием литературы, подобным образом воспринимали неприязненное поведение родителей и отвечали на него». ⁷⁰ Это наблюдение можно проиллюстрировать на приме-

⁶⁹ *Фамильные бумаги*. Т. 1. С. 269.

⁷⁰ Фрейд З. *Художник и фантазирование*. М., 1995. С. 135.

ре лицейского стихотворения Пушкина «Романс» («Под вечер, осенью ненастной...», 1814). Оно обнаруживает «сюжетные и тематические переключки» с широко популярным стихотворением французского поэта А. Беркена «Жалобы женщины, покинутой ее возлюбленным» («*Plaintes d'une femme abandonnée par son amant*», 1777) (см.: ПСС. Т. 1. С. 620). В 1813 г. оно было переведено Жуковским под заглавием «Песня матери над колыбелью сына». По мнению Ц. С. Вольпе, «тема романса Беркена заинтересовала Жуковского, возможно, вследствие того, что она имела для него автобиографический интерес» (автор «Песни матери...» был незаконнорожденным).⁷¹ Полагаем, что и Пушкина в 1814 г. могла задеть за живое переключка его жизненных впечатлений с сюжетом о «подкидыше». Сопоставим его разработку в произведениях двух русских поэтов.

В «Песне матери...» отсутствует негативная характеристика героини: она «стенает» об измене отца ребенка, свидетельствуя о неизменности своей любви к нему. Грядущие на младенца беды представлены у Жуковского в образе одиночества «вдвоем» (мать и ребенок). Не то в стихотворении Пушкина. Мать в нем характеризуется словами «несчастливая» и «виновная»

⁷¹ См.: Жуковский В. А. Стихотворения: В 2 т. / Вступ. ст., ред. и примеч. Ц. С. Вольпе. Л., 1939. Т. 1. С. 375.

(последний эпитет присутствует только в лицейской редакции), ребенок для нее — «Тайный плод любви несчастной», «мученье», «вечный стыд». Очень пластично изображено в стихотворении Пушкина страдание мальчика, оставленного своей матерью:

Несчастный! Будешь грустной думой
Томиться меж других детей
И до конца с душой угрюмой
Взирать на ласки матерей.

(ПСС. Т. 1. С. 81)

Высказывалось предположение, что эмоциональная включенность поэта в обсуждение острой для России проблемы незаконнорожденных детей была обусловлена его знакомством с трактатом И. П. Пнина «Вопль невинности, отвергаемой законом» (1802). Современный комментарий констатирует «воздействие на „Романс“ социально-филантропических идей левого крыла просветительства, выразителем которых был и Пнин» (Там же. С. 621). На наш взгляд, причина обращения поэта-отрока к сюжету Беркена была глубоко личной. В лицейском «Романсе» можно расслышать и жалобу одинокого мальчика на мать, и упреки в ее адрес, и переживание судьбы подкидыша как своей личной (неслучайно это впоследствии станет элементом характеристики детства Татьяны: «Казалась девочкой чужой...»), и первое предвестье будущего негативного

изображения материнства, которое станет отличительной чертой творчества Пушкина южного периода.

Пушкиноведами уже отмечалось, что в наследии поэта нет стихов, посвященных родителям. Сама потребность обращения к образу матери (или эрзацматери) у лицеиста Пушкина, несомненно, была. Это показывает стихотворение «Сон (Отрывок)» (1816), где есть проникновенные строки, связанные с М. А. Ганнибал, бабушкой поэта. Другие упоминания о детстве в лицейских произведениях Пушкина носят, скорее, условно-литературный характер, хотя, как нам кажется, выраженная в них грусть могла иметь для поэта значение подлинного переживания (см. в послании «Князю А. М. Горчакову», 1817: «Две-три весны, младенцем, может быть, / Я счастлив был, не понимая счастья», — *Акад.* Т. 1. С. 255).

* * *

В июне 1817 г. Пушкин покинул Лицей и поселился с родителями. Любопытно отметить, что в «петербургский» период (1817–1820) какие-то особо теплые слова о родном доме появляются у поэта в трагический для семейства Пушкиных момент. В июле 1819 г. Надежда Осиповна и Сергей Львович потеряли своего последнего сына Платона, который умер, не дожив до двух лет. Стихотворение «Домовому» содержит обращение к «незримому покровителю» Михайловского, где произошла эта трагедия (Пушкин приехал туда к родителям

за несколько дней до смерти брата; там эти стихи и были написаны): «Храни селенье, лес и дикой садик мой / И скромную семью моей обитель!» (ПСС. Т. 2. С. 53).

Высылка Пушкина на юг в мае 1820 г. дала чрезвычайно плодотворный для его поэзии толчок. Произошло стремительное расширение жанрового и проблемно-тематического диапазона творчества, позволившее Пушкину выбраться из колеи множащихся дружеских посланий, заполонивших собою фронт его поэтических занятий. Глубоко укорененная в искусстве тема «страдания» (разлука с любимой, конфликты с окружающими, клевета, гонение и пр.) перестала быть мечтой, тревожащей лишь воображение поэта. Она наполнилась подлинно жизненным содержанием.

Среди раздражителей, заставлявших трепетать уязвленное новым поворотом судьбы сердце Пушкина, не последнее место занимали его взаимоотношения с родителями. Именно на юге они приняли характер открытого конфликта, нашедшего отражение в письмах Пушкина к брату. Их анализ дан в книге Г. М. Дейча, который справедливо считал, что отношения Пушкина с родителями — «одна из самых сложных и малоисследованных страниц биографии поэта».⁷² До нас дошли только пять писем Александра Сергеевича к ро-

⁷² Дейч Г. М. Все ли мы знаем о Пушкине? М., 1989. С. 109. См. также с. 109–134 (глава «„Ох, семья, семья!“ (Штрихи к портрету родителей Пушкина)»).

дителям и три письма Сергея Львовича и Надежды Осиповны к нему; все они относятся к 1830–1836 гг. Между тем из писем Пушкина к брату известно, что переписка между ним и родителями велась и на юге. В письме от 25 августа 1823 г. к брату прорвалась давняя обида поэта на отца: «Изъясни отцу моему, что я без его денег жить не могу. <...> Всё и все меня обманывают — на кого же, кажется, надеяться, если не на ближних и родных. <...> ...мне больно видеть равнодушные отца моего к моему состоянию, хотя письма его очень любезны. Это напоминает мне П(етер)бург — когда, больной, в осеннюю грязь или в трескучие морозы я брал извозчика от Аничк(ова) моста, он вечно бранился за 80 коп(еек) (которых верно б ни ты, ни я не пожалели для слуги)» (Акад. Т. 13. С. 67). Пушкиноведеление не располагает фактами, свидетельствующими о материальной поддержке С. Л. Пушкиным сына в период южной ссылки. Полное отсутствие материальной поддержки поэта трудно объяснимо, особенно если сравнить это с теми большими денежными суммами, которые родители высылали Льву Пушкину во время его жизни в Варшаве в 1831–1833 гг.

На юге поэт еще надеялся на помощь родителей (от этих надежд ему пришлось отказаться в 1824 г. после ссоры в Михайловском). Примечательно, что в этом семействе право обсуждения денежных дел принадлежало исключительно отцу. Лишь в 1835 г., после выпла-

ты части долгов Льва Сергеевича, поставивших всю семью на грань разорения, Надежда Осиповна стала касаться в письмах этой стороны жизни семьи, оправдываясь перед дочерью в задержке с выплатой ей каких-то сумм.

В «южных» письмах Пушкина нет ни одного упоминания матери. Между тем, как свидетельствует архив О. С. Павлищевой, С. А. и Н. О. Пушкины писали своим детям только совместные письма. Трудно представить (хотя это и не исключено), что в письмах отца к сыну в Кишинев и Одессу не было приписок Надежды Осиповны... Молчание А. Пушкина о них очень знаменательно. Не было ли здесь «игры в молчанку», знакомой нам по воспоминаниям о Надежде Осиповне Л. Н. Павлищева? На этот раз ее «участником» стал не беззащитный ребенок, а взрослый сын, принявший на себя удар правительственной репрессии (последнее обстоятельство могло бы послужить причиной особой поддержки со стороны матери).

* * *

Ряд произведений Пушкина, написанных на юге, говорит о том, что его отношение к Надежде Осиповне имело в эти годы негативный оттенок. Вообще чувство к матери — это «заповедная» область, в которой формируется множество судьбоносных черт характера человека. Негативизм, если он находит здесь себе ме-

сто, обладает фатальной способностью к проявлению различных сторон своего воздействия, и в частности в образах и фантазиях художника.

К 1823 г. относится стихотворение «Придет ужасный [час]... твои небесны очи...». В основе его сюжета лежит мечта «поклонника безотрадного» о свидании в склепе со своей ныне здравствующей возлюбленной: «И сяду близ тебя, печальный и немой, / У милых <?> ног твоих — себе их на колена / Сложу — и буду ждать [печаль(но)]... [но чего?]» (*Акад.* Т. 2. С. 296). Многие пушкинисты обращали внимание на странный характер этой фантазии (их наблюдения были обобщены и дополнены глубокими выводами в статье О. С. Муравьевой).⁷³ Неоднократно Пушкиным высказывалась мысль о притягательности для него женщины умирающей (или находящейся в глубоком обмороке) и даже мертвой («Увы, зачем она блистает...», 1820; «Как счастлив я, когда могу покинуть...», 1826; «Для берегов отчизны дальней...», 1830; «Заклинание», 1830; воспоминание об Инезе (в том числе черновые варианты) и описание обморока Доны Анны в драме «Каменный гость», 1830; «Осень (Отрывок)», 1833).

⁷³ Муравьева О. С. Образ «мертвой возлюбленной» в творчестве Пушкина // *Врем. ПК.* Вып. 24. С. 17–28. См. также: Березкина С. В. У истоков пушкинской «Русалки» // *Всемирная литература.* 1999. № 7. С. 102–103.

Откуда же у Пушкина влечение к образу «мертвой возлюбленной»? По мнению Д. Д. Благого, характерная для Пушкина «влюбленность в прощальную, уходящую, умирающую красоту» была связана с его тяготением к мечте об ушедшей из жизни женщине.⁷⁴ Иначе взглянул на эту проблему В. В. Вересаев, который отметил у Пушкина «до жути странные, совершенно некрофильские настроения» (он имел в виду стихи «Придет ужасный [час]...» и «Как счастлив я...»).⁷⁵ Со времени, когда были написаны эти слова, прошли десятилетия. Ныне проблема некрофильских мотивов, связанных с любовью к мертвому, неживому, получила глубокую научную разработку. Американский психолог Э. Фромм в своей фундаментальной «Анатомии человеческой деструктивности» писал, что «смесь из биофильских наклонностей и некрофильских тенденций» характерна для большинства людей.⁷⁶ По его мнению, некрофильские проявления симпатий индивида имеют своим истоком неблагополучие в сфере взаимоотношений с матерью. О детях с некрофильской доминантой в характере Фромм сообщал следующее:

⁷⁴ Благой Д. Д. Социология творчества Пушкина. М., 1931. С. 201; см. также с. 207–208.

⁷⁵ Вересаев В. В. В двух планах: Статьи о Пушкине. М., 1929. С. 162.

⁷⁶ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1998. С. 484.

«У таких детей никогда не развивается чувство любви к матери (ни нежное, ни эротическое, ни сексуальное). Они просто никогда не чувствуют тяготения к ней. То же самое имеет место в более поздний период: они не ищут для влюбленности женщин, напоминающих мать. Для них мать — только символ, скорее фантом, чем реальная личность».⁷⁷ Фромм указывал на частое присутствие в фантазиях индивидов с некрофильской тенденцией образа влекущего их к себе моря⁷⁸ (ср. многократно варьировавшийся в творчестве Пушкина образ чаровницы-русалки, обитательницы вод: баллада 1819 г. «Русалка», стихотворение 1826 г. «Как счастлив я...», работа в 1829–1832 гг. над драмой «Русалка», наконец, вновь баллада «Яныш Королевич» из «Песен западных славян», 1833–1834).

Современные психологи считают, что материнский комплекс имеет свою положительную сторону для формирования личности человека. Любовь к матери дает мощный эмоциональный заряд, обеспечивающий многие аспекты благополучия и жизнеспособности индивида. Фромм писал об этом в книге «Здоровое общество»: «Мать — это питание, любовь, тепло, земля. Быть любимым ею значит быть живым, иметь корни

⁷⁷ Там же. С. 477.

⁷⁸ Фромм Э. Здоровое общество // Хорни К., Фромм Э. Психологический анализ и культура. М., 1995. С. 306.

и чувство дома. Подобно тому, как рождение означает, что ребенок вынужден расстаться с обволакивающей защитой материнского лона, взросление означает, что он должен покинуть сферу материнской защиты. Тем не менее даже в зрелом возрасте никогда полностью не проходит тоска по этому некогда ощущавшемуся состоянию. (<...> Стоит ли удивляться в таком случае, что у рядового взрослого человека обнаруживается глубокая тоска по безопасности и укорененности, которые когда-то давала ему связь с матерью? Не следует ли ожидать, что он не сможет избавиться от этой сильной тоски до тех пор, пока не найдет других способов укорениться».⁷⁹

Сложность пережитой Пушкиным ситуации заключалась не только в том, что он не был должным образом любим Надеждой Осиповной. Фромм писал: человек «не может что-то сделать, чтобы повлиять на любовь матери или управлять ею. Материнская любовь сродни милости Господней; если она есть, она — благословенный дар, если ее нет, ее неоткуда взять».⁸⁰ В жизни Пушкина все осложнялось тем, что он и сам в какой-то момент стал испытывать к матери чувство, имеющее в себе оттенок негативизма. В сфере фантазии это сказалось развитием у поэта влечения к образам умираю-

⁷⁹ Там же. С. 305–306.

⁸⁰ Там же. С. 311.

щих или мертвых женщин (это и понятно, раз пра-
матерь Ева, имя которой, согласно Библии, означает
«жизнь», как бы отвернулась от него в лице его соб-
ственной матери), в идейно-тематической области —
формированием сложного проблемного узла, который
можно назвать «поношением материнства».

В ряде «южных» произведений Пушкина присут-
ствует проходной персонаж, получивший в послании
1821 г. «Алексееву» определение «докучливая мать»
(Акад. Т. 2. С. 229). В «Гаврииладе» (1821) образ
охарактеризован полнее: «При матери докучливой
и строгой...» (Акад. Т. 4. С. 131); это союзница раз-
вратной дочери, которая учит ее обману: «От матери
проказливая дочь / Берет урок стыдливости покор-
ной...» (Акад. Т. 4. С. 134). Нескрываемая ирония в от-
ношении «маменек» звучит в первых главах «Евгения
Онегина»: «Вы также, маменьки, построже / За до-
черьми смотрите вслед...» (Акад. Т. 6. С. 17). описа-
ние взаимоотношений в доме Лариных (вторая глава
романа) лишено симпатий к семейному крову. Мать
Татьяны обрисована автором не без насмешки над
скучной семейной обыденностью. Обобщая эти на-
блюдения, можно смело сказать: образ материнства
в творчестве Пушкина «южной» поры не имеет орео-
ла любви; он видит здесь лишь скуку, притеснение, об-
ман и хитрость.

В 1821 г. Пушкин писал в набросках большого послания к «Зеленой лампе»: «В кругу семей, в пирах счастливых / Я гость печальный и чужой» (*Акад.* Т. 2. С. 775). Во все времена символом благополучия семьи, ее центром, «плодовитой лозой» (образ из 127-го псалма) была мать. Женщина, способная дать жизнь ребенку, становилась объектом почитания, зачастую — религиозного. Языческий мир подчеркивал в изображениях роженицы атрибуты пола, преувеличивая их и, если можно так выразиться, преумножая. Христианство привнесло сюда нечто принципиально новое. То, что было сокрыто от древнего человека — его сыновняя связь с небесным Отцом, открылось людям новой эпохи, узнавшим Сына Божьего, а материнство, столь простое и понятное всем, рожденным под солнцем, стало вдруг великой тайной, явленной миру личностью Мадонны (Девы), чудным образом родившей Сына. Бог, соединенный с Девой громадностью родства по Духу, был (и есть) единственный Отец ее Сына. Его естество было дано Мадонне как Дух, который есть мир, природа, жизнь дома, в котором живет Бог. Личность Мадонны — это идеальное материнство, очищенное от неблагостных проявлений безумной материнской любви и утратившее способность творить зло под личиной добра. Ее воздействие в мире является благодатно-материнским. Вековая жизнь Мадонны — это защита и помощь вся-

ческому земному сиротству. Сфера неземного материнства с торжеством и благодарностью манифестируется христианской церковью на протяжении всей ее истории.

У Пушкина в период южной ссылки следов благоговения перед личностью Мадонны нет (анализ этой стороны творчества поэта дан в работе М. В. Строганова).⁸¹ Что же характеризует подход Пушкина к ее изображению в эти годы? Во-первых, сомнения чисто догматического плана (непорочность Девы, Святой Дух как Божественная личность), а во-вторых, желание отнять у Мадонны сферу материнства, «заключив» ее в положение любовницы. «Спаси хочу земную красоту!» (Акад. Т. 4. С. 121) — так определяет цель поэмы «Гавриилиада» ее автор, стремящийся «украсить» Мадонну всеми атрибутами чувственности. Психологический подтекст этих усилий понятен: поэт отрицает ту ипостась женщины, которая не дала ему счастья. Эта сторона истории «Гавриилиады» неразрывно связана с личным отношением Пушкина к Надежде Осиповне, которую он воспринимал в это время без необходимого в жизни каждого человека элемента благоговейной нежности. У поэта было «ожесточение сердца» по отношению к ней, и это обстоятельство стало своего рода фундаментом для

⁸¹ См.: *Строганов М. В. Пушкин и Мадона. С. 15–35.*

развития в его творчестве темы «поношения материнства». Травмы детства имеют роковую способность возвращаться к человеку спустя многие и многие годы. Только всеведающий и долготерпеливый Господь знает детскую беду, в которой душа принимает в себя зерно будущего «поношения материнства».

* * *

Своеобразным идейно-тематическим развитием «Гавриилиады» стал в творчестве Пушкина мадригал «К **»:

Ты богоматерь, нет сомненья,
Не та, которая красотой
Пленила только дух святой,
Мила ты всем без исключенья;
Не та, которая Христа
Родила, не спросясь супруга.
Есть бог другой земного круга –
Ему послушна красота,
Он бог Парни, Тибуллы, Мура,
Им мучусь, им утешен я.
Он весь в тебя — ты мать Амура,
Ты богородица моя.

(Акад. Т. 3. С. 45)

Долгое время мадригал «К **» связывали с некоей «княжной Хованской». Впервые это имя было назва-

но П. А. Ефремовым,⁸² который таким образом раскрыл заголовок стихотворения, данный ему в первой публикации 1859 г. («К Х....»)⁸³ В. Е. Якушкин, описавший автограф в составе рабочей тетради поэта ПД 833 (л. 27 об.), указал на его подлинное заглавие, приняв, тем не менее, расшифровку Ефремова («К ** [княжне Хованской]»)⁸⁴ Н. О. Лернер писал по этому поводу: «Посвящение мадригала „княжне Хованской“ представляется весьма сомнительным — потому, что во времена Пушкина, кажется, не было среди Хованских молодой особы, облик которой более или менее подходил бы к „матери Амура“».⁸⁵ Видимо, адресация произведения «княжне Хованской», данная Ефремовым без какой-либо аргументации, опиралась на ошибочные сведения. Его гипотеза могла иметь в качестве исходного данного ошибку копииста, переписавшего текст произведения из пушкинской тетради для публикации в «Полярной звезде», — ср. «К **» (в автографе «звездочки» даны в виде двух косых крестиков, слегка приподнятых над строкой) и «К Х.....».

⁸² *Ефр.* 1880. Т. 2. С. 419.

⁸³ Полярная звезда: (Журнал А. И. Герцена и Н. П. Огарева). Лондон; Женева, 1859. С. 23.

⁸⁴ *Якушкин В. Е.* Рукописи А. С. Пушкина, хранящиеся в Румянцевском музее в Москве // *РС.* 1884. № 5. С. 343.

⁸⁵ *Венз.* Т. 4. С. XXXVII.

Беловой автограф стихотворения твердо датируется маем 1824 г.,⁸⁶ хотя сам его текст был создан несколько ранее (по-видимому, в январе — апреле 1824 г.). В первых числах мая из Одессы уехала Амалия Ризнич, которой, возможно, и был адресован мадригал (предположение об этом выдвинул Л. М. Аринштейн).⁸⁷

⁸⁶ См.: *Иезуитова Р. В.* Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 833: (История заполнения) // *ПИМ*. Т. 15. С. 249. Так же, 1824 годом, стихотворение «К **» датировалось во всех изданиях Пушкина вплоть до большого академического, где М. А. Цявловский отнес его к октябрю-декабрю 1826 г. (*Акад.* Т. 3. С. 1136). Эта датировка была принята Б. В. Томашевским (будучи контрольным рецензентом третьего тома академического издания, он не мог не знать ее аргументацию) в изд.: *Акад. в 10 т.* (2). Т. 2. С. 439, а также Т. Г. Цявловской в изд.: *Госл.* Т. 2. С. 161. Обоснование датировки неизвестно (это, кстати, одна из самых загадочных страниц истории «большого» академического собрания сочинений Пушкина). В архиве Цявловских, который хранится в Пушкинском Доме, записей, связанных со стихотворением «К **», обнаружить не удалось. То же можно сказать и о материалах ко второму тому пушкинской летописи, собранных Цявловскими, где карточки на стихотворение «К **» нет, — см.: *Материалы к летописи жизни и творчества А. С. Пушкина (1826–1837): Картотеки М. А. и Т. Г. Цявловских.* М., 1999. Т. 3: Рабочая картотека (1826–1837). Ч. 1.

⁸⁷ См.: *Аринштейн Л. М.* Пушкин: Непричесанная биография. М., 1998. С. 43.

1 января 1824 г. Ризнич родила сына.⁸⁸ Это обстоятельство определило замысел стихотворения и в особенности его последние строки. Упоминанию Амура, ассоциирующегося с образом красивого младенца, отводилась роль необходимого в концовке мадригала комплимента: он мог быть особенно приятен молодой матери.

Стихотворение построено на смешении языческих и христианских понятий.⁸⁹ Такой подход к решению художественной задачи был подсказан автору тематикой мадригала. В нем Пушкин травестировал образ материнства. Он лишен в стихотворении нимба святости. «Мать Амура» (в отличие от Мадонны) может быть объектом чувственного восторга, но не целомудренного поклонения. Подобная трансформация образа матери в стихотворении «К **» отчасти объясняется характером его адресата. Отношение Пушкина к Ризнич было столь чувственным, что даже материнство не придало ей в глазах поэта духовного ореола.

⁸⁸ См. об этом: Яшин М. И. «Итак я жил тогда в Одессе...»: К истории создания элегии Пушкина «Простишь ли мне ревнивые мечты...» // Нева. 1977. № 2. С. 105–106.

⁸⁹ Об этой традиции западноевропейской литературы см.: Живов В. М., Успенский Б. А. Метаморфозы античного язычества в истории русской культуры XVII–XVIII века // Античность в культуре и искусстве последующих веков. М., 1984. С. 204–285.

Смешение языческих и христианских образов связывает стихотворение «К **» с западноевропейской литературной традицией, идущей от Парни, Мильтона, Камюэнса. Вольтер писал в «Опыте об эпической поэзии»: «...один переводчик Камюэнса утверждает, что в этой поэме (речь идет о «Лузиадах», 1572) Венера обозначает св. Деву и что Марс, по-видимому, Иисус Христос. (...) Эта новая аллегория все объяснит; не будет уже так удивительно, если Гама во время бури обратит свои молитвы к Иисусу Христу, а Венера явится ему на помощь. Вахх и Дева Мария естественно окажутся вместе» (цит. по примеч. к «Бове» в изд.: ПСС. Т. 1. С. 605).⁹⁰ У Пушкина применение имени «богородица» к Венере (Афродите) как матери бога любви Амура (Эрота) впервые встречается в творчестве лицейского периода (стихотворение «Бова»).

⁹⁰ На страницах редактируемого С. Н. Глинкой журнала, в примечании к статье «Замечания о языке славянском и о русском или светском наречии» (не подписана), говорилось: «В иноплеменной словесности, сделавшейся единственным нашим училищем, не только Камюэнс, который в „Луизиаде“ своей подле имени Венеры поставил имя Богородицы, но и Вольтер, столь славимый за вкус свой, не редко таким же образом погрешал. В „Генрияде“ его есть несколько тому примеров» (Русский вестник. 1811. № 7. С. 63–64).

В литературе подмена образов христианства мифологемами иного мира чаще всего осуществлялась с сатирической целью, которую ставили перед собой авторы, обратившиеся к догматизированным церковью понятиям. В этом отношении стихотворение Пушкина «К **» имеет единый генезис с «Гавриилиадой». Оно выросло из настроений и идей, воплотившихся в этой поэме; в стихотворении был сделан новый выпад в сторону тем, определивших сюжет «Гавриилиады», — это евангельская история рождения Иисуса Христа и непорочность Девы Марии. Показательно, что в поэзии пушкинского времени образ «богородицы Амура» встречается в эротических стихах Н. М. Языкова: «Им богородица Амура / Любезней матери Христа» («Романс» («Что делал с Евою Адам...»)); «Морфей! Слети на Трубадура, / Дай мне спасительную ночь, / И богородицу Амура...» («Сон»)⁹¹

Стихотворение «К **» замкнуто тесным композиционным кольцом. Для чего женщина, освобождаясь от бремени, рождает Амура? Чтобы возбудить любовь мужчины. При этом ребенок как бы устраняется из жизненного пространства двоих (в этой же проекции дано Пушкиным изображение героини «Гавриилиа-

⁹¹ Языков Н. М. Полн. собр. стихотворений / Изд. подгот. М. К. Азадовский. М.; Л., 1934. С. 159, 210.

ды»). Неожиданное соответствие этим, по-видимому бессознательным, настроениям поэта мы находим в эпиграмме, относящейся к 1822 г.:

Накажи, святой угодник,
Капитана Борозду,
Разлюбил он, греховодник,
Нашу матушку < >

(Акад. Т. 2. С. 258)

Стихотворение родилось у Пушкина как отклик на скандальную армейскую историю, связанную с похождениями офицера-содомита. Его циничная концовка по сути своей синонимична изысканному финалу мадригала «К **». В эпиграмме с предельной простотой названо подлинное имя «богородицы» мадригала («матушки»). Вполне пристойную форму эта мысль Пушкина приобрела в послании «К Родзянке» (1825), связанном с А. П. Керн:

Хвалю, мой друг, ее охоту,
Поотдохнув, рожать детей,
Подобных матери своей;
И счастлив, кто разделит с ней
Сию приятную заботу.

(Акад. Т. 2. С. 404)

Конечно, эти остроты можно было бы отнести к издержкам молодого темперамента и не связывать с не-

ладами на почве взаимоотношений поэта с Надеждой Осиповной. Однако ее роль в развитии у Пушкина темы «поношения материнства» была все-таки очень значительной. Здесь можно усмотреть творческое проявление глубокого подсознания поэта, в котором вновь и вновь проигрывалась одна и та же травматическая ситуация его детства — устранение ребенка из сферы чистой и горячей материнской любви. Для чего (или для кого) он был оставлен своей матерью? Молодой поэт отвечал на этот вопрос, «казня» женщину лишением возвышающего ее статуса материнства.

* * *

8 августа 1824 г. Пушкин приехал в Михайловское, где его радостно встретила семья. Вскоре все изменилось. Произошла ссора с отцом из-за его согласия наблюдать по поручению властей за перепиской и поведением сына. Вот как описывает свое столкновение с отцом Пушкин в письме к Жуковскому от 31 октября 1824 г.: «Иду к отцу, нахожу его с матерью и высказываю все, что имел на сердце целых 3 месяца. (...) Отец мой, воспользуясь отсутствием свидетелей, выбегает и всему дому объявляет, что я *его бил, хотел бить, заманулся, мог прибить*» (Акад. Т. 13. С. 116).

Сергей Львович и Надежда Осиповна выказывают в конфликте с сыном полное единство. Именно поэтому Пушкин, упомянувший о присутствии матери при

роковом разговоре с отцом, утверждает, что «свидетелей» у него нет. 29 ноября 1824 г., отправляя Жуковскому другое письмо, он был вынужден вернуться к событиям того дня: «...зачем же обвинять было сына в злодействе несбыточном? да как он осмелился, говоря с отцом, непристойно размахивать руками? Это дело десятое. Да он убил отца словами! — каламбур и только» (Акад. Т. 13. С. 124). Мать здесь не названа, хотя выделенные в письме слова были сказаны именно ею. Вот его черновой фрагмент: «Мать согласна была с отцом — теперь [она] она говорит да он осмелился говоря с отцом неприст(ойно) размахивать руками — дело — да он убил его словами — это calembourg и только». В черновике осталась и другая фраза Надежды Осиповны: «[Мать меня обняла, говоря: que deviendrais-je, si tu es à la forteresse]»⁹² (Акад. Т. 13. С. 402). Едва ли эти слова могли утешить поэта, поскольку в них сквозила, в противоположность его мнению, убежденность в правоте отца.

Известно, сколь серьезным и продолжительным был этот конфликт в семействе Пушкиных. В мае 1827 г. А. Пушкин встретился с родителями в Петербурге, и это было их примирением. На протяжении 1824–1827 гг. переписки между Пушкиным и его родителями не было. Сведения о сыне они получали от

⁹² что станется со мной, если ты будешь в крепости (фр.)

его друзей, а также из писем П. А. Осиповой. Сергей Львович и Надежда Осиповна очень любили свое Михайловское, однако в это время они отказались от посещения его в летние месяцы, дабы не встречаться там с сыном. В 1827 г. С. А. Пушкин с возмущением писал о нем М. М. Сонцову: «...он предполагает вернуться в нашу деревню и, естественно, пользоваться всем тем, чем он пользовался раньше, когда он не имел возможности отсюда выезжать».⁹³ Это несколько напоминает ситуацию 1835 г., когда Сергей Львович очень неодобрительно воспринял проект старшего сына поселиться с семьей в Михайловском. По мнению отца, это лишило бы его и Надежду Осиповну «последнего утешения».⁹⁴

В 1832 г. Н. О. Пушкина писала своей дочери: «...ты знаешь, как я деятельна, когда коснется до моих детей».⁹⁵ Эта ее черта проявилась в 1825 г. в истории с прошением на высочайшее имя. В нем мать поэта писала о необходимости его выезда из деревни для лечения аневризма. Это спутало все планы Пушкина, и он отказался от поездки в Псков, которая была ему разрешена в ответ на прошение. Надежда Осиповна решила предпринять еще одну попытку, имея на этот раз

⁹³ Модзалевский Б. Л. Пушкин под тайным надзором. Л., 1925. С. 60.

⁹⁴ *Фамильные бумаги*. Т. 1. С. 286.

⁹⁵ Там же. С. 120.

в виду Ревель: «Соблаговолите простить мать, трепещущую за жизнь своего сына, за то, что она осмелилась во второй раз молить вас об этой милости. Несчастливая мать несет свое горе вам как отцу ваших подданных».⁹⁶ М. А. Цявловский, комментируя этот документ, в категоричной форме выразил сомнение в наличии у Надежды Осиповны «нежной любви к сыну» и «страха за его жизнь».⁹⁷ Думаем, забота о сыне у нее была, однако поэт, к сожалению, не сумел по достоинству оценить этот шаг со стороны своей предприимчивой матери (он мог, кстати, несколько сгладить внутрисемейный конфликт). Пушкин на него не откликнулся.

А. П. Керн писала о Пушкине: «Я думаю, он никого истинно не любил, кроме няни своей и потом сестры».⁹⁸ Встретившись в Михайловском с Ариной Родионовной, Пушкин обрел в ее лице подобие материнской любви. Общаясь с ней, Пушкин получил возможность, которой был лишен рядом со своей сильной духом матерью: его забота о няне носила покровительственный характер. Между ними установился особый тип взаимопонимания. В стихотворениях, посвящен-

⁹⁶ Цявловский М. А. Тоска по чужбине у Пушкина // Цявловский М. А. Статьи о Пушкине. М., 1962. С. 143.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Керн А. П. Воспоминания. Дневники. Переписка / Сост., вступ. ст. и примеч. А. М. Гордина. М., 1989. С. 95.

ных Арине Родионовне, Пушкин назвал ее своей подругой («Зимний вечер», 1825; «Няне», 1826). Она умела по-своему понять сложность его жизненного пути. «Поживи, дружок, хорошенько, самому слюбится», — советовала Арина Родионовна Пушкину в одном из своих писем (*Акад.* Т. 13. С. 323). В этих словах звучит призыв старого человека к жизни простой, не выходящей за рамки общепринятого. Следует признать, что необразованная крестьянка верно угадала в своем любимце, уставшем от житейских невзгод, внутреннюю готовность к такого рода перемене.

* * *

Пушкин был возвращен из ссылки в сентябре 1826 г. Практически сразу же у него возникла мысль о женитьбе. С. Ф. Пушкина, Ек. Н. Ушакова, А. А. Оленина — вот имена девушек, с которыми в какой-то из моментов 1826–1828 гг. Пушкин мечтал связать свою судьбу. Видимо, в силу этих обстоятельств размышления, а также и просто упоминания о семейственных узах утрачивают в произведениях Пушкина ироническую окраску. История взаимоотношений поэта с С. Пушкиной, а затем и Олениной содержала в себе драматический элемент неудачи, и это, возможно, стало причиной обращения поэта к работе над известной ему народной песней «Уродился я несчастлив, бесталантлив...». На ее основе Пушкин написал в 1828 г. следующий текст:

Уродился я, бедный недоносок,
С глупых лет брожу я сиротою;
Недорослем меня бедного женили:
Новая семья не полюбила;
Сударыня жена не приласкала.

(Акад. Т. 3. С. 128)

Набросок связан со страшным обычаем русских крестьян женить подростков для приобретения в хозяйстве дополнительных рабочих рук (он очень интересовал поэта, неоднократно обращавшегося к нему в своем творчестве). Не ясно, является ли герой начатого Пушкиным стихотворения круглым сиротой (см. вариант: «〈 〉 батюшка мой помер» — Акад. Т. 3. С. 674) или же его одиночество обусловлено негативным отношением к нему в семье как к «недоноску». Несчастье героя имеет фатальный оттенок и объясняется неудачей рождения; при этом в центр проблемы встает не названная в тексте фигура матери (он ею «неправильно» рожден, и поэтому его не любят. Да и может ли быть счастливым человек, не любимый даже своей матерью?). Обращение к сюжету о «недоноске» в период неудачного «жениховства» Пушкина психологически вполне объяснимо. Здесь есть элемент глубоко укорененной в душе Пушкина неуверенности в возможном для него «счастье», выраженной в ряде произведений; например, в наброске «Участь моя решена. Я женюсь...» (1830): «Я никогда не хлопотал

о счастья. Я мог обойтись без него. Теперь мне нужно на двоих, а где мне взять его?» (Акад. Т. 8. С. 406).

Весной 1829 г. Пушкин сделал предложение Наталье Николаевне Гончаровой. Согласие на брак с нею он получил 6 апреля 1830 г. Именно на этот период (1829–1830) в жизни поэта приходится процесс восстановления самого статуса материнства (катарсис). Волею судеб он оказался связанным с личностью Н. Н. Гончаровой. М. В. Строганов оценил это как «борьбу поэта со своими старыми и ложными представлениями о материнстве, борьбу с самим собой, смевшим посягнуть на святой образ».⁹⁹ В это время Пушкин неоднократно обращается в своем творчестве к образу Богородицы. Собственно размышление о ней и привело к затуханию в сознании поэта негативных ассоциаций, связанных с понятием материнства. К. Г. Юнг в работе «Об архетипах коллективного бессознательного» писал: «Тяга к вечным образам нормальна, для того они и существуют. Они должны привлекать, убеждать, очаровывать, потрясать. (...) Благодаря тысячелетним усилиям человеческого духа эти образы уложены во всеохватывающую систему мироупорядочивающих мыслей. Они предстают в то же время в виде могущественного, обширного, из-

⁹⁹ Строганов М. В. Пушкин и Мадона. С. 28.

древле почитаемого института, каковым является церковь».¹⁰⁰

Остановимся на произведениях Пушкина, отразивших образ Божьей Матери. Предположительно осенью 1829 г. им было написано стихотворение «Жил на свете рыцарь бедный...» (в одном из автографов оно названо «Легендой»), породившее большой разброс исследовательских интерпретаций.¹⁰¹ На наш взгляд, понимание этого замысла, освобождающее его от излишеств спекулятивной концептуальности, возможно только в контексте жанровой специфики. «Жил на свете рыцарь бедный...» создавалось Пушкиным как «подражание мираклю» — такой вывод можно сделать на основе работы Н. Л. Дмитриевой, предпринявшей, вслед за Д. П. Якубовичем, анализ старофранцузской литературной традиции: «Стихотворение Пушкина дает верное представление о жанре миракля».¹⁰² Ориентация Пушкина на определенную жанровую модель позволяет понять ту решительность,

¹⁰⁰ Юнг К. Г. Архетип и символ. М., 1991. С. 101.

¹⁰¹ О стихотворении см.: *Иезуитова Р. В.* «Легенда» // Стихотворения Пушкина 1820–1830-х годов: История создания и идейно-художественная проблематика. Л., 1974. С. 139–176.

¹⁰² *Дмитриева Н. Л.* Стихотворение Пушкина «Легенда» («Жил на свете рыцарь бедный...»): Источниковедческие разыскания // Вече: Альм. рус. философии и культуры. СПб., 1996. Вып. 5. С. 100.

с которой он в 1829–1830 гг. готовил «Легенду», представляющуюся крайне сомнительной в отношении вложенного в нее религиозного содержания, к передаче в цензуру.

Герой миракля — это грешник, который избавляется от неминуемого наказания через заступничество Девы Марии. Между тем в стихотворении Пушкина речь идет о личности рыцаря, отмеченной самыми благородными качествами. Его поклонение Богородице, оправданное особенностями средневекового католического культа Девы Марии, носит целомудренный характер. Есть, однако, в любви к ней рыцаря отпечаток какой-то смутной печали. Не ясно и то, почему рыцарь умирает «без причастья». В характеристике его видения «у креста» сказано: «Видел он Марию Деву, / Мать Господа Христа» (*Акад.* Т. 3. С. 161). На отказ от причастия можно взглянуть и как на оскорбление в адрес Той, Которой герой хотел бы служить (это непочтительно по отношению к Ее Сыну). Лишь в черновике стихотворения (тетрадь ПД 838, л. 79 об.) сохранился след мотивации поведения рыцаря, которую имел в виду автор.

В пушкинской рукописи есть странная описка, заставляющая вспомнить классический труд Фрейда «Психопатология обыденной жизни» (в нем говорится о разного рода бытовых ошибках, оговорках и описках, анализ которых позволяет обнаружить подлин-

ные, глубоко спрятанные в подсознании человека мотивы его поведения):

⟨ ⟩ поехал он в Женеvu
Он увидел у креста
На пути Марию деvu
Матерь Г⟨оспода⟩ гневu.

(Акад. Т. 3. С. 731)

Эта описка похожа на заготовку рифмы (деvu — гневu) для какого-то нереализованного сюжетного хода произведения. Если бы Пушкин реализовал эту сюжетную возможность (видение Богородицы «у креста» в гневe), то в «подражании мираклю» все бы встало на свои места: есть грешник, мольбы к Богородице, смерть «без причастья» и — чудесное спасение героя. Почему же Пушкин опустил мотив вины, столь необходимый в миракле?

Герою «Легенды» поэт придал ту черту, которая в 1829 г. вполне характеризовала его самого: он избегал разговоров о своей вине перед Девой Марией. Можно предположить, что толчком к развитию пушкинской мысли о ее личности послужило благополучное, похожее на чудо окончание дела о «Гавриилиаде» в октябре 1828 г. Пушкин же ожидал от него воистину «гневного» финала! Мемуаристика позволяет достаточно определенно указать на время появления у Пушкина сожалений о написанной им «Гав-

рииляде». Воспоминания М. В. Юзефовича — первое по времени свидетельство такого рода (июнь 1829 г.): «Пушкин вспыхнул, на лице его выразилась такая боль, что тот (приятель, напомнивший поэту о «Гавриилиаде». — С. Б.) понял и замолчал. После Пушкин, коснувшись этой глупой выходки, говорил, как он дорого бы дал, чтобы взять назад некоторые стихотворения, написанные им в первой легкомысленной молодости». ¹⁰³ Чувство горячей любви, с которым Пушкин начал писать в 1829 г. о Божьей Матери в стихотворении «Жил на свете рыцарь бедный...», — оборотная сторона той боли, которую в том же году увидел на лице автора «Гавриилиады» Юзефович. Благополучное окончание дела об этой поэме, по-видимому, повлияло на оптимистичный финал стихотворения Пушкина о Деве Марии:

Но Пречистая, конечно,
Заступилась за него
И впустила в царство вечно
Паладина своего.

(Акад. Т. 3. С. 161)

8 июля 1830 г. датируется сонет Пушкина «Мадона», посвященный Гончаровой. Вопрос о стихотворном послании к ней, вероятно, встал перед ним сразу

¹⁰³ П. в восп. 1985. Т. 2. С. 115.

же после того, как она стала его невестой. Этого требовала и справедливость (скольких красавиц Пушкин почтил своими стихами!), и чувство приличия, и чаяния читающей публики. Несмотря на нежное чувство, стихи к невесте дались поэту непросто. Сначала он, по-видимому, раздумывал о возможности переадресации Наталье Николаевне своего старого, не напечатанного к тому моменту стихотворения. Это было написанное, как доказала В. Б. Сандомирская,¹⁰⁴ в 1828 г. стихотворение «Когда в объятия мои...» (до появления ее статьи оно датировалось 1830 годом). Недоверчивая, «унылая» и уклончивая героиня стихотворения чем-то напоминала Гончарову. Пушкин писал ей из Петербурга около (не позднее) 29 июля 1830 г.: «...вы всегда смотрите на меня как на сочинителя» (*Акад.* Т. 14. С. 103);¹⁰⁵ 20 июля 1830 г.: «...целую ручки <...> и вам также, мой ангел, раз вы не позволяете мне обнять вас» (Там же).

¹⁰⁴ Сандомирская В. Б. О датировке стихотворения Пушкина «Когда в объятия мои...» // *ПИМ.* Т. 4. С. 354–361.

¹⁰⁵ Интересна переписка мнения невесты, отголосок которого прозвучал в этом письме, со следующим отзывом о Пушкине Ек. Н. Ушаковой. 28 апреля 1830 г. она писала брату И. Н. Ушакову: «Скажу тебе про нашего самодержавного поэта, что он влюблен (наверное притворяется по привычке) без памяти в Гончарову меньшую...» (*Шторм Г.* Незамеченные строки: (Пушкин и Екатерина Ушакова) // *Новый мир.* 1957. № 3. С. 271).

Мысль о переадресации невесте своего старого стихотворения была Пушкиным оставлена. Оттолкнувшись от его тематики, он на обороте автографа «Когда в объятия мои...» написал обращенный к Гончаровой отрывок «[Поверь: безумные] забавы...», который лишь в одном из последних пушкинских изданий занял подобающее ему место «суверенного» текста¹⁰⁶ (ранее он приводился как черновой набросок стихотворения «Когда в объятия мои...» — *Акад.* Т. 3. С. 826). Этот творческий эпизод датируется апрелем (не ранее 6-го) – началом мая 1830 г.¹⁰⁷ В течение двух последующих месяцев Пушкин не предпринимал, насколько нам известно, попыток создания стихов к невесте. Эти наблюдения показывают, что образ «мадоны» не сразу сочетался в его восприятии с обликом Гончаровой. Лишь два высказывания, вышедшие из дома Ушаковых, говорят о своеобразии впечатления, которое производила на окружающих красота Гончаровой, — это было сочетание какой-то небесной возвышенности и обыкновенного женского тщеславия. Ек. Н. Ушакова писала в апреле 1830 г.: «...глазки ее в большом действии, ее А. А. Ушаков прозвал Царство

¹⁰⁶ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 2 т. / Под ред. Н. Н. Скатова. М., 1999. Т. 1. С. 193.

¹⁰⁷ Левкович Я. Л. Рабочая тетрадь Пушкина ПД 839: (История заполнения) // ПИМ. Т. 16/17. С. 62.

Небесное, но боюсь, чтобы не ошибся...»¹⁰⁸ Об этом же говорит и изображение в ушаковском альбоме элегантной Гончаровой с украшающей ее веер надписью «Stabat Mater dolorosa» (цитата из католического гимна в честь Девы Марии, использованная Пушкиным в вариантах «Легенды»; рисунок относится к осени 1829 г.).¹⁰⁹

Прослеженная нами предыстория стихов Пушкина к невесте показывает, что сам по себе интерес к личности Богородицы, ярким выражением которого стал, после «Легенды», сонет «Мадона», не был обусловлен его встречей со столь необыкновенной красавицей, как Гончарова (в ее чертах впоследствии, под влиянием стихотворения Пушкина, начали усматривать сходство с Мадонной).¹¹⁰ Процесс внутренней работы автора имел иную направленность: не «огончарованная» мечта поэта вела его к размышлениям

¹⁰⁸ *Шторм Г.* Незамеченные строки: (Пушкин и Екатерина Ушакова). С. 270.

¹⁰⁹ Альбом Елизаветы Николаевны Ушаковой: Факсимильное воспроизведение / Сост. Т. Краснобородько; Статьи С. Фомичева, Я. Левкович; Комментар. Т. Краснобородько. СПб., 1999. С. 208, 283, 375–377.

¹¹⁰ При этом Пушкин в самом начале своего знакомства с Н. Гончаровой угадал нечто очень важное в ее духовном устройстве, с годами развившееся и принявшее выражение преимущественно-материнского личностного начала. См. об этом: *Скатов Н. Н.* Пушкин: Русский гений. С. 461–463.

о Мадонне,¹¹¹ а наоборот — мысль о Ней придала особую ценность чувству Пушкина к Наталье Николаевне. Глубоко символично то, что он захотел увидеть в своей будущей жене мать с маленьким мальчиком на руках (а это и есть образ Мадонны). Здесь земное — тоска о материнской любви — переплелось с небесным, что придало особый вес духовной работе, легшей в основу замысла сонета «Мадона».¹¹² В современной

¹¹¹ Так полагала, например, И. З. Сураг, в книге которой «Жил на свете рыцарь бедный...» (М., 1990. С. 6–34) собран большой объем высказываний о Н. Н. Гончаровой как «мадоне». Все они, однако, относятся к периоду, когда одноименный сонет Пушкина стал уже известен широкой аудитории. В составе «Летописи» (см.: *Летопись* 1999. Т. 3. С. 191) приведено лишь одно высказывание Пушкина о «мадоне» Гончаровой, хронологически предваряющее создание сонета, с небесспорной, на наш взгляд, датировкой (апрель (?) – май (?) 1830): «...писал Пушкин Е. М. Хитровой про свою невесту. (От гр. Е. Ф. Тизенгаузен). „J'èpouse une madonne louché et rousé“» (т. е.: Я женюсь на косой и рыжей мадонне) (*Цвяловский М. А.* Из пушкинианы П. И. Бартенева. III. Записная книжка // *Летописи ГЛМ.* Кн. 1. С. 560). Более убедительно выглядело бы это высказывание поэта в непосредственной близости с датой создания сонета.

¹¹² См.: *Васильев Б. А.* Духовная жизнь Пушкина. М., 1995. С. 173; *Анненкова Е. И.* 1) Стихотворение А. С. Пушкина «Мадона» в историко-культурном контексте // Пушкин и русская культура: Доклады на международной конференции в Новгороде (26–29 мая 1996 г.). СПб.; Новгород, 1996. С. 108–111; 2) *Аксаковы С.* 68–72. Образное решение посвященного Н. Н. Гончаровой со-

литературе о нем встречается мысль об оттенке кощунства, который якобы присутствует в сравнении невесты поэта с Мадонной. Между тем дореволюционное пушкиноведение не отмечало этого в сонете. Так, Л. И. Поливанов считал, что в его центральном образе воплощена «вся полнота женского идеала».¹¹³

Известно умение Пушкина «применяться» в своих посланиях к тому, чего ожидал от него адресат. Автор «Гавриилиады» не шокировал своими религиозными убеждениями традиционно воспитанную Гончарову. Сонет «Мадона» был похвалой не только ее красоте. Религиозный склад личности невесты вызывал в поэте чувство симпатии, и впоследствии он писал ей: «...беру нежно тебя за уши и целую — благодаря тебя за то, что ты Богу молишься на коленях посреди комнаты. Я мало Богу молюсь и надеюсь, что твоя чистая молитва лучше моих, как для меня, так и для нас» (письмо от 3 августа 1834 г. — *Акад.* Т. 15. С. 184–185). Это сочувственное приятие молитвы отразилось в одном из монологов Изабелы в поэме Пушкина «Анджело» (1833):

нета было во многом обусловлено, как показала Е. И. Анненкова, существованием в культурном контексте пушкинского времени интереса, связанного с ярким проявлением в католицизме женственно-прекрасного.

¹¹³ Пушкин А. С. Сочинения / Изд. Л. И. Поливанова для семьи и школы. М., 1887. Т. 1. С. 319.

Послушай, воротись. Великими дарами
Я задарю тебя... прими мои дары,
Они не суетны, но честны и добры,
И будешь ими ты делиться с небесами:
Я одарю тебя молитвами души.

(Акад. Т. 5. С. 113)

Привлекательность для Пушкина героини «Анжели» во многом была обусловлена благоприятным опытом общения с Натальей Николаевной. Стихи к ней 1830 г., не без трудностей созревшие в сознании поэта, вобрали в себя и изменение отношения к Мадонне, и понимание религиозных потенций, таившихся в личности Гончаровой (они вполне развились в ходе ее дальнейшей жизни).

Еще одно произведение, о котором следует упомянуть в связи с отражением в творчестве Пушкина образа Мадонны, — это неоконченное стихотворение «В начале жизни школу помню я...» (1830). Его замысел вызывает различные толкования.¹¹⁴ Действие стихотворения перенесено в эпоху раннего Ренессанса. В нем дано противопоставление христианского и языческого миров или, как говорил Г. А. Гуковский, «средневекового католического мировоззрения и но-

¹¹⁴ См.: Крилицын А. Б. «В начале жизни школу помню я...»: Проблема интерпретации одного стихотворения А. С. Пушкина // Пушкин: Сб. ст. / МГУ. Филол. фак. М., 1999. С. 77–86.

вых творческих импульсов возрождения античности». По его мнению, «победа будет за новым, уже рожденным в недрах старого».¹¹⁵ Иная точка зрения выражена в статье А. А. Тахо-Годи: в стихотворении Пушкина античность представлена в виде «страшной, безымянной, безответственной и хаотической стихии, не знающей никакой морали и никакой логики». В произведении ей противопоставлена «некая жена», обрисованная «не только положительно, но и возвышенно, и притом без малейшей примеси языческой религии или мифологии».¹¹⁶

В пушкиноведении высказывалось предположение, что «некая жена» является символом христианской церкви. В таком случае трудно объяснить «убогость» ее облика, которая, как верно заметил Л. Мюллер, не имеет соответствий с царственным величием католической церкви (по его мнению, «некая жена» символизирует христианское учение).¹¹⁷ Особую позицию в этом вопросе занимают авторы, высказавшие догад-

¹¹⁵ *Гуковский Г. А.* Пушкин и проблемы реалистического стиля. М., 1957. С. 280, 283.

¹¹⁶ *Тахо-Годи А. А.* Эстетическо-жизненный смысл античной символики Пушкина // Писатель и жизнь. М., 1968. Вып. 5. С. 116, 118.

¹¹⁷ *Müller L.* Pušchkins Gedicht «V načale žizni školu pomnju ja» («Zur Schule ging ich, da ein Kind ich war») // All das Lob, das du verdienst: Eine deutsche Pušchkin-Ehrung zur 150. Wiederkehr seines

ку о том, что «некая жена» представляет собою Богоматерь.¹¹⁸ Пушкин наделил персонаж стихотворения смирением, убогой одеждой, величавостью, строгостью, «приятным, сладким голосом», спокойствием, наконец, особым даром бесед «с младенцами» («полные святыни словеса»). «Некая жена» обладает совершенной материнской любовью, не способной по неразумию или в страстном увлечении привнести в детскую душу греховный умысел или чувство. При этом она странно, воистину девственно отстранена от мира. У «некоей жены» есть очи, уста и чело, осененное покрывалом (здесь можно увидеть элемент иконописного идеала), но нет тела, к которому можно прислониться в поисках ласки. С Девой Марией из стихотворения «Легенда» «некую жену» сближает одна удивительная черта: она, несмотря на всю свою строгость, никого не наказывает... Отрок, герой стихотворения «В начале жизни...», сам выбирает свою судьбу, убегая от нее в «чужой сад». В образе «некоей жены» Пушкин воплотил свои представления об идеальном материнстве. Отголосок размышлений на эту

Todestages. Stuttgart, 1987. S. 143. (Zeitschrift für Kulturaustausch. 1987. Jg. 37. H. 1).

¹¹⁸ Имеются в виду работы митрополита Антония (Храповицкого) и Б. А. Васильева — см.: Криницын А. Б. «В начале жизни школу помню я...». С. 80, 81. Криницын также считает, что «Наставница вызывает в памяти Богоматерь» (с. 82).

тому слышен в его стихотворение 1830 г. «Рифма». «Матери чуткой подобна, послушна памяти строгой...» — так характеризует Пушкин Рифму, «милую дочь» Феба и нимфы Эхо. Здесь «память строгая» соответствует безусловному отцовскому началу (как это далеко от мифологических представлений о Фебе!), чуткость — материнству. Вернее, тому идеалу, который Пушкин хотел бы видеть в своей жизни.

* * *

Женитьба в 1831 г. Пушкина на Гончаровой сыграла значительную роль в формировании благополучно-счастливой окраски семейственной проблематики на страницах его поэтических и, в особенности, прозаических произведений. «Я более и более за него радуюсь, что он женат, — писал Жуковский А. И. Тургеневу в 1831 г. — И душа, и жизнь, и поэзия в выигрыше».¹¹⁹ В этой связи знаменательны следующие пушкинские строки из «Дубровского» (1833): «Владимир зачитался и позабыл все на свете, погружаясь душою в мир семейственного счастья...» (*Акад.* Т. 9. С. 182).

В 1830-х гг. взаимоотношения Пушкина с матерью, судя по ее письмам к дочери, носили ровный характер. Есть в них и беспокойство Надежды Осиповны о сыне,

¹¹⁹ Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. М., 1895. С. 255–256.

и удовлетворение его успехами, и отзвуки горячей привязанности к внукам. Писала мать дочери и о своих неудовольствиях, с ним связанных: отсутствие у Александра должной заботы о пересылке к ней писем из Варшавы, холодность со стороны невестки, редкие и скудные вести о своей семье (это когда мать или сын оказывались вне Петербурга), наконец, нерасторопность в оказании помощи после принятия на себя дел по имениям. Неприятно задевало родителей Пушкина то, что за найм квартиры или дачи он мог платить большие суммы. В последние годы своей жизни поэт оказывал родителям значительную поддержку (в том числе материальную), однако нельзя сказать, что это их удовлетворяло.

В письмах последних лет Надежда Осиповна постоянно говорит о своем угнетенном состоянии: «Это правда, болезнь моя очень была серьезна (...) причина моральная, это горести и тревоги, давно мною испытываемые, довели меня до этого состояния» (11 марта 1835 г.); «Старость наша очень грустная, последние дни нашей жизни проходят в лишениях и горе...» (22 апреля 1835 г.).¹²⁰ Не последнее место в переживаниях матери занимало неудачное замужество Ольги Сергеевны. Здесь у нее была совершенно определенная позиция, несколько изменившаяся лишь после рождения

¹²⁰ *Фамильные бумаги*. Т. 2. С. 268, 276.

первенца дочери: «Мать твердит, — писала Павлищева мужу 15 июля 1832 г., — что не может привыкнуть к моему намерению жить с тобой».¹²¹

Надежду Осиповну тревожило и материальное положение семьи, в котором она оказалась из-за долгов Льва Сергеевича. Причем больше всего ее смущало стесненное положение именно младшего сына. Ольга Сергеевна писала об этом мужу: «У матери разлитие желчи — это ее старая болезнь ⟨...⟩. Теперь она думает только обо Льве, который снова в армии...» (12 сентября 1835 г.); «Этот приступ случился с мамá из-за письма Льва; он пишет, будто он в совершенной нищете и, чтобы отправить письмо, он вынужден был пойти на унизительные хлопоты и проч. 20 000 рублей, которые за него уплатили, он не считает ни за что, хотя, помимо этого, родители посылали ему что могли; однако он, отнюдь не нищенствуя, живет в Тифлисе так, как будто у него десять тысяч на расходы. ⟨...⟩ А бедная мамá чуть не умирает! Как только она прочла письмо, так вся пожелтела, с ней сделался приступ лихорадки, который заставил ее слечь в постель...» (24 октября 1835 г.).¹²²

Е. Н. Вревская вспоминала о поэте: он «чрезвычайно был привязан к своей матери, которая однако пред-

¹²¹ Там же. С. 90.

¹²² Там же. С. 103, 120.

почитала ему второго своего сына (Льва), и притом до такой степени, что каждый успех старшего делал ее к нему равнодушнее и вызывал с ее стороны сожаление, что успех этот не достался ее любимцу». ¹²³ Похоже, что это было правдой. По письмам Н. О. Пушкиной создается впечатление, что в горестях последних лет ее не утешали успехи старшего сына. В 1833 г. она писала дочери о младшем: «...я совершенно несчастна от мысли, что он в этом положении, я, которая гордилась его подвигами; значит, так уж положено, чтобы мне ни в чем не было радости». ¹²⁴

Незадолго до смерти матери О. С. Павлищева писала мужу: «Врач говорит, что ее источила печаль». ¹²⁵ В этом настроении Надежды Осиповны есть что-то загадочное. Неудачи на военном поприще, долги и притязания Льва Сергеевича на «жертву» со стороны родителей (Сергей Львович утверждал, что сын желал их отъезда в деревню для поправки дел) ¹²⁶ могли удручающе повлиять на мать. Однако в этой печали крылось и нечто другое, связанное, возможно, с изменением взгляда на миссию, исполненную ею в своей жизни. В 1835 г. Надежда Осиповна с восхищением писала дочери: «Сегодня день рождения г-жи Архаровой, ей

¹²³ Цит. по: *Семевский 2008*. С. 89.

¹²⁴ *Фамильные бумаги*. Т. 1. С. 144.

¹²⁵ Там же. Т. 2. С. 158 (письмо от 11 марта 1836 г.).

¹²⁶ Там же. Т. 1. С. 185.

80 лет, вчера после Всенощной так трогательно было видеть эту добрую старуху, окруженную ее детьми, которых она благословляла, и благодарила Бога за счастье, которое Он ей посылает и которым она наслаждалась в течение всей ее жизни».¹²⁷ У Надежды Осиповны не было ощущения, что подобный идеал реализовался в ее жизни.

Во время предсмертной болезни она сильно изменилась. 28 февраля 1836 г. Павлищева писала мужу о матери: «...она желает видеть вас... и в самом деле она вас, судя по всему, очень любит: она всегда говорит о вас с живейшим интересом; а вот отец ни словечка о вас не промолвит».¹²⁸ Смысл этой перемены ясен. Надежда Осиповна стремилась развязать в своей душе и вокруг нее узлы всех обид и недоразумений, дабы уйти в мир иной так, как это и подобает христианке. Оставалась еще одна проблема ее жизни — старший сын. Павлищева, измученная страданиями матери, ничего особенного в отношении его не заметила: «Александр появляется ненадолго, как и остальные; я с ней совершенно одна».¹²⁹ Между тем в это время между матерью и сыном происходило нечто необыкновенное, о чем Е. Н. Вревская впоследствии рассказывала

¹²⁷ Там же. С. 289.

¹²⁸ Там же. Т. 2. С. 156.

¹²⁹ Там же. С. 158.

так: «...когда она была больна несколько месяцев, Александр Сергеевич ухаживал за нею с такою нежностью и уделял ей от малого своего состоянья с такою охотой, что она узнала свою несправедливость и просила у него прощения, сознавая, что она не умела его ценить. Он сам привез ее тело в Святогорский монастырь (апрель 1836 г.), где она похоронена, и тут же купил и себе место. После похорон он был чрезвычайно расстроен и жаловался на судьбу, что она и тут его не пощадила, дав ему такое короткое время пользоваться нежностью материнскою, которой до того времени он не знал». ¹³⁰ В 1880 г. А. Н. Вульф рассказывал М. И. Семевскому о том, в какой горести пребывал Пушкин, когда вез мать к ее последнему пристанищу в Святогорском монастыре. ¹³¹

Пушкина была очень религиозна, причем с годами это в ней все усиливалось. Следует отметить, что по характеру религиозности Надежде Осиповне был ближе всех в семье именно старший сын. ¹³² Религиозное чув-

¹³⁰ Цит. по: *Семевский 2008*. С. 203–204.

¹³¹ См.: *Березкина С. В.* Воспоминания А. Н. Вульфа и М. И. Осиповой о Пушкине в записи М. И. Семевского 1880 г. // *РЛ*. 2006. № 2. С. 140.

¹³² А. Н. Вульф писал в своем дневнике 23 июня 1832 г.: Л. Пушкин «твердит о том, что несколько лет не был в церкви и обещался никогда не входить...» (*Вульф А. Н.* Любовные похождения и военные походы. С. 139).

ство Ольги Сергеевны соответствовало настрою обожавшего ее отца. Письма Сергея Львовича пестрят упоминаниями о снах и предчувствиях. Его сентиментальные фантазии опирались на сочинения Сведенборга, которого он всячески рекомендовал дочери: «Я хотел бы обладать знанием последнего и подобно ему переноситься повсюду, куда придет охота».¹³³ По-видимому, во влиянии отца следует искать корень свойственного впоследствии Ольге Сергеевне увлечения мистицизмом. Религиозное воздействие, шедшее от матери, Павлищеву тяготило: «Мне пришлось, чтобы сделать приятное матери, сходить к службе. Зато после, и чтобы развлечься, и чтоб избежать молитв дома, я отправилась в санях к гр(афине) Ивелич» (письмо от 20 декабря 1835 г.); «Я причащалась, это доставило удовольствие матери, и признаюсь вам, что только ради нее я пошла на эту муку. Впрочем, я отделалась лишь ломотой во всем теле, да еще на двадцать рублей меньше стало в моем кошельке» (18 февраля 1836 г.).¹³⁴

Религиозное чувство Надежды Осиповны было традиционным. Оно было связано с православной церковью, к которой Пушкина относилась с большой любовью: «Ты представить себе не можешь, дорогая Оль-

¹³³ *Фамильные бумаги*. Т. 1. С. 235 (письмо от 24 июля 1834 г.).

¹³⁴ Там же. Т. 2. С. 136, 150.

га, как я счастлива, что имела силы пойти к обеду. ⟨...⟩ Я не надеялась на счастье причаститься в Церкви». ¹³⁵ В то время, когда Пушкин навещал свою умирающую мать, он был близок с ней в этом чувстве («Но вера матери моей / Была твоя...» — говорит Марии в «Бахчисарайском фонтане» Зарема). Шел 1836 г., и до начала работы над стихотворным «каменноостровским циклом», отразившим серьезный религиозный настрой поэта, оставались считанные месяцы.

В стихотворении 1833 г. «Осень (Отрывок)» Пушкин писал:

Дни поздней осени бранят обыкновенно,
Но мне она мила, читатель дорогой,
Красою тихую, блистающей смиренно.
Так нелюбимое дитя в семье родной
К себе меня влечет...

(Акад. Т. 3. С. 319)

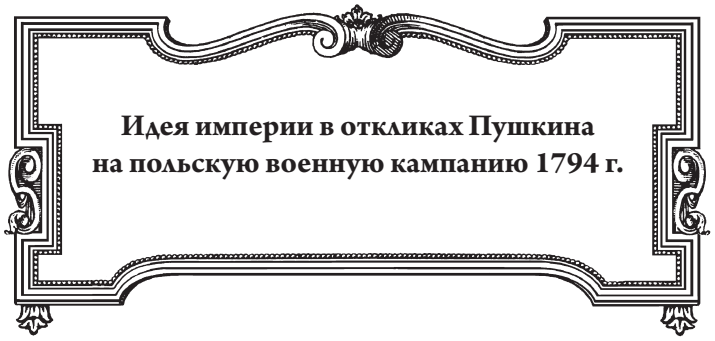
Хорошо известно, что значила в жизни Пушкина осенняя пора. Поразительно, что рядом с этим символом вдохновенья он поставил фигурку одинокого ребенка... Едва ли это было бессознательным проявлением потаенных глубин его души. Видимо, поэт уже знал исток удивительного счастья своей жизни. Свобода, стойкость, духовная отвага, самостоятельность — вот

¹³⁵ Там же. Т. 1. С. 173 (письмо от 6 апреля 1835 г.).

дары судьбы, вознаградившие его за положение «не-любимого дитяти». Об этом же говорят и воспоминания Павлищевой: Александр Сергеевич не обнаруживал «ничего особенного», пока не родился любимец матери Лев. Пока она не взглянула на старшего сына какими-то другими глазами... То, как поэт написал об этом в 1833 г., на языке церкви называется смирением.

Ю. М. Лотман видел «секрет психологического правдоподобия в том, чтобы раскрыть взаимную необходимость разных жизней».¹³⁶ Материнская любовь, свойственная Надежде Осиповне, была огромна и, как это зачастую водится, слепа. Провидение своим крылом сокрыло от материнских глаз старшего сына, и он оказался вне сферы ее воздействия. Всматриваясь в судьбу Льва Сергеевича, мы начинаем догадываться, что в этом был свой смысл... Умирая, Надежда Осиповна сумела взглянуть в лицо Александра и узнать в нем единственного из своих детей, прочно и достойно стоящего на земле. Двое, мать и сын, исполнили предназначенное им в жизни. Ко всему сказанному остается добавить лишь факт, который по-особому поразил родных Надежды Осиповны, усмотревших в нем знак Божьего к ней благоволения: мать великого поэта скончалась в пасхальную ночь 1836 г.

Идея империи в откликах Пушкина на польскую военную кампанию 1794 г.

Одно из центральных мест в идеологии Пушкина занимала идея государственная, связанная с осмыслением исторического пути России и представлением о положении ее на международной арене. Отражение мысли о Государстве Российском мы можем обнаружить на протяжении всего творческого пути Пушкина, от лицейских лет до последних дней его жизни. Развитие государственной идеи в произведениях Пушкина целесообразнее всего, на наш взгляд, показать на примере одного события из русской истории, к художественному осмыслению которого он стремился на протяжении длительного времени. Это событие имеет богатый историко-культурный контекст, раскрывающийся в литературно-публицистических откликах как в России, так и за рубежом.

Пожалуй, ни одна из военных кампаний А. В. Суворова не вызвала столь разноречивых суждений, как

кратковременная, занявшая всего лишь два осенних месяца 1794 г. кампания в Польше. Результатом проведенных им военных действий, осуществлявшихся, кстати, в союзе с Пруссией, стало подавление Польского восстания под предводительством Т. Костюшко, а затем — третий раздел Польши. Он «увенчал» дело, начатое в 1772 г. по инициативе прусского короля Фридриха II первым разделом — между Россией, Пруссией и Австрией — Польши и приведшее к окончанию ее самостоятельной государственной жизни. В действиях повстанцев в 1794 г. долгое время усматривали проявления революционных намерений, вызванных эхом грозных событий во Франции, хотя в историографии последнего времени «революционная составляющая» Польского восстания не без оснований стала оспариваться.¹ Стремление видеть в Суворове деятеля, остановившего на исходе эпохи Французской революции ее распространение по Европе, характеризовало некоторые из направлений историографии как российской, так и западноевропейской — консервативных или же, наоборот, либеральных, с акцентом на обвинения в адрес Суворова. Сама по себе роль Суво-

¹ См.: Müller M. G. Die Teilungen Polens. 1772 — 1793 — 1795. München, 1984; Мюллер М. Г. Восстание Т. Костюшко и разделы Польши // Польша и Европа в XVIII веке: Международные и внутренние факторы разделов Речи Посполитой. М., 1999. С. 189–200.

рова в истории «падения Польши»² обсуждалась в исторической литературе очень активно, хотя, по-видимому, не она определила значительный разброс мнений в оценке проведенной им военной кампании 1794 г.

Большой резонанс в историко-публицистической и художественной литературе имел заключительный эпизод этой кампании — штурм военной крепости Прага, защищавшей с востока Варшаву. Вокруг этого события концентрировались различные оценки военных действий Суворова, вплоть до самых резких и уничтожительных. Неоднократно штурма Праги касался в своих произведениях Пушкин, причем упоминания этого события в его текстах, как прямые, так и косвенные, охватывают значительный временной промежуток — с 1824-го по 1833 г. Так сложилось, что строки с упоминанием Праги не получили в изданиях Пушкина адекватного исторического комментария. Почему? Суворовский штурм Праги имеет болезненный исторический ореол, поэтому, видимо, и в дореволюционное, и в советское время в примечаниях к текстам Пушкина этим строкам давалось наикратчайшее пояснение, сводившееся к указанию даты и местонахождения взя-

² Недаром одна из монографий на эту тему, написанная Ф. Смитом, названа «Суворов и падение Польши» (СПб., 1856–1867. Ч. 1–2).

того Суворовым укрепления. Между тем в восприятии Пушкина пражский (в XIX в. нередко говорили «прагский») штурм имел глубокий историософский смысл. Взгляд поэта на взятие Суворовым Варшавы отвечал подходам к осмыслению события русскими литераторами, в первую очередь, «предпушкинской» и пушкинской эпохи, но, что очень важно, он не был чужд и деятелям последующих десятилетий. На протяжении XIX в. наиболее популярные высказывания Пушкина по «польскому вопросу» (а они как раз и включают в себя упоминания Праги) многократно цитировались русскими литераторами, философами, историками, причем как сочувственно (И. С. Аксаков), так и критически (Н. И. Костомаров). Между тем историко-культурный контекст этих высказываний Пушкина до конца не прояснен. В настоящей главе предлагается развернутый комментарий к тем строкам в наследии Пушкина, которые связаны с его интересом к штурму Суворовым варшавской крепости Прага.

* * *

Несколько слов следует сказать о самом историческом событии. Прага представляла собой укрепленное предместье Варшавы на правом берегу Вислы. С Варшавой ее соединял мост. Таким образом, столицу Речи Посполитой защищали с востока, во-первых, река, а во-вторых, несколько рядов укреплений вокруг Праги.

Между рядами укреплений — земляным валом и ретраншаментом (это внутренняя оборонительная ограда) — стояли войска повстанцев. Их внимание в день перед штурмом усыпили мнимые приготовления Суворова к осаде. Атака российских войск была для поляков полной неожиданностью. Прагу русские взяли штурмом 24 октября 1794 г.³ О действиях солдат Суворов докладывал в тот же день гр. П. А. Зубову: «Летели чрез волчьи ямы с копьями, герзы,⁴ засеки, рогатки, глубокие рвы водяные, высокий вал, двойной ретраншамент».⁵ Все препятствия были преодолены и сопротивление противника сломлено после трех часов натиска суворовских войск.

Для Пушкина, судя по его упоминаниям Праги, это сражение было символом кровопролитнейшего из всех боевых столкновений русских с поляками. Штурм варшавского предместья отличался предельным ожесточением.⁶ Правдивое сообщение о том, что про-

³ Подробный анализ подготовки штурма и его хода см.: *Масловский Д. Ф.* Записки по истории военного искусства в России: В 2 т. СПб., 1894. Т. 2. С. 482–494.

⁴ Искусственное препятствие в виде железной бороны с зубьями.

⁵ *Суворов А. В.* Письма / Изд. подгот. В. С. Лопатин. М., 1986. С. 281. (Лит. памятники).

⁶ Библиографию по польской военной кампании 1794 г. и ее финальному эпизоду (взятию Праги) см: Русский биографический

исходило на улицах варшавской крепости 24 октября, дал в «Реляции о штурме Праги» сам Суворов: «Страшное было кровопролитие, каждый шаг на улицах покрыт был побитыми. Все площади устланы телами... На беду спрятавшиеся в домах жители, не исключая женщин и детей, стали оттуда стрелять, бросать камнями... Это еще усилило ярость солдат; бойня дошла до предела; врвались в дома, били всех кого попало, и вооруженных и безоружных, и оборонявшихся и прятавшихся; старики, дети, женщины, — всякий, кто подвертывался, погибал под ударами, Висла, обогренная, несла стремлением своим тела тех, кои, искав убежища в ней, утопали; страшное сие позорище видя, затрепетала вероломная ⟨...⟩ столица».⁷ На улицах Праги погибли тысячи мирных жителей (в литературе

словарь. СПб., 1912. ⟨Т. 20⟩: Суворова — Ткачев. С. 85–86 (статья С. Д. Масловского); *Богуславский Г. А.* Библиография русской литературы о А. В. Суворове // А. В. Суворов: Документы: В 4 т. М., 1952. Т. 4. С. 586; История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: В 5 т. М., 1976. Т. 1. С. 171–174.

⁷ *Орлов Н. А.* Штурм Праги Суворовым в 1794 году. СПб., 1894. С. 121–122. Впервые «Реляция о штурме Праги» была напечатана в 1854 г. на страницах газеты «Русский инвалид». Показательно, что после образования в 1940-х гг. так называемого «социалистического лагеря» полностью ее уже не печатали. Так, в солиднейшем многотомном издании документов Суворова приведенный выше фрагмент «Реляции» купирован (см.: А. В. Суворов: Документы. Т. 3. С. 412).

их число доходило до 12 и даже 22 тысяч, хотя последняя цифра, вероятнее всего, представляет собой опечатку).⁸ Затем начались, как это и было принято в то суровое время, грабежи (или, по Суворову, «добычь»), доставившие, впрочем, немного поживы победителям, а след за ними — пожар.

Судьба Праги не была безразлична Суворову. Перед штурмом он принял ряд мер для ограждения пражского населения. В обращении к солдатам Суворов призывал их щадить мирное население: «В дома не забегать; неприятеля, просящего пощады, щадить; безоружных не убивать; с бабами не воевать; малолетков не трогать!»⁹ В самый день военных действий, после того как русские солдаты прорвались сквозь заграждения на улицы города, туда были посланы вестовые, предлагавшие мирному населению маршрут к спасению — в русский лагерь, под защиту Суворова.

⁸ См.: *Петрушевский А. Ф. Генералиссимус князь Суворов: В 3 т. СПб., 1884. Т. 2. С. 120; Русский биографический словарь. (Т. 20): Суворова — Ткачев. С. 54. О Праге очевидец событий сообщал в своих воспоминаниях: «До самой Вислы на всяком шагу видны были всякого звания умерщвленные, а на берегу оной навалены были груды тел убитых и умирающих воинов, жителей, жидов, монахов и ребят. (...) ..умерщвленных жителей было несчетно» (*Энгельгардт Л. Н. Записки / Подгот. текста, сост., вступ. ст. и примеч. И. И. Федюкина. М., 1997. С. 132*).*

⁹ А. В. Суворов: Документы. Т. 3. С. 398.

Какая-то часть населения Праги сумела перебежать туда и тем спасла свою жизнь. Наконец, именно по приказу Суворова был сожжен мост, соединявший Прагу с Варшавой. Это самым трагическим образом осложнило положение защищавшихся, но одновременно и спасло Варшаву от кровопролития.¹⁰

Ожесточение русских солдат при штурме Праги имело объяснение, которое помнили в России и забывали в Европе. Участниками штурма должны были стать солдаты, спасшиеся из варшавской резни в апреле 1794 г. Резня в Варшаве началась в четверг на Страстной неделе — общей, кстати, и для православных, и для католиков, поскольку в 1794 г. Пасха праздновалась всеми христианскими конфессиями в один день. Русских убивали на квартирах, где они стояли, на улицах, а около пятисот безоружных солдат было вырезано в походной церкви во время литургии. Всего за два «страстных» дня в Варшаве было убито русских более двух тысяч человек. Остатки гарнизона прокладывали себе дорогу из восставшего города штыками. Именно пострадавшие в варшавской резне 1794 г. части сделали штурм Праги ожесточенным до предела. По воспоминаниям участника тех событий, солдаты готовились

¹⁰ Полемику об этом эпизоде штурма с польскими авторами, отрицавшими намерение Суворова уберечь Варшаву от вторжения штурмовавших Прагу солдат, см.: *Петрушевский А. Ф.* Спорный суворовский вопрос // *Разведчик*. 1901. № 580. С. 1068–1070.

к захвату Праги с намерением мстить «за кровь нашу, изменнически пролитую в Варшаве на Страстной неделе».¹¹ Еще не добравшись до улиц Праги, солдаты кричали друг другу: «Смотри, братцы, никому пощады».¹² Особой решимостью отличался корпус генерал-лейтенанта барона И. Е. Ферзена, понесший самые значительные потери во время варшавской резни. Именно поэтому перед штурмом Праги Суворовым было написано два приказа: один ко всем солдатам, особенно, судя по позднейшим воспоминаниям, им запомнившийся,¹³ а другой — Ферзену, с наказом о пленных.

«Не прошло суток после прагского побоища, — писал А. Ф. Петрушевский, — и в русском лагере явилось посольство от капитулирующей Варшавы».¹⁴ Суворов, оказавшийся на пороге Варшавы ранее, чем это предполагалось в Петербурге, действовал в течение нескольких недель самостоятельно, поскольку на тот момент у него не было каких-либо инструкций. От

¹¹ (Старков Я. М.). Рассказы старого воина о Суворове. М., 1847. С. 47.

¹² (Смитт Ф.). Штурм Праги 24 октября / 4 ноября 1794 года // Сын отечества. 1831. Т. 18, № 9. С. 110.

¹³ См.: (Понадичев И. О.). Воспоминания суворовского солдата / Изд. Д. Ф. Масловского. СПб., 1895. С. 42.

¹⁴ Петрушевский А. Ф. Генералиссимус князь Суворов. Т. 2. С. 125.

имени императрицы он объявил об амнистии — с сохранением имущества — всем польским повстанцам и отказе от контрибуции. Условия капитуляции были приняты в Варшаве под нажимом уstraшенного пражским штурмом населения, поскольку руководители восстания не соглашались на разоружение армии. 4 ноября 1794 г. магистратом Варшавы Суворову была поднесена украшенная бриллиантами табакерка с надписью: «Варшава своему избавителю».¹⁵ Условия, при которых капитулировала Варшава, вызвали неудовольствие российских сановников, хотя распоряжения Суворова, данные от лица императрицы, отменить никто не посмел. Суворов долго и не без успеха противился требованиям взыскать с Варшавы контрибуцию, условия же ареста предводителей восстания — в ответ на требования из Петербурга — сумел значительно смягчить. По словам Петрушевского, «он сделался самым ревностным ходатаем за побежденных (и невинных и виноватых), завалив высшие правительственные места Петербурга своими просьбами и рекомендациями. По этому поводу он сносился не только с Петербургом, но и с Киевом, Ригою и другими, даже с русскими посланниками при некоторых европейских дворах».¹⁶

¹⁵ Суворов А. В. Письма. С. 284.

¹⁶ Петрушевский А. Ф. Спорный суворовский вопрос. С. 1069.

До конца жизни Суворов с гордостью вспоминал о своей последней польской кампании и «пражском деле». Память суворовского ветерана сохранила слова полководца, сказанные солдатам после штурма: «Благодарю, ребята! С нами Бог! Прага взята! Это дело дорогого стоит. Ура! ребята».¹⁷ Один из эпизодов штурма был упомянут в качестве примера в суворовской «Науке побеждать».¹⁸ Во время службы в Тульчине в 1796–1797 гг. Суворов построил рядом с военным лагерем учебную крепость, которую назвал «Празжкой». По его мнению, штурм Праги был ознаменован «блистательной победой», равной «измаильскому делу».¹⁹ Последнее сопоставление было критически оценено авторитетнейшим биографом Суворова А. Ф. Петрушевским: он считал, что сопротивление, встреченное русскими войсками в Праге, было неизмеримо слабее того, которое им пришлось сломить в Измаиле.²⁰ Говоря о пражском побоище, он критически оценил состояние дисциплины и субординации в суворовских войсках.

¹⁷ ⟨*Попадичев И. О.*⟩. Воспоминания суворовского солдата. С. 43.

¹⁸ См.: *Суворов А. В.* Письма. С. 398.

¹⁹ *Орлов Н. А.* Штурм Праги Суворовым в 1794 году. С. 120.

²⁰ *Петрушевский А. Ф.* Генералиссимус князь Суворов. Т. 2. С. 124–125.

По словам Е. Н. Марасиновой, российским дворянством «разделы Польши воспринимались как жизненно важные для Отечества события, требующие максимальной отдачи и временного забвения собственных интересов».²¹ Окончание военной кампании 1794 г. вызвало в России повсеместный восторг. Победа Суворова была воспета в таких стихах 1794–1795 гг., как «На взятие Варшавы» Г. Р. Державина, «Солдатская песнь на взятие Варшавы» Н. А. Львова, «Эпистола на взятие Варшавы» Е. И. Кострова, «Пеан, или Песнь на победы ⟨...⟩ над мятежниками польскими...» Г. Р. Рубана, «Ода на покорение Польши» А. С. Шишкова и т. д.²² С победами Суворова и присоединением к России новых провинций связан целый ряд стихов И. И. Дмитриева («Глас патриота на взятие Варшавы»,²³ «Стихи на победу

²¹ Марасинова Е. Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века: (По материалам переписки). М., 1999. С. 107.

²² См.: Хореев В. А. Польша и поляки глазами русских литераторов: Имагологические очерки. М., 2005. С. 35–38.

²³ Карамзин дал Дмитриеву неодобрительный отзыв об этом стихотворении: «Ода и глас Патриота хороши Поэзиею, а не предметом. Оставь, мой друг, писать такие пиесы нашим стихокропателям. Не унижай Муз и Аполлона» (Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 50).

гр. Суворова-Рымникского...», «Стихи гр. Суворову-Рымникскому на случай покорения Варшавы», «Освобождение Москвы», «Стихи на присоединение польских провинций...»²⁴ Чтобы понять специфику «пражской темы» в творчестве Пушкина, следует сказать несколько слов об этом круге поэтических произведений. Естественно, оды на победы Суворова в Польше, написанные в конце XVIII в., никоим образом не соприкасались с тем комплексом сложнейших проблем, который породил в русском обществе «польский вопрос». В конце XVIII в. победа над поляками и присоединение к России «польских провинций» была принята с восторгом, поскольку свидетельствовала о мощи русского оружия, мудрости государыни и огромных перспективах, открывающихся перед Россией в будущем. Оды насыщались публицистическими намеками на враждебные России силы, которые пытались противостоять русскому движению вперед, но были посрамлены силой, ломающей на своем пути все преграды.

Впоследствии знакомство с произведениями, написанными на польские победы Суворова, оставляло, по-видимому, горькое чувство у русского читателя,

²⁴ См.: Николаев П. Д. «Я подвиг предка петь хочу!»: (Гражданско-патриотические мотивы в поэзии И. И. Дмитриева 1790-х гг.) // Русская литература как форма национального самосознания. XVIII век. М., 2005. С. 721–762.

постигавшего всю глубину и трагичность проблем, которые вошли в жизнь России вместе с Привисленским краем. Такое восприятие можно усмотреть в суждении А. Н. Пыпина о произведениях, писавшихся по следам современных поэтам событий: «Старая точка зрения была немногосложна: она указывалась действиями правительства — оставалось восклицать, как в стихах Державина на взятие Варшавы: „пошел — и где тристаты злобы!“ Этого было достаточно; исследование, откуда брались „тристаты“, было излишне».²⁵ Описанная Пыпиным позиция была характерна лишь для периода, непосредственно предшествовавшего пушкинскому. Уже к началу 1820-х гг. она перестала быть столь однозначной. Не в последнюю очередь это произошло благодаря западноевропейским публицистам, историкам, поэтам, представившим историю последнего в XVIII в. польского восстания — и в частности штурм Праги — в ином, нежели это делалось в России, свете. Об этих публицистических выступлениях критически отозвался уже первый биограф Суворова Ф. Антинг.²⁶ В европейских изданиях печатали о Суворове, будто бы он, захватив

²⁵ Пыпин А. Н. Польский вопрос в русской литературе // Вестник Европы. 1880. № 2. С. 706.

²⁶ Антинг Ф. Жизнь и военные деяния генералиссимуса, князя Итальянского графа Суворова-Рымникского: В 3 ч. СПб., 1800. Ч. 3. С. 114.

Варшаву, приказал повесить двенадцать тысяч человек, а у шести тысяч шляхтичей отрубить кисти рук...²⁷

Ф. Смитт писал об откликах европейской прессы: «Штурм Праги подал повод наводнить свет сентиментальными декламациями... Какое удовлетворение оставалось еще оскорбленному самолюбию кроме того, чтобы ославить победителей грубыми варварами, которые попрали ногами всякое чувство человечества?»²⁸ Именно это обстоятельство определило полемический характер всех упоминаний Праги в пушкинских текстах, придав им налет некоторой задиристой наступательности.

Какие именно печатные сообщения о штурме Праги были известны Пушкину? В его библиотеке, как это определил А. Дворский, были собраны основные европейские труды по истории Польши, причем некоторые из них были из числа запрещенных в России; состав книг по истории Польши в библиотеке поэта можно оценить как весьма значительный.²⁹ В них давались весьма острые, как, например, в мемуарах М. К. Огинского, суждения о военной кампании Суво-

²⁷ О правлении Суворова в Польше см.: *Петрушевский А. Ф. Генералиссимус князь Суворов*. Т. 2. С. 165–202.

²⁸ *Смитт Ф.* Штурм Праги 24 октября / 4 ноября 1794 года // *Сын отечества*. 1831. Т. 18, № 10. С. 161.

²⁹ См.: *Дворский А.* Пушкин и польская культура / Пер. с польск. СПб., 1999. С. 194–196.

рова 1794 г. В русской печати о взятии Праги обстоятельно рассказывалось в труде Ф. Антинга, переведенном с немецкого, и кратко, с элементом полемики, в книге Е. Б. Фукса;³⁰ истории из жизни Суворова в Польше сообщались в сборниках «анекдотов» о нем. Между тем интерес к штурму Праги, судя по тому, что в 1822 г. в журналах публиковались донесения Суворова 1794 г.,³¹ становился все более и более серьезным. Конечно, он в значительной степени подстегивался масштабностью упреков в адрес полководца, которые из публицистических выступлений переходили на страницы серьезных исторических исследований и тем самым побуждали русских авторов к защите прославленного имени. В 1843 г. В. К. Кюхельбекер на страницах своего дневника решительно восстал против приговора Суворову, произнесенного Л. А. Тьером в «Истории Французской революции» (1823–1827), хорошо, кстати, известной Пушкину: «К Суворову (...) Тьер в высокой степени несправедлив. Суворов отнюдь не был варваром и маньяком, как он его называет, — но человеком, одним из самых русских, когда либо живших. Его маска и он сам — это две совершенно разные вещи. Что же касается до военно-

³⁰ Фукс Е. Б. История генералиссимуса, князя Италийского графа Суворова-Рымникского: В 2 ч. М., 1811. Ч. 1. С. 44–45.

³¹ См.: Отечественные записки. 1822. Ч. 10, № 24. С. 102–103; Северный архив. 1822. Октябрь, № 20. С. 117–118.

го искусства, смею думать, что тут Тьер не компетентный судья... Жомини и сам Наполеон иначе судят о Суворове, нежели Тьер; и я осмелюсь им в этом деле более верить, нежели умному, но не всегда беспристрастному министру, любимцу французской оппозиции».³²

Мимо упреков в адрес Суворова не прошел ни один из серьезных его биографов. Петрушевский был решительно не согласен с характеристикой «иностранными писателями» штурма Праги как «простой бойни, где не видать никакого военного таланта», где «действовала одна грубая сила, вроде стихийной, и где успех был завершен невообразимым зверством и кровожадностью войск и их предводителя».³³ Говоря о кровопролитии на улицах Праги, историк указывал и на варшавскую резню, озлобившую суворовских солдат, и на военные нравы того времени. Особо Петрушевского возмущала несправедливость суждений Тьера, о которых он неоднократно упоминал в своих работах о Суворове. В. С. Лопатин так писал об откликах западноевропейской прессы на разгром польского восстания: «Английская и особенно французская печать того времени тенденциозно описывала штурм Праги (на-

³² Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи / Изд. подгот. (М. Г. Альтшуллер), Н. В. Королева, В. Д. Рак. Л., 1979. С. 413. (Лит. памятники).

³³ Петрушевский А. Ф. Генералиссимус князь Суворов. Т. 2. С. 122.

звали его штурмом Варшавы) как невиданный пример варварства и насилия над беззащитным населением». Полемизируя с этими выступлениями, Лопатин привел примеры еще большего ожесточения в действиях французских и английских войск при штурме палестинского города Яффа (1799), индийской крепости Серингапатам (1799), испанской Сарагосы (1809).³⁴ Сам Суворов в ответ на обвинения в кровопролитии, раздававшиеся в европейской печати, говорил, сравнивая свои действия с теми, которые велись на территории Польши до его прибытия туда в августе 1794 г.: «Миротлюбивые фельдмаршалы занялись при начале польской кампании устройением магазинов. План их был воевать с *вооруженною нациею* три года. Какое кровопролитие! (...) Я пришел — и победил. Одним ударом доставил и мир и спас величайшее пролитие крови».³⁵

* * *

Первые упоминания Праги у Пушкина относятся к михайловской осени 1824 г. В конце сентября – октябре 1824 г. поэтом было написано стихотворение

³⁴ См.: Лопатин В. С. Примечания // Суворов А. В. Письма. С. 666.

³⁵ Фукс Е. Б. История генералиссимуса (...) графа Суворова-Рымникского. Ч. 1. С. 44–45.

«Мне жаль великия жены...»,³⁶ представляющее собой сатиру на Екатерину Великую. Второе его четверостишие посвящено перечислению исторических заслуг императрицы, среди которых фигурирует Прага, символизирующая важную веху в истории России: «Мы [Прагой] ей одолжены, / И просвещеньем, и Тавридой...» (*Акад.* Т. 2. С. 341).³⁷ Упоминание Праги в этих не доработанных Пушкиным стихах имеет не вполне ясный — с элементом двусмысленности — подтекст.³⁸ В 1822 г. Пушкин писал в «(Заметках по русской истории XVIII века)»: «Униженная Швеция и уничтоженная Польша, вот великие права Екатерины на благодарность русского народа» (*Акад.* Т. 11. С. 15). Со временем эти слова получили какое-то злое значение.

³⁶ О датировке произведения см.: *Фомичев С. А.* Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 835: (Из текстологических наблюдений) // *ЛИМ.* Т. 11. С. 55. О творческой истории стихотворения см.: *Березкина С. В.* Екатерина II в стихотворении Пушкина «Мне жаль великия жены...» // XVIII век. СПб., 1999. Сб. 21. С. 412–421.

³⁷ Следует отметить, что в основном тексте академического издания на месте слова «Прагой» стоит пробел. Указание на необходимую вставку в текст дано в отделе «Другие редакции и варианты» (С. 869). Впоследствии это уточнение было принято всеми изданиями сочинений Пушкина.

³⁸ Может быть, именно поэтому слово «Прага» было вычеркнуто Пушкиным. С «просвещеньем и Тавридой» связаны подлинные заслуги Екатерины, которые никто не поставит под сомнение; Прага в этот ряд вносила элемент двусмысленности.

ние, поскольку «уничтоженная Польша» нанесла большой вред международной репутации России. Во время Крымской войны это побуждало М. П. Погодина буквально вопиять о том, что Польша представляет собой болезнь на теле России и предлог для ненависти Европы. Сама по себе возможность какого-то горько-ироничного подтекста в упоминании Праги у Пушкина — свидетельство важнейшего сдвига в общественном сознании России. Они особенно ощутимы, если сравнить высказывание Пушкина с выражениями восторга в «Стихах на присоединение польских провинций...» (1795) И. И. Дмитриева, где поэт восклицал по поводу Екатерины и «уничтоженной Польши»: «Рекла — и царства вдруг не стало!» И далее:

И где противиться нам смеют?
Все слабы! Взглянем — и бледнеют;
Сверкнем булатом — и падут.³⁹

Петрушевский, анализируя публицистические преувеличения в связи с кампанией, положившей конец существованию Польши, писал, что Европа не могла простить России исчезновение с карты независимого, известного своими высокими культурными традициями государства. Оценка соотношения сил между ме-

³⁹ Дмитриев И. И. Полн. собр. стихотворений / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Г. П. Макогоненко. Л., 1967. С. 313. (Б-ка поэта. Большая сер.).

трополоией и национальным движением в историографии всегда варьировалось от страны к стране, в зависимости от ее важности и опыта социальных перемен.⁴⁰

Упоминания Праги в текстах Пушкина были связаны с осмыслением исторического значения штурма 1794 г., как оно представлялось его современникам. При этом поэт, несомненно, пользовался и устными рассказами о пражской бойне. Двое из знакомых Пушкина (причем он с ними познакомился еще до михайловской ссылки) впоследствии касались в своих работах штурма Праги — это Д. В. Давыдов и Павел А. Муханов.⁴¹ Денис Давыдов, отец которого был участником военной кампании 1794 г., упомянул о пражском штурме в своей статье «Встреча с великим Суворовым (1793)» (1834–1835): «Во время штурма Праги остервенение наших войск, пылавших местью за изменническое побиение поляками товарищей, достигло крайних пределов»;⁴² и далее, о действиях Суворова после его приезда в Польшу: «...Польское ко-

⁴⁰ См.: *Тош* Д. Стремление к истине: Как овладеть мастерством историка. М., 2000. С. 162.

⁴¹ В 1828 г. Пушкин познакомился с художником А. О. Орловским (1777–1832), который был автором «репортерских» зарисовок реальных сцен восстания Т. Костюшки.

⁴² *Давыдов* Д. В. Сочинения / Предисл., подгот. текста и примеч. В. Н. Орлова. М., 1962. С. 168.

ролевство стояло ⟨...⟩ вверх дном, и Прага, залитая кровью, курилась».⁴³ Павел Муханов в 1835 г. издал брошюру «Штурм Праги 24 октября 1794 года», говорившую о серьезности его занятий историей российско-польских отношений. Опубликованный им план пражского сражения должен был подкрепить мнение о полководческом гении Суворова.

Судя по всему, говорил Пушкин о штурме Праги и с поляками на юге. Обращаясь к ним, Пушкин писал в послании «Графу О⟨дизару⟩», созданном в конце октября 1824 г.:

И вы, бывало, пировали
Кремля [позор] и ⟨русский⟩ ⟨?⟩ плен,⁴⁴
И мы о камни падших стен
Младенцев Праги избивали,
Когда в кровавый прах топтали
Красу Костюшкиных знамен.

(Акад. Т. 2. С. 334)

Сразу же нужно сказать несколько слов о «младенцах Праги», упомянутых Пушкиным. В мемуаристике встречаются жуткие сцены взятия русскими Праги —

⁴³ Там же. С. 183.

⁴⁴ Во всех изданиях стих печатается без конъектуры, хотя пропущенное здесь слово, по замечанию Я. Л. Левкович, сделанному автору этих строк, самоочевидно: «Кремля позор и ⟨русский⟩ плен».

вплоть до эпизода, в котором рассказывается о солдате, вырвавшем ребенка из объятий заколотой матери и разбившем его о стену.⁴⁵ Н. А. Орлов относил подобные эпизоды к разряду образных преувеличений, поскольку они «стереотипны» и «повторяются чуть ли не при каждом описании штурмов разных крепостей» и ожесточенных военных действий⁴⁶ (см., например, в «Сказании» Авраамия Палицына, повествующем о Смутном времени: «...в глазах родителей жгли детей, носили головы их на саблях и копьях; грудных младенцев, вырывая из рук матерей, разбивали о камни»⁴⁷). Звучание строк о «младенцах Праги» не в последнюю очередь было обусловлено библейской реминисценцией, которую, скорее всего, и подразумевал автор послания «Графу О(лизару)», — ср.: «Дщи Вавилоня окаянная, блажен, иже воздаст тебе воздаяние твое, еже воздала еси нам: блажен, иже имет и разбьет младенцы твоя о камень» (Пс. 136, 8–9).⁴⁸ Реминисценция, вне

⁴⁵ См.: Орлов Н. А. Штурм Праги Суворовым в 1794 году. С. 90.

⁴⁶ Там же. С. 91.

⁴⁷ Цит. по: Карамзин Н. М. История Государства Российского. СПб., 1829. Т. 12. С. 126.

⁴⁸ К сожалению, в научной литературе до сих пор можно встретить оценку стихов о «младенцах Праги», находящуюся вне историко-культурного контекста этого выступления Пушкина. Например: «Куда мог завести поэта государственный пыл и поэтический пафос верноподданного (...) может свидетельствовать

мемуарно-исторической конкретики, с указанием лишь на «библейское, символическое значение» образа побиваемых младенцев как свидетельства об «уничтожении зла в корне» впервые была отмечена И. З. Сурат.⁴⁹

Стихотворение «Графу О(лизару)» не было Пушкиным доработано. О нем существует обширная литература, проясняющая замысел и обстоятельства создания.⁵⁰ Стихи были написаны после получения

пассаж из стихотворения „Графу Олизару“» (Липатов А. В. Пушкин и Мицкевич: Два типа национальной проекции европеизма // Адам Мицкевич и польский романтизм в русской культуре. М., 2007. С. 114). См. также: Липатов В. А. Мицкевич и Пушкин: Образ на фоне историографии и историософии // Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание. М., 2000. С. 85–99.

⁴⁹ Сурат И. З. Библейский подтекст в оде «Вольность» // Пушкин и его современники. СПб., 2000. Вып. 2 (41). С. 203.

⁵⁰ См.: Lednicki W. Aleksander Puszkina: Studja. Kraków, 1926. S. 177–178; <Олизар Г. До Puszkina / Ст. и публ. В. Г. Чернобаева> // Литературный архив: Материалы по истории литературы и общественного движения. М.; Л., 1938. Т. 1. С. 143–148; Ланда С. С. Мицкевич накануне восстания декабристов: (Из истории русско-польских общественных и литературных связей) // Литература славянских народов. М., 1959. Вып. 4: Из истории литератур Польши и Чехословакии. С. 101–105, 168–169; Дворский А. Пушкин и польская культура. С. 64–90; Николаев С. И. Олизар // ПИМ. Т. 18/19. С. 230–231 (здесь же см. библиографию по теме «Пушкин и Олизар»).

Пушкиным сообщения от кн. С. Г. Волконского о его помолвке с М. Н. Раевской, в которую был влюблен Густав Олизар (1798–1865), богатый киевский помещик, деятель польских тайных обществ, поэт. Посватавшись к Раевской, он получил отказ с указанием на разность вероисповедную и национальную.⁵¹ В ответе Н. Н. Раевского искателю руки его дочери содержалось деликатное умолчание еще об одном обстоятельстве, совершенно неприемлемом для почтенного русского семейства: Олизар был в разводе со своей женой, от которой имел двух малолетних детей. Если посмотреть на послание Олизару под углом зрения той тяжелой драмы, которую он переживал в связи с Раевской, то его замысел, с современной точки зрения, выглядит почти фантастичным: в нем русский поэт говорил поэту польскому, влюбленному в «русскую деву», о невозможности брака между ним, поляком, и русской (и

⁵¹ Ср. в воспоминаниях Г. Олизара о подоплке отказа, полученного им в ответ на сватовство к М. Раевской: «Она знала, что при существующих политических отношениях между двумя народами Русская, которая стремится таковой остаться, не может соединить свою судьбу с судьбой подлинного Поляка, ибо одна из сторон должна была отречься от всего, что означает честность, благородство, а значит, что составляет подлинное счастье человеческой жизни» (*Olizar G. Pamiętniki. 1798–1865. Lwów, 1892. S. 157; цит. по: Ивинский Д. П. Пушкин и Мицкевич: Материалы к истории литературных отношений. 1826–1829. М., 1999. С. 77).*

наоборот — «полячки» с русским), предполагая, что единственной скрепой, которая способна дружески сблизить представителей двух народов, является поэзия. Самое поразительное, что этими рассуждениями Пушкин намеревался Олизара, по-видимому, не задеть, а утешить...

Стихи Пушкина к Олизару очень показательны для развития «польской темы» в русской литературе. Намереваясь коснуться любовной драмы адресата послания, Пушкин начинает... с драмы исторической.⁵² Своеобразие подобного поворота темы в послании к польскому поэту продемонстрируем на примере другого стихотворения Пушкина, написанного той же осенью 1824 г. В черновой текст стихотворения «К морю» (1824) первоначально входило несколько строф, впоследствии, после переработки, перенесенных в оду «Наполеон» (1821). В этих строфах утверждалось, что своими страданиями Наполеон искупил «зло воинственных чудес»; затем поэтом была нарисована картина посещения острова св. Елены с могилой Наполеона «полнощным (т. е. русским) парусом», после чего «на оном камне» должно было появиться

⁵² О драматических коллизиях того времени, которые были связаны с русско-польскими брачными союзами, вызывавшими тревожную озабоченность и с той, и с другой стороны, см.: *Горизонтов Л. Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше*. М., 1999. С. 75–99.

«слово примиренья». Один из черновых вариантов этой строфы был таким (напомним, что писались стихи в момент, когда Пушкин мечтал о побеге из России):

Печальный остров [заточенья]
Напрасно мнил я посетить
Святое слово примиренья
За нас на камне начертить.⁵³

(Акад. Т. 2. С. 852)

Отметим, что память о погибших в 1812–1814 гг. россиянах, судя по «Воспоминаниям в Царском Селе» 1829 г., была для Пушкина жива (перечень потерь он начал в этом стихотворении словами «И многих не пришло...»)⁵⁴. Однако «слово примиренья» в душе

⁵³ Подобный подход к оценке личности Наполеона, пришедший на смену образу кровожадного чудовища, был очень характерен для русских литераторов начиная с 1820-х гг. См., например: «Но почтим прах великого человека, которого люди просвещенные не называют более Аттилою» (⟨Норов В. С.⟩. Записки о походах 1812 и 1813 годов, от Тарутинского сражения до Кульмского боя. СПб., 1834. Ч. 2. С. 3).

⁵⁴ Ю. М. Лотман в «Очерках по истории русской культуры XVIII – начала XIX века» писал: «Достаточно посмотреть самые различные списки людей первой половины XIX века, чтобы убедиться, какие потери понесли те, кому в 1812 году было 18–25 лет. Между поколениями Крылова и Пушкина в русском обществе мы замечаем истинный провал: он образован вычеркнутыми из жиз-

поэта уже прозвучало, и какого-либо враждебного чувства в отношении французов его стихи не обнаруживают. Другое дело поляки — давние соседи России. На послании Олизару лежит отпечаток живого, не утихающего враждебного чувства в отношении Польши. Оно написано так, как будто между поляками и русскими продолжается противоборство... А оно действительно продолжалось: это был спор об Украине, Белоруссии, Литве.⁵⁵ Поляками возрождение Польши мыслилось только в границах до ее разделов. Кстати, и вся наступательная, с оттеком непримиримости, активность в обсуждении «польского вопроса» литераторами, публицистами, историками не только пушкинского, но и более позднего времени была связана именно с этим обстоятельством — со спором о вошедших в состав России после разделов Польши землях. Именно на этом вопросе в канун 1825 г. представители польских и русских тайных обществ разошлись, обсуждая возможное сотрудничество в деле подготовки военного переворота: поляки требовали возврата всех земель Речи Посполитой, русские же колебались, определяя

ни людьми, чьи трупы устилали пространство между Москвой и Парижем» (Из истории русской культуры. М., 1996. Т. 4 (XVIII – начало XIX века). С. 317).

⁵⁵ Подоплека историко-культурных споров между русскими и поляками в пушкинское время отмечалась в изд.: *Lednicki W. Aleksander Puszkina. S. 108.*

границы того, что ни при каких условиях не могло быть ими отдано.⁵⁶

В 1810-х – первой половине 1820-х гг. обсуждение «польского вопроса» было подогрето действиями Александра I, в котором видели сторонника возврата Польше украинских, белорусских и литовских земель. В 1811 г. он высказался за восстановление Польши с включением в нее прежних восточных областей — граница должна была пройти по Двине, Березине и Днепру. По мнению Александра I, это было возможно при условии соединения на вечные времена польской и русской короны. В 1818 г. император провозгласил о своем намерении в Польше, чем вызвал восторг польского общества.⁵⁷ Планы федерализации государства Российского встретили решительное сопротивление со стороны русской дворянской оппозиции.⁵⁸ Несомненно, русско-польская тема приобрела в послании

⁵⁶ Из новейших исследований, затрагивающих вопрос о польско-русских отношениях в наследии декабристов, назовем книгу В. С. Парсамова «Декабристы и французский либерализм» (М., 2001. С. 73–86; здесь же, на с. 79–80, см. библиографию с характеристикой основных работ по этой теме).

⁵⁷ См.: Ковальчикова А. Отец-благодетель: Видение поляками «нашего русского владыки» // Россия — Польша: Образы и стереотипы в литературе и культуре. М., 2002. С. 6–8.

⁵⁸ См.: Доннерт Э. Либеральный конституционализм и конституционные проекты времени Александра I для Финляндии, Польши и России // Славянские народы: общность истории и культу-

Олизару заостренность под воздействием оппозиционного неприятия Пушкиным политики Александра в отношении Польши. Даже в 1830 г. он не мог спокойно вспоминать о том, что сделал для нее покойный император.⁵⁹ Причем это неприятие было в высшей степени характерно для деятелей тайных обществ в России. Напоминание Пушкина в послании Олизару о том, что поляк является «народным врагом», было в александровскую эпоху проявлением, как это ни странно, оппозиционности.⁶⁰ Человеком, решившимся и своей творческой деятельностью и открытым выступлением противостоять наметившемуся в российской политике курсу на возрождение Польши, был Н. М. Карамзин, в характеристику исторического труда которого — «подвиг честного человека» — Пушкин, несомненно, вкладывал и оценку его позиции по

ры: К 70-летию чл.-корр. РАН В. К. Волкова. М., 2000. С. 186–214.

⁵⁹ См. в письме Пушкина к Е. М. Хитрово от 9 декабря 1830 г. отклик на события в Польше: «Итак, наши исконные враги будут окончательно истреблены, и таким образом ничего из того, что сделал Александр, не останется, так как ничто не основано на действительных интересах России...» (*Акад.* Т. 14. С. 134).

⁶⁰ После 1825 г. находившемуся в эмиграции Н. И. Тургеневу оппозиционность этих настроений уже представлялась очень и очень скромной (см.: *Тургенев Н. И.* Россия и русские / Перевод с фр. и статья С. В. Житомирской; Коммент. А. Р. Курилкина. М., 2001. С. 51).

«польскому вопросу», смело заявленной лично императору. Карамзину была близка идея государственного величия, и он помнил, что только победоносные войны времен Петра I и Екатерины II «обеспечили России возможность стать великой державой».⁶¹

Позиция Карамзина в отношении Польши была твердой, по-настоящему имперской. Он выразил ее в записке, которую прочитал государю 17 октября 1819 г.: «Мы взяли Польшу мечом: вот наше право, коему все государства обязаны бытием своим, ибо все составлены из завоеваний».⁶² Любопытную переключку с этим высказыванием Карамзина мы находим

⁶¹ Шмидт С. О. Н. М. Карамзин и его «История Государства Российского» // Шмидт С. О. Общественное самосознание российского благородного сословия, XVII – первая треть XIX века. М., 2002. С. 164.

⁶² Карамзин Н. М. Неизд. соч. и переписка. СПб., 1862. Ч. 1. С. 5 (напечатано под заглавием «Мнение русского гражданина»). Впервые письмо было опубликовано в 1847 г. в Париже в книге Н. И. Тургенева «Россия и русские» (здесь же, кстати, было помещено и письмо К. О. Поццо ди Борго к Александру I, продиктованное той же тревогой о намерениях царя в отношении Польши). Н. И. Кареев охарактеризовал письмо Карамзина как «начало нашей публицистики по польскому вопросу» (Кареев Н. И. «Падение Польши» в исторической литературе // Журнал Министерства народного просвещения. 1888. № 6. С. 360). О допечатной истории письма см.: Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика и историческое сознание XIX в. М., 1997. С. 183.

у М. С. Лунина, который считал, что после подавления восстания Костюшки территориальные приобретения Пруссии, Австрии и России были узаконены «по праву войны».⁶³ В своем письме Карамзин, возмущенный слухами о возможном восстановлении целостности Польши, писал Александру I: «...восстановление Польши будет падением России, или сыновья наши обогрят свою кровию землю Польскую и снова возьмут штурмом Прагу!»⁶⁴ Письмо Карамзина было с неудовольствием встречено императором. Некоторое время это сильно тревожило историка, который, тем не менее, продолжал в своем историческом труде развивать концепцию российско-польских отношений, которая работала на оправдание территориальных приобретений России в XVIII в.

А. Дворский писал, что Карамзин для Пушкина «являлся не только „летописцем“, но также и политическим писателем. При всех различиях политического

⁶³ Лунин М. С. Письма из Сибири / Изд. подгот. И. А. Желвакова, Н. Я. Эйдельман. М., 1987. С. 122. (Лит. памятники). Ср. мнение о Польше кн. А. М. Горчакова, которое он выразил М. И. Семевскому в 1881–1882 гг.: «Раз борьба покончена мечом, раз история решила эту борьбу в пользу России, — Польша не должна быть отделяема от судеб России» (*Семевский М. Князь Александр Михайлович Горчаков в его рассказах из прошлого // РС. 1883. № 10. С. 163*).

⁶⁴ Карамзин Н. М. Неизд. соч. и переписка. С. 7.

мировоззрения обоих, их объединяла точка зрения на сущность русско-польской исторической драмы». ⁶⁵ В послании Пушкина Олизару, как заметил С. С. Ланда, весьма ощутимо воздействие десятого и одиннадцатого томов «Истории Государства Российского» Карамзина, вышедших в начале 1824 г. ⁶⁶ Именно из карамзинской истории попали в стихотворение Пушкина пиры поляков, празднующих «Кремля позор и (русский) (?) плен». Во время Смуты Москва дважды оказывалась в руках захватчиков. Однако в стихах Пушкина, вероятнее всего, речь идет о событиях Смутного времени, описанных в одиннадцатом томе истории Карамзина, известном поэту к моменту создания послания Олизару. В июне 1605 г. в Москве воцарился Лжедмитрий I, пользовавшийся активной военно-финансовой поддержкой Польши. В 1606 г. самозванец, ставший, по словам Карамзина, «орудием ляхов и папистов», ⁶⁷ был убит восставшими горожанами во

⁶⁵ Дворский А. Пушкин и польская культура. С. 114. О сложностях во взаимоотношениях поэта с Карамзиным см.: Березкина С. В. Из истории полемики Пушкина с Карамзиным: Эпиграмма «От многогочия отрекись добровольно...» // Пушкинский музей. СПб., 2007. Вып. 3/4. С. 209–223.

⁶⁶ Ланда С. С. Мицкевич накануне восстания декабристов. С. 101–105.

⁶⁷ Карамзин Н. М. История Государства Российского. СПб., 1824. Т. 11. С. 229.

время празднеств по случаю его бракосочетания с Мариной Мнишек. В послании Олизару характеристика участия в этих событиях поляков⁶⁸ дана Пушкиным в духе «Истории Государства Российского». В ней были нарисованы яркие картины пребывания в Москве Ажедимитрия и его сподвижников с их бесконечными пирами и празднествами, вопиющей роскошью, бесчинствами в церквях и глумлением над религиозно-бытовыми обычаями русских.⁶⁹

Как Карамзин, так и Пушкин явным образом не мыслили будущее России без «польских провинций», т. е. без украинских, белорусских и литовских земель. Штурм Праги своими страшными подробностями не ронял в глазах двух русских писателей значение победы России над Польшей в 1794 г. Причем Пушкин в осмыслении событий прошлого высказал мысль, несомненно близкую многим его современникам и, в частности, Карамзину, последовательно, без смущения, шаг за шагом освещавшему в своей истории интриги и злодеяния поляков на русской земле в период Смуты. При чтении томов истории, посвященных Смутному времени, это шокировало Александра I, ко-

⁶⁸ У Карамзина они названы «наглыми иноземцами, приехавшими злодействовать в Россию» (Там же. С. 300).

⁶⁹ См.: Там же. С. 223, 224, 234, 246, 249, 261–263, 267–268, 273 и др.

торый просил Карамзина смягчить освещение в «Истории» действий Польши.

Историософский вывод Пушкина был таким: Прага, знаменующая собой «падение Польши», была расплатой за Смуту — за «русский плен», «позор Кремля» и сожженную Москву. Такой подход к осмыслению событий был освящен как историографической, так и поэтической традицией. Уже в первых поэтических откликах на победы Суворова в Польше началось перечисление ее исторических грехов перед Россией. Именно этот подход воодушевлял И. И. Дмитриева, когда он, создавая «Стихи графу Суворову-Рымникскому на случай покорения Варшавы», вспоминал знаменитых россиян, плененных поляками во время Смуты:

Стократ, о узы Филарета,
Звучашие толь многи лета,
Стократ Суворов вас отмстил!
И ты, прах Шуйского священный,
Вкушай, прах царский, днесь покой,
Уже тебя иноплеменный
Не станет попирать ногой.⁷⁰

⁷⁰ Дмитриев И. И. Полн. собр. стихотворений. С. 297. Упомянется патриарх Филарет (Романов), в 1610 г. прибывший в составе русского посольства в Польшу и оставленный там в качестве заложника, а также Василий Иванович Шуйский, русский царь с 1606 по 1610 г., скончавшийся в польском плену в 1612 г.

Красноречивейшее название Дмитриев дал другому своему стихотворению 1795 г., ассоциативно связанному с военными событиями в Польше: «Освобождение Москвы». Таким образом, не Пушкин изобрел идеологему «Покорение Москвы — Покорение Варшавы», призванную поддержать дух нации. В пушкинское время она обладала полновесным, жизнеспособным телом и лишь впоследствии, под напором все более и более осложнявшейся жизни Российской империи, начала хиреть и гаснуть.

* * *

В 1824 г. послание Густаву Олизару было оставлено Пушкиным в рукописи, хотя, по-видимому, поэт намеревался к нему вернуться и доработать. Об этом произведении он вспомнил после воцарения Николая I, отношение которого к Польше — по сравнению с отношением Александра I — в большей степени импонировало Пушкину. Послание Олизару попало в список стихотворений, которые поэт в 1827 г. хотел включить в свое издание. К этому же году относится и новое упоминание Праги в творческих текстах Пушкина. Оно носит косвенный характер и напрямую никогда не связывалось комментаторами с пражской бойней.

В «Отрывках из писем, мыслях и замечаниях» Пушкин высказался по поводу неточностей в изображении России у Байрона. Особо он коснулся позиции

английского поэта в отношении суворовских войн, указав на «важные» ошибки в его отзывах о них. Эти погрешности он связал с газетными и даже, можно сказать, низкопробными источниками сведений о Суворове и его военных действиях, которыми пользовался, по мнению Пушкина, Байрон. В «Отрывках из писем...» Пушкин писал: «Сон Сарданапалов напоминает известную политическую карикатуру, изданную в Варшаве во время суворовских войн» (*Акад.* Т. 11. С. 55). Карикатур на Суворова, которые появились в Европе после его победы в Польше, было много.⁷¹ Какую из них имел в виду Пушкин, неизвестно, но Н. К. Козмин, например, считал, что это была гравюра «Royal recreation» (т. е. царская забава), напечатанная в Лондоне 7 января 1795 г.: на ней изображен Суворов с торчащими из кармана актами капитуляции Варшавы, подносящий Екатерине кучу отрубленных голов польских женщин и детей, ими же наполнены и корзины носильщиков. Императрица на гравюре разговаривает с Суворовым, поглаживая отрубленную женскую голову.⁷² Трудно сказать, каким образом эта карикату-

⁷¹ См.: *Свирида И. И.* Между Петербургом, Варшавой и Вильно: Художник в культурном пространстве. XVIII – середина XIX вв. М., 1999. С. 240; *Свинын П. П.* Американские дневники и письма (1811–1813). М., 2005. С. 301–302.

⁷² См.: *Ровинский Д. А.* Подробный словарь русских гравированных портретов. СПб., 1887. Т. 2. С. 902–903 (№ 522); СПб., 1888.

ра могла вызвать у Пушкина ассоциацию с трагедией Байрона «Сарданапал» (1821) и изображением в ней причудливого, многопланового сна героя, в котором ему являются кровавые пророческие видения из прошлого и будущего; одно из этих сонных видений, где фигурирует могущественная правительница, возвысившаяся через убийство своего мужа, Пушкин, по-видимому, связывал с Екатериной II. Н. К. Козмин полагал, что «сон Сарданапалов» «немного напоминает» лондонскую карикатуру на Суворова и Екатерину,⁷³ хотя это явная натяжка. Воспоминанием о карикатуре Пушкин хотел показать зависимость исторических взглядов Байрона от оценок и источников весьма невысокого качества. При этом, конечно же, Пушкин понимал, что карикатура, как она им описывалась, — это отклик именно на кровавый штурм Праги.

Известно, что из числа, если можно так выразиться, «худителей» Суворова самым талантливым был Байрон. Poleмика с ним Пушкина носила очень осторожный характер. Так, упоминание об измаильских строфах «Дон Жуана» в цикле «Отрывки из писем, мысли и замечания» имеет сложный подтекст. Упомянув об «ошибках» Байрона, Пушкин затем дает не лишен-

Т. 3. С. 2012 (№ 199). См. также: Козлов С. В. Суворов в его изображении. СПб., 1899. С. 30.

⁷³ См.: АН 1900–29. Т. 9, кн. 2. С. 94.

ную иронию картину вступления Суворова в поверженный город: «Измаил взят был зимою, в жестокий мороз. На улицах неприятельские трупы прикрыты были снегом, и победитель ехал по ним, удивляясь опрятности города: „Помилуй Бог, как чисто!..“» (Акад. Т. 11. С. 55). Суворов, надо признаться, предстает здесь в малопривлекательном виде. Его личность не была однозначной, и поэтому Пушкин, говоря об ошибках Байрона в описании исторических реалий, не вступил с ним в прямую полемику. Яркие художественные построения Байрона могли быть поколеблены лишь посредством исторических фактов, и такого рода попытки предпринимались уже в пушкинское время. Так, Павел Муханов предпослал своей публикации плана пражского штурма эпиграф из «Дон Жуана» Байрона с уничижительной характеристикой Суворова. Причем в самом тексте Муханов к байроновскому высказыванию возвращаться не стал, полагая, что представленный им документ сам собою перевешивает художественное слово.

* * *

Новые упоминания о штурме Праги в творческих текстах Пушкина пришлось на 1831 г. Победа в этом году над польскими повстанцами вызвала к жизни два пушкинских стихотворения — «Клеветникам Рос-

сии» и «Бородинская годовщина».⁷⁴ Создавались они под впечатлением эмоционального подъема, рожденного победой русских войск. Стихи Пушкина насыщены одическими реминисценциями, образными параллелями и ассоциациями из истории русско-польских отношений. Тот же подход обнаруживается и в создававшихся в унисон с пушкинскими произведениями стихах В. А. Жуковского на победу в Польше. В стихотворении «Русская слава» (1831) Жуковский закончил перечисление военных побед Екатерины упоминанием Праги, дав штурму 1794 г. уже знакомое нам историософское осмысление:

Рымник, Чесма, Кагульский бой,
Орлы во граде Леонида,
Возобновленная Таврида,
День Измаила роковой,
И в Праге, кровью залитой,
Москвы отмщенная обида.⁷⁵

Любопытно, что первоначально строфа заканчивалась другими стихами: «И брань с природою самой /

⁷⁴ Третье стихотворение цикла («Перед гробницею святою...», 1831) было написано несколько ранее как отклик на первоначальные неудачи русских войск в Польше.

⁷⁵ Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2000. Т. 2: Стихотворения 1815–1852 гг. С. 285; комментарий исторических реалий процитированного текста см. на с. 671–672.

На Альпах русского Алкида».⁷⁶ Появление в окончательном тексте Праги с упоминанием «отомщенной обиды» за Москву могло быть результатом того, по словам П. В. Анненкова, «долгого обмена мыслей», который происходил между Пушкиным и Жуковским царскосельской осенью 1831 г.⁷⁷ При этом восприятие русским читателем стихов Пушкина и Жуковского, вышедших из печати осенью 1831 г., было многократно усилено знакомством со статьей Ф. Смитта о штурме Праги, печатавшейся на страницах «Сына отечества» в феврале того же года. В статье Смитта впервые в русской печати подробно рассказывалось об этом событии.

Самым эмоциональным откликом Пушкина на события в Польше 1831 г. стало стихотворение «Клеветникам России». Сложный комплекс проблем, затронутый в нем Пушкиным, неоднократно освещался в научной литературе.⁷⁸ Хотелось бы отметить лишь

⁷⁶ Там же. С. 672.

⁷⁷ См.: Анненков П. В. Общественные идеалы А. С. Пушкина: (Из последних лет жизни поэта) // Вестник Европы. 1880. № 6. С. 617. Об одной из сторон общения Пушкина и Жуковского осенью 1831 г. см.: Жуковский В. А. Полн. собр. соч.: В 20 т. М., 2009. Т. 4: Стихотворные повести и сказки. С. 446–462 (примеч. С. В. Березкиной).

⁷⁸ См.: Венг. Т. 6. С. 409–412 (примеч. Н. О. Лернера); *Lednicki W. Aleksander Puszkina. Krakow, 1926. S. 36–161; Беляев М. Д.* Поль-

некоторые, менее изученные, стороны проблематики произведения. Стихотворение писалось как отклик на высказывания французских парламентариев, давших резко негативную, с элементами угрозы, оценку военных действий России в Польше. В стихотворении Пушкин выразил возмущение тем, что вопрос о Польше рассматривался европейскими политиками без учета долгого исторического пути, который был пройден двумя противоборствующими державами. В европейской печати исторической ретроспективы в оценке положения Польши не было! И надо сказать, что это обстоятельство на протяжении всего XIX в. уязвляло сердца русских авторов, писавших о «польском вопросе», причем даже тех из них, кто был, что называется, «своим» для либерального лагеря. Об этом очень хорошо писал Н. И. Кареев в своем обзоре исторический штудий о Польше и России конца XVIII–XIX вв.⁷⁹ Поэту можно смело сказать, что в 1831 г. Пушкин очень точно выразил чувство русского человека при встрече

ское восстание по письмам Пушкина к Е. М. Хитрово // Пушкин А. С. Письма к Е. М. Хитрово. 1827–1832. Л., 1927. С. 257–300; Фризман Л. Г. Пушкин и польское восстание 1830–1831 гг. // Вопросы литературы. 1992. № 3. С. 209–237; Муравьева О. С. «Вражды бессмысленный позор...»: Ода «Клеветникам России» в оценках современников // Новый мир. 1994. № 6. С. 198–204.

⁷⁹ См.: Кареев Н. И. «Падение Польши» в исторической литературе. С. 352–353.

с европейским подходом к вопросу об историческом столкновении двух держав:

Оставьте нас: вы не читали
Сии кровавые скрижали;
Вам непонятна, вам чужда
Сия семейная вражда;
Для вас безмолвны Кремль и Прага...

(Акад. Т. 3. С. 269)

Эти мысли были развиты в следующем стихотворении Пушкина на тему русских побед 1831 г. Он писал в «Бородинской годовщине»:

В боренье падший невредим;
Врагов мы в прахе не топтали;
Мы не напомним ныне им
Того, что старые скрижали
Хранят в преданиях немых;
Мы не сожжем Варшавы их...

(Акад. Т. 3. С. 274)

В этих строках явственно слышен отзвук «Истории Государства Российского» Карамзина. В двенадцатом, вышедшем в 1826 г., томе содержался яркий рассказ о сожжении Москвы в 1611 г. поляками, затворившись от пожара в Кремле. Захватчики подожгли город, чтобы предотвратить вооруженное выступление московских жителей. Пожар, кстати пришедшийся, как

и начало варшавского восстания в 1794 г., на Страстную неделю, уничтожил всю Москву, и жители ее толпами устремились в окрестные города и села. По сообщению Карамзина, поляки с кремлевских стен высматривали сохранившиеся от пожара уголки Москвы и потом делали вылазки, поджигая оставшиеся строения... Православное пасхальное богослужение проходило за кремлевскими стенами, вокруг которых простирались обугленные равнины. Вероятнее всего, этот исторический эпизод и имел в виду Пушкин, когда писал: «Мы не сожжем Варшавы их: / Они народной Немезиды / Не узрят гневного лица...»⁸⁰

⁸⁰ Приходится думать именно так, поскольку в стихотворении Пушкина говорится о «старых скрижалях». Впрочем, для многих современников Пушкина, помнивших 1812 г., у этих стихов мог быть и иной подтекст: «...справедливость требует сказать, — писал М. А. Дмитриев, — что (...) все другие, бывшие в плену и с кем только мне случалось разговаривать об этом времени, все обвиняли и в жестоком обращении, и в грабеже церковей более поляков, а не французов. О французах говорили вообще, что они народ добрый и только по необходимости отнимали хлеб и платье; а о поляках, что они грабили что попало и сверх того надругались и над русскими людьми, и над русской святыней. (...) Кроме того, французы того времени, большею частью родившиеся во время революции (...) были только равнодушны к религии, я думаю, и к своей, и к нашей, а в поляках действовал тогда, как и ныне, тот фанатизм, который составляет особенную черту католицизма; они, конечно, считали нас не только еретиками, но даже и не христианами!»

Неслучайно в связи с откликами на стихи Пушкина и Жуковского на победу русских в 1831 г. всплывают имена Дмитриева и Карамзина. Восхищенный произведением Жуковского Дмитриев написал ему стихи, тот дал ответ на них, после чего Дмитриев адресовал ему еще одно послание.⁸¹ В ответе Жуковского «К Ив. Ив. Дмитриеву» (1831) прозвучали прочувственные строки о Карамзине (самая известная из них: «Святое имя: *Карамзин*»)⁸² В комментариях к этим строкам обычно говорится лишь об истории отношений Жуковского с Карамзиным и Дмитриевым. Однако в этом послании присутствует, помимо личных и литературных отношений, еще и сложная общественно-историческая проблематика: Жуковский вспомнил о Карамзине потому, что в своих стихах на победу 1831 г. он выступил как выразитель взглядов историка на отношение России к Польше.

(Дмитриев М. А. Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998. С. 86. (Россия в мемуарах)).

⁸¹ См.: Березкина С. В. «Святое имя: Карамзин» в послании В. А. Жуковского «К Ив. Ив. Дмитриеву» (1831) // Жуковский и время. Томск, 2007. С. 41–48.

⁸² Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 2. С. 287. О высказываниях Жуковского, варьирующего самые возвышенные оценки Карамзина (символ «доброто и лучшего», «мой евангелист», «ангел» и пр.), см.: Кочеткова Н. Д. Жуковский и Карамзин // Жуковский и русская культура. Л., 1987. С. 209–215.

Стихи Пушкина 1831 г. очень воинственны и насыщены угрозами в адрес и «клеветников России», и польских повстанцев. Известно, что стихотворения Жуковского и Пушкина вызвали негодующую реакцию ряда современников, среди которых первым следует назвать П. А. Вяземского. Примечательно, что исторические воспоминания и параллели не обладали для него той степенью живости, как для Пушкина. Еще в 1829 г. Вяземский записал в своем дневнике: «Живя в Польше, не ржавел я в запоздалых воспоминаниях о поляках в Кремле и русских в Праге, а был посреди соплеменных современников с умом и душою, открытыми к впечатлениям настоящей эпохи».⁸³ О непонятном для него стихе «Мы не сожжем Варшавы их» Вяземский сделал в 1831 г. следующее высказывание: «Смешно, когда Пушкин хвастается, что *мы не сожжем Варшавы их*. И вестимо, потому что после нам пришлось же бы застроить ее».⁸⁴ Вяземский считал, что в 1830–1831 гг. огромная Россия воевала с горсткой восставших и поэтому значение победы ее ничтожно (так же думал, кстати, и Н. И. Тургенев).⁸⁵ Действительно, пафос поэтических выступлений Пушкина покажется и излишним, и непонятым, если смотреть на действия российских

⁸³ Вяземский П. А. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 89–90.

⁸⁴ Там же. Т. 9. С. 21.

⁸⁵ Тургенев Н. И. Россия и русские. С. 356–357.

войск в 1830–1831 гг. под этим углом зрения. Но был здесь и иной аспект, более близкий Пушкину. Пресловутый «польский вопрос» всегда упирался в вопрос об Украине, Белоруссии, Литве. Даже в мечтаниях поляков XIX в. Польша в современном ее территориальном объеме — с Силезией и Поморьем взамен Украины, Белоруссии и Литвы — не существовала! Следует здесь учесть и еще одно обстоятельство, без которого многое в полемических — по отношению к пушкинским стихам — высказываниях современников не может быть правильно понято. В статье «Белорусская этнография», появившейся на страницах «Вестника Европы» в 1887 г., А. Н. Пыпин показал, что в конце XVIII – самом начале XIX в. русское общество отличалось поразительным невежеством относительно этнографического состава отторгнутых у Польши территорий. Если оценивать состав населения, глядя на горожан и владельцев сельских усадеб, то оно было почти сплошь польским. О существовании огромного народа, работающего на польских панов, говорящего на близком русскому наречии и молящегося в православных церквях, в России знали немногие. «Диссидентский вопрос», который в канун первого раздела был поднят Екатериной II для защиты православных в Польше, не встречал со стороны русской аристократии сочувствия не в последнюю очередь потому, что речь шла о низовой, темной, необразованной части населения Польши.

Работа Пыпина была продолжена В. А. Францевым, который подобрал любопытные примеры представлений современников Пушкина об этнографической карте славянских племен.⁸⁶ Обобщая познания и настроения россиян, М. П. Погодин с горечью характеризовал их словами: «Польша начинается за Смоленском».⁸⁷ Прошли долгие десятилетия, прежде чем русское образованное общество научилось видеть народ и думать о его нуждах. В результате общих усилий по разработке «польского вопроса» к концу XIX в. даже либералу, каким был Б. Н. Чичерин, резко критиковавший политику России в Польше, стало ясно, что «ни один русский, как бы он ни желал воздать справедливость полякам, не согласится отдать им край, издревле русский и населенный русским племенем».⁸⁸ В пушкинское же время по-

⁸⁶ Оценку статьи Францева см.: Черниговский Д. Н. История изучения политической биографии А. С. Пушкина в литературоведении СССР и русского зарубежья в 1920–30-е годы. Киров, 2008. С. 113–114.

⁸⁷ Цит. по: Францев В. А. Пушкин и польское восстание 1830–1831 г.: Опыт исторического комментарий к стихотворениям «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина» // Пушкинский сборник / Рус. ин-т в Праге. Прага, 1929. С. 192. См. об этом также: На путях становления украинских и белорусских наций: Факторы, механизмы, соотнесения. М., 2004. С. 137–138.

⁸⁸ Китаев В. А. Борис Чичерин: взгляд на польский вопрос в конце XIX в. // Освободительное движение в России. Саратов, 2000. Вып. 18. С. 85 (письмо Чичерина к М. Э. Здзеховскому, 1899).

добный подход едва намечался, и поэтому П. А. Вяземскому, А. И. Тургеневу, Д. А. Фикельмон «легко» давалось разрешение «польского вопроса».

Конечно же, и для Карамзина, и для Жуковского, и для Пушкина «польский вопрос» не имел той демократической подкладки, которую в России он приобрел только к 1860-м гг. Для них разделы Польши — это прежде всего возвращение России исконно русских территорий. Именно поэтому, говоря о разгроме восставшей Польши и угрожая ей «стальной щетиной» русских штыков, Пушкин начинает в страстном поэтическом пассаже обсуждение сложнейшего вопроса о территориальных претензиях поляков к России:

Куда отдвинем строй твердынь?
За Буг, до Ворсклы, до Лимана?
За кем останется Вольнь?
За кем наследие Богдана?
Признав мятежные права,
От нас отторгнется ль Литва?
Наш Киев дряхлый, златоглавый,
Сей пращур русских городов,
Сроднит ли с буйною Варшавой
Святыню всех своих гробов?

(Акад. Т. 3. С. 274–275)

Сам стиль взволнованных вопрошений Пушкина, постепенно отодвигавшего предполагаемую границу Польши все дальше и дальше в глубь России (начинает-

ся строфа от Буга, на котором находится Брест, и заканчивается Киевом), говорит о сложности «польского вопроса». ⁸⁹ В 1819 г. Карамзин с предельной отвагой вопрошал Александра I о его намерениях в отношении земель, принадлежавших Польше до ее разделов: «...и по *старым крепостям* Белоруссия, Вольния, Подолия, вместе с Галициею, были некогда коренным достоянием России. Если вы отдадите их, то у Вас потребуют и Киева, и Чернигова, и Смоленска: ибо они также долго принадлежали враждебной Литве». ⁹⁰ Впоследствии с территориальной, так сказать, стороны «польского вопроса» мучилась русская мысль, которая к концу XIX – началу XX в. практически повсеместно и устами не только либералов заговорила о необходимости признания независимости Польши, но в границах Царства Польского (т. е. без Украины, Белоруссии, Литвы) и без вреда для международного престижа России. «...соглашаясь на восстановление Польши в ее этнографических границах, — писал в 1937 г. П. Н. Милюков, — (...) ни Александр с декабристами, ни Николай со сторонниками пушкинской постановки не могли согласиться на возвращение в ее

⁸⁹ О крайне неудачных попытках проведения границы между Россией и независимой Польшей в проектах, связанных с историей декабристских обществ, см.: Францев В. А. Пушкин и польское восстание 1830–1831 г. С. 194–195.

⁹⁰ Карамзин Н. М. Неизд. соч. и переписка. С. 6.

состав границ до 1772 г., т. е. до начала польских разделов, а для поляков это было обязательное условие примирения. И Пушкин в „Бородинской годовщине“ формулировал русскую точку зрения с полной определенностью». ⁹¹ По мнению С. Л. Франка, выраженному в том же 1937 г., «фундаментом политического мировоззрения Пушкина» было «национально-патриотическое умонастроение, оформленное как государственное сознание». ⁹²

Стихи о победе над поляками в 1831 г. представляют высшую точку в становлении имперского сознания поэта. Решение Пушкиным «польского вопроса» обнаруживало его глубинные связи с историческим мышлением XVIII в. ⁹³ Хотя, конечно же, в его позднейших воззрениях появились предвестники новых подходов к оценке территориальных приобретений и завоеваний России, которые, вполне возможно, сказались бы впо-

⁹¹ Милюков П. Н. Живой Пушкин (1837–1937): Ист.-биограф. очерк / Сост., подгот. текста и примеч. М. Д. Филина. М., 1997. С. 210–211.

⁹² Франк С. Л. Пушкин как политический мыслитель // Пушкин в русской философской критике. С. 400.

⁹³ Как пишет Е. Н. Марасинова, «относительно устойчивые, тяготеющие к консерватизму, наиболее глубокие пласты сознания господствующего сословия были генетически связаны с предшествующими этапами его развития» (Марасинова Е. Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века. С. 61).

следствии, проживи поэт дольше, и на его отношении к Польше. После путешествия в Арзрум в 1829 г. Пушкин встал перед трудным вопросом о судьбах воинственных кавказских народов. Сложную позицию, отразившуюся в его путевых записках, можно сравнить с восторгами по поводу усмирения Кавказа, выраженными ранее в эпилоге поэмы «Кавказский пленник» (1821). Всмотревшись же в 1829 г. в жизнь черкесов более пристально, Пушкин задумался над той ненавистью, которую они питают к русским, и с надеждой обратил взоры к миссионерам, способным, как он полагал, изменить характер воинственного горца (см. главу первую «Путешествия в Арзрум»).

Впрочем, не все в воззрениях Пушкина на Польшу было обусловлено свойственной XVIII веку ясностью в представлениях о нуждах империи. В них было кое-что и для отдаленного будущего — то, что сквозь поношение, понесенное Россией за Польшу, перекидывало мост в века грядущие: это исторические судьбы белорусских, украинских и литовских земель. Действительно, процент польского населения на этих землях в момент их присоединения к России был очень и очень значительным. Это сильно смущало современников событий, выражавших недоумение по поводу присоединения польских территорий к России. Перед цивилизаторским и весьма устойчивым в культурном отношении польским элементом коренные славянские

народы обнаруживали большую слабость. По мнению современных российских историков, ниша для благоприятного культурного развития украинского и белорусского народов была создана Российской империей.⁹⁴ Поэтому оценка «понимания Пушкиным польской проблемы» как «поверхностного» и «одностороннего, к тому же лежащего вне «мышления, свойственного гражданскому обществу», является, по меньшей мере, антиисторичной.⁹⁵ В страстной защите Пушкиным завоеваний России был аспект, позволяющий с сочувствием отнестись к его воззрениям на российские территориальные приобретения XVIII в.⁹⁶

Особо стоит сказать об идее «исторической кары», которую усматривал в кровавом штурме Праги Пуш-

⁹⁴ См.: *Горизонтов А. Е.* Исторические пути и перепутья восточных славян глазами российских ученых // На путях становления украинских и белорусских наций: Факторы, механизмы, соотношения. М., 2004. С. 15–16.

⁹⁵ *Липатов А. В.* Пушкин и Мицкевич: Два типа национальной проекции европеизма. С. 116.

⁹⁶ Э. Ожешко, с большой симпатией относившаяся к белорусским крестьянам, видела в восприятии ими Польского восстания 1863 г. отражение этнической отчужденности, имевшей глубокие исторические корни: «Они закрывались от нас из-за разницы в вере и языке, из-за ошибок наших предков, к сожалению, к сожалению!» (цит. по: *Мусиенко С. Ф.* Белорусские мотивы в творчестве Элизы Ожешко // *Studia Polonorossica: К 80-летию Е. З. Цыбенко.* М., 2003. С. 206).

кин. Вообще мысль об историческом возмездии, безусловно в пражском кровопролитии, была чрезвычайно живучей в литературе о Польше. В жизни польского народа, на разных ее этапах, усматривали идею возмездия авторы не только русские, в особенности, кстати, славянофилы, но и польские. Рассуждения об историческом грехе фокусировались в точке, где предполагалась причина слабости Польского государства, ставшего объектом разделов со стороны таких сильных в военном отношении держав, как Пруссия, Австрия и Россия. Едва ли стоит останавливаться на отдельных страницах сочинений российских, западноевропейских, польских авторов, тем более что в обзоре Н. И. Кареева им дана подробная и глубокая характеристика.⁹⁷ Следует лишь отметить, что именно на примере оценок польской катастрофы XVIII в. становится ясна слабость историософских подходов во взгляде на те или иные события. Главный их недостаток коренится в изменчивости перспективы. Меняется точка зрения на события, и один грех «застит» собою другой... То, что казалось самоочевидно «старшим»

⁹⁷ См., например, обзор работ польских публицистов XVIII в. о причинах упадка Речи Посполитой в первой части его статьи: Журнал Министерства народного просвещения. 1888. № 1. С. 26–53. Публикация работы Кареева, содержащей интереснейшие сведения из истории осмысления российско-польских отношений, продолжалась в журнале на протяжении всего 1888 г.

славянофилам, писавшим под надежным крылом русского самодержавия, приобрело иной вид по прошествии грозного XX века. И с точки зрения нынешних исторических реалий, особое значение в деяниях Екатерины II, приуготовившей «уничтоженной Польше» жизнь в пределах Российской империи, имеет то, что в пушкинское время не могло быть оценено по достоинству даже в качестве зачатка будущего, — это самостоятельная государственная жизнь Белоруссии, Украины, Литвы. Конечно же, для государственных воззрений Пушкина и это было совершенно неприемлемым, но, защищая территориальную целостность империи николаевского времени, он, помимо своей воли, защищал именно эту историческую перспективу.

Заключение

Политическое мировоззрение представляет собой один из главных факторов творческой эволюции поэта. Проблема «Пушкин и декабристы» в научной литературе советского времени решалась с преувеличением законченности тех сторон мировоззрения Пушкина, которые соприкасались с декабристской идеологией. В 1990-е гг. началось отступление от позиций научного пушкиноведения, на наш взгляд, не вполне оправданное. Для Пушкина круг идей, исповедуемых членами тайных обществ, был интересен, а кроме того, он импонировал его жизненным целям. В оппозиционных настроениях Пушкина до декабря 1825 г. не было той цельности, которая характеризовала позицию видных представителей заговорщицкого движения. В восприятии поэтом их дела примешивались отношения, связанные как с притяжением, так и отталкиванием личностного свойства. Именно поэтому, с нашей точки зрения, разработка проблемы «Пушкин и декабристы» не должна строиться как поступательная линия, отражающая формирование оппозиционно-заговорщицких настроений поэта. Ли-

ния была, скорее, прерывистой, и отражала она сложные взаимоотношения внутри декабристского движения, которое, как это признано современной исторической наукой, захватывало не только членов тайных обществ. Это положение мы проиллюстрировали в работе на примере ряда стихотворений Пушкина, посвященных важным общественно-политическим темам. В этом же ряду рассмотрена нами творческая история «Пророка», одного из самых значительных программных выступлений Пушкина. Первая редакция стихотворения тематически была связана с разгромом тайных обществ, вторая редакция появилась в период, когда произошли решительные изменения в отношении Пушкина к монарху и правительственной деятельности по реформированию России.

Проблема религиозности Пушкина имела отношение к его оппозиционным настроениям, что, в частности, проявилось в его вольнодумно-кощунственных поэтических обращениях к деятелям тайных обществ. В биографии автора такого произведения, как «Гавриилиада», проблема развития религиозных идей не может не быть чрезвычайно сложной. О позитивном опыте в этой области можно порой лишь догадываться, опираясь на немногочисленные следы религиозной рефлексии в стихах Пушкина, написанных до перелома в его умонастроениях в 1829–1830 гг. Проблема религиозности любого человека неразрывно связана с во-

просом о личных взаимоотношениях в ближайшем его окружении, в особенности семейном. Рассмотрение религиозной рефлексии на фоне развития внутрисемейных отношений, предпринятое в нашей работе, демонстрирует возможности новых подходов к решению религиозной проблематики в творчестве Пушкина.

То, что декабрь 1825 г. не был переломным рубежом, определившим начало нового периода в идейном развитии Пушкина, показывает единство подходов поэта к идее империи. В «эпоху тайных обществ» недовольство полонофильскими настроениями и действиями Александра I было основой для единодушия Пушкина в этом вопросе с представителями декабристского лагеря. У Николая I Пушкин увидел близкое его убеждениям воззрение на место Польши в Российской империи. Сходным образом поэт оценил и его решимость в объявлении войны Турции, которой русское общество, в особенности члены тайных обществ, тщетно ожидало от Александра I с 1821 г.

Сочувствие начинаниям Николая I, а также ощущение своей причастности к элите русского общества сделало возможным для Пушкина возвращение на государственную службу в 1831 г. Вместе с тем этот шаг отражал сложный спектр побуждений, связывавшихся в сознании русского дворянина со службой государю, в том числе зависимость поэта от поведенческих стандартов и норм. Для изучения биографии Пушкина

на огромное значение имеет коллективная идентичность, обусловленная социально-психологическими характеристиками дворянского сословия. Для Пушкина, как оказалось, было значимым отношение к чину как к одной из возможностей социальной реализации своей личности. Несомненно, имея перед собой идеал независимого художника, Пушкин не нашел опоры для его осуществления в своей жизни. Положение уволенного со службы чиновника (это произошло в 1824 г., в канун михайловской ссылки), по-видимому, предполагало какую-то реабилитацию, поскольку в своей среде поэт не желал нести бремя деклассированной отчужденности. На наш взгляд, при поступлении на службу в 1831 г. его целью было получение законной отставки, которая предала бы забвению указ об увольнении как своего рода «волчий билет» для жизненных условий того времени. Течение служебной жизни оказалось для Пушкина более тягостным, чем он этого ожидал. Близость к царю, проводником политики которого был начальник III Отделения А. Х. Бенкендорф, придала службе Пушкина вид ловушки, поскольку к нему были применены сложные формы официально-идеологической регуляции поведения.

Пятилетний срок службы был недостаточным для написания «Истории Петра I». Историографические занятия, которые осуществлялись Пушкиным в связи с этой работой, дали материал для других его творче-

ских замыслов. Вот перечень тех произведений, которые, по-видимому, не могли бы появиться на свет без поступления Пушкина в 1831 г. на службу в роли историографа, причем, называя их, мы учитываем плоды не только архивно-библиофильских чтений, но и сопутствующих им впечатлений и размышлений автора: «(Езерский)» (1832–1833), «История Пугачева» (1833), «Медный всадник» (1833), «Капитанская дочка» (1833–1836), стихотворение «Пир Петра Первого» (1835), статья «Вольтер» (1836) и др. Этот перечень включает высшие художественные достижения пушкинского гения, отличающиеся зрелостью его философско-исторических воззрений.

К началу 1837 г. историографическая концепция Пушкина, по-видимому, сложилась, и он решил положить конец своей службе. В 1870 г. М. И. Семевский писал со слов А. Н. Вульфа: «Перед дуэлью Пушкин не искал смерти; напротив, надеясь застрелить Дантеса, поэт располагал поплатиться за это лишь новой ссылкой в село Михайловское, куда возьмет и жену, и там-то на свободе предполагал заняться составлением истории Петра Великого».¹ О тех же надеждах Пушкина на высылку его из Петербурга идет речь и в записи Семевского 1880 г., сделанной со слов того же Вульфа: «А с Евпр(аксией) Никол(аевной Вревской)

¹ Семевский 2008. С. 228.

собирался ехать в деревню, он рассчитыв(ал), что убьет Дантеса и вышлют его».² В 1842 г., размышляя о смерти Пушкина, Вульф счел ее причиной «ошибочный расчет».³ Следует отметить, что в случае высылки поэта из Петербурга как «убийцы Дантеса» он вновь оказался бы в роли уволенного со службы чиновника (на этот раз по суду). Однако разочарования, связанные с положением чиновника на государственной службе и камер-юнкера на придворной, были, по-видимому, настолько сильны, что это перестало пугать Пушкина.

История последней дуэли поэта — это одна из самых таинственных страниц в его жизни. На наш взгляд, биографические исследования в области пушкиноведения представляют перспективнейшее направление для дальнейшей работы. Летописная наполненность трудов, связанных с биографией Пушкина, дает лишь видимость ее исчерпанности. В действительности, научная биография поэта требует дальнейших усилий по ее разработке. Конечной целью ее является выработка всесторонних представлений о личности поэта и его жизненном пути.

² Там же. С. 264. В январе 1837 г. Пушкин встречался с бар. Е. Н. Вревской, рожд. Осиповой, в Петербурге и рассказывал ей о предстоящей дуэли с Дантесом.

³ *П. в восп.* 1985. Т. 1. С. 456.

Условные сокращения

Акад. — Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М.; Л., 1937–1949. Т. 1–16; 1959. [Т. 17]. Справочный том: Дополнения и исправления; Указатели.

Акад. в 10 т. (1) — Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. М.; Л., 1950–1951.

Акад. в 10 т. (2) — Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. 2-е изд. М.; Л., 1956–1958.

Асад. в 9 т. — Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 9 т. / Под общ. ред. Ю. Г. Оксмана и М. А. Цявловского. М.; Л.: Academia, 1935–1938 (1935. Т. 1–6; 1936. Т. 8; 1937. Т. 9; 1938. Т. 7).

Асад. в 6 т. — Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 6 т. / Под общ. ред. М. А. Цявловского. М.; Л.: Academia, 1936. Т. 1–5; М.: ГИХЛ, 1938. Т. 6.

АН 1900–29 — Пушкин. Сочинения. СПб.; Л. 1900–1929. Т. 1–4, 9, 11 (СПб.; Пг.: Изд. Импер. Акад. наук, 1900. Т. 1 (2-е изд.); 1905. Т. 2; 1912. Т. 3; 1914. Т. 11; 1916. Т. 4; Л.: Изд-во АН СССР, 1928. Т. 9, кн. 1; 1929. Т. 9, кн. 2).

Анн. — Пушкин А. С. Сочинения / Изд. П. В. Анненкова. СПб., 1855–1857. Т. 1–7 (1855. Т. 1–6; 1857. Т. 7).

Бартенев 1992 — Бартенев П. И. О Пушкине: Страницы жизни поэта; Воспоминания современников / Сост., вступ. ст. и примеч. А. М. Гордина. М., 1992.

Библиотека П. — Модзалевский Б. Л. Библиотека Пушкина: Библиогр. описание. СПб., 1910. (Пушкин и его современники: Материалы и исследования. СПб., 1910. Вып. 9–10. Отд. отт.). Репр. изд.: М.: Книга, 1988.

Брюс. — Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 3 т. и 6 ч. / Ред., вступ. ст. и коммент. В. Брюсова. М.: ГИЗ, 1919. Т. 1, ч. 1.

Венг. — Пушкин А. С. [Собр. соч.] / Под ред. С. А. Венгерова. СПб.; Пг., 1907–1915. Т. 1–6.

Видок Фиглярин — Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III Отделение / Изд. подгот. А. И. Рейтблат. М., 1998.

Врем. ПК — Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1963–1966. [Вып. 1–2]; Л., 1967–1985. [Вып. 3–19]; Л. (СПб.), 1986–2007. Вып. 20–30.

Генн. 1869–1871 — Пушкин А. С. Полн. собр. соч. / Под ред. Г. Н. Геннади. СПб.: Изд. Я. А. Исакова, 1869–1871 (1869. Т. 1; 1870. Т. 2–4; 1871. Т. 5–6).

ГИХЛ 1931 — Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 6 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1931–1933 (1931. Т. 1–3; 1932. Т. 4; 1933. Т. 5, кн. 1–2).

ГИХЛ 1934 — Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 6 т. 2-е изд. М.; Л.: ГИХЛ, 1934.

ГИХЛ 1935 — Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 6 т. 3-е изд. М.; Л.: ГИХЛ, 1935.

ГИХЛ 1936 — Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 6 т. 4-е изд. М.; Л.: ГИХЛ, 1936.

ГИХЛ 1937 — Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 6 т. 5-е изд. М.; Л.: ГИХЛ, 1937–1947 (1937. Т. 1, 3; 1938. Т. 2; 1940. Т. 4; 1946. Т. 6; 1947. Т. 5).

Госл. в 10 т. — Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М.: Гослитиздат, 1959–1962.

Данилов — Данилов В. В. Документальные материалы об А. С. Пушкине: Крат. описание // Бюллетени Рукописного отдела Пушкинского Дома. М.; Л., 1956. Вып. 6. С. 27–96.

Дела III Отделения — Дела III Отделения собственной Е. И. В. канцелярии об А. С. Пушкине / Предисл. С. С. Сухонина. СПб., 1906.

Документы к биографии — А. С. Пушкин: Документы к биографии. [Т. 1]: 1799–1829 / Вступ. ст., сост. В. П. Старка; Подгот. текста С. В. Березкиной, И. В. Васильевой, А. В. Дубровского, Т. И. Краснобородько, В. П. Старка; Примеч. С. В. Березкиной, В. П. Старка (1799–1810), С. В. Березкиной (1811–1829). СПб.: Искусство–СПб, 2007.

Ефр. 1880 — Пушкин А. С. Сочинения / Под ред. П. А. Ефремова. СПб., 1878–1881 (1880–1881. Т. 1–5; 1878. Т. 6).

Ефр. 1882 — Пушкин А. С. Сочинения / Под ред. П. А. Ефремова. М., 1882. Т. 1–7.

Ефр. 1887 — Пушкин А. С. Полн. собр. соч. / Под ред. П. А. Ефремова. СПб., 1887. Т. 1–7.

Ефр. 1903–05 — Пушкин А. С. Сочинения / Под ред. П. А. Ефремова. СПб., 1903–1905. Т. 1–8.

КН — Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 6 т. М.; Л., 1930–1931. (Прил. к журн. «Красная нива» на 1930 г.).

Лернер. Рассказы — Лернер Н. О. Рассказы о Пушкине. Л., 1929.

Лет. ГЛМ — Летописи Гос. Литературного музея / Ред. В. Д. Бонч-Бруевича. М., 1936. Кн. 1: Пушкин / Ред. М. А. Цявловского; 1938. Кн. 3: Декабристы / Ред. Н. П. Чулкова; 1939. Кн. 5: Архив Опеки Пушкина / Ред. и коммент. П. С. Попова.

Летопись 1951 — Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. М., 1951. Т. 1: 1799–1826.

Летопись 1991 — Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. 2-е изд., испр. и доп. Л., 1991. [Т. 1]: 1799–1826.

Летопись 1999 — Летопись жизни и творчества Александра Пушкина: В 4 т. / РАН. Пушкинская ко-

мис. Изд. подгот. под руководством Н. А. Тарховой; сост. М. А. Цявловский (1799 — сент. 1826), Н. А. Тархова (сент. 1826 — 1837); отв. ред. (т. 2–4 науч. ред.) Я. Л. Левкович. М., 1999; Т. 5: Справочный / Сост. Н. А. Тархова. М., 2005.

Лит. архив — Литературный архив: Материалы по истории литературы и обществ. движения. М.; Л., 1938. Т. 1; 1951. Т. 3.

ЛН — Литературное наследство.

Мор. 1887 — Пушкин А. С. Сочинения / Под ред., с примеч. П. О. Морозова. СПб., 1887. Т. 1–7.

Мор. 1903–06 — Пушкин А. С. Соч. и письма / Под ред. П. О. Морозова. СПб., 1903–1906. Т. 1–8.

ОА — Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899–1913. Т. 1–4 / Под ред., с примеч. В. И. Саитова; 1909–1913. Т. 5 / Под ред., с примеч. П. Н. Шеффера.

П. в восп. 1974 — А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. / Вступ. ст. В. Э. Вацуро; Подгот. текста, сост., примеч. В. Э. Вацуро, М. И. Гиллельсона, Р. В. Иезуитовой, Я. Л. Левкович и др. М., 1974. (Сер. лит. мемуаров).

П. в восп. 1985 — А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. / Сост., подгот. текста и коммент. В. Э. Вацуро, М. И. Гиллельсона, Р. В. Иезуитовой, Я. Л. Левкович и др. 2-е изд., испр. и доп. М., 1985. (Сер. лит. мемуаров).

П. в критике, I — Пушкин в прижизненной критике: 1820–1827 / Под ред. В. Э. Вацуро и С. А. Фомичева; Подгот. текста, коммент. В. Э. Вацуро, Е. А. Вилька, Е. А. Губко, С. В. Денисенко, О. Н. Золотовой, Г. М. Ивановой, Т. Е. Киселевой, Е. О. Ларионовой, Е. В. Лудиловой, Т. М. Михайловой, Г. Е. Потаповой, А. И. Роговой, С. Б. Федотовой, А. В. Шароновой. СПб., 2001.

П. в критике, II — Пушкин в прижизненной критике: 1828–1830 / Под ред. Е. О. Ларионовой; Подгот. текста, коммент. А. М. Березкина, В. Э. Вацуро, С. В. Денисенко, О. Н. Золотовой, Т. А. Китаниной, Т. И. Краснобородько, Е. О. Ларионовой, Е. В. Лудиловой, Г. Е. Потаповой, А. И. Роговой, С. Б. Федотовой. СПб., 2001.

П. в критике, III — Пушкин в прижизненной критике: 1831–1833 / Под ред. Е. О. Ларионовой; Подгот. текста, коммент. А. Ю. Балакина, А. М. Березкина, М. Н. Виролайнен, С. В. Денисенко, Н. Л. Дмитриевой, О. Н. Золотовой, Т. А. Китаниной, Е. О. Ларионовой, Е. В. Лудиловой, Г. Е. Потаповой, А. И. Роговой, С. Б. Федотовой. СПб., 2003.

П. в критике, IV — Пушкин в прижизненной критике: 1834–1837 / Под ред. Е. О. Ларионовой; Подгот. текста, коммент. А. Ю. Балакина, С. В. Денисенко, Е. В. Кардаш, Т. А. Китаниной, Е. О. Ларионовой, Е. В. Лудиловой, А. И. Роговой, С. Б. Федотовой, С. А. Фомичева. СПб., 2008.

ПИМ — Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1956–1962. Т. 1–4; Л. (СПб.), 1967–2004. Т. 5–19.

ПиС — Пушкин и его современники: Материалы и исследования. СПб. (Пг., Л.), 1903–1930. Вып. 1–39.

Письма — Пушкин А. С. Письма. М.; Л., 1926–1928. Т. 1–2 / Под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского; М.; Л., 1935. Т. 3 / Под ред. и с примеч. Л. Б. Модзалевского.

ПСС — Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 1999. Т. 1; 2004. Т. 2.

Пушкин. Б-ка поэта. 1955 — Пушкин А. С. Стихотворения: В 3 т. / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Б. В. Томашевского. Л., 1955. Т. 3. С. 802. (Б-ка поэта. Большая сер.).

РА — журнал «Русский архив».

РЛ — журнал «Русская литература».

РС — журнал «Русская старина».

Рукою П. 1935 — Рукою Пушкина: Несобр. и неопубл. тексты / Коммент. М. А. Цявловского, Л. Б. Модзалевского, Т. Г. Зенгер. М.; Л., 1935.

Рукою П. 1997 — Пушкин А. С. Полн. собр. соч. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). М.: Воскресенье, 1997. Т. 17 (доп.): Рукою Пушкина: Выписки и записи разного содерж. Официальные документы / Отв. ред. Я. Л. Левкович, С. А. Фомичев. 2-е изд., перераб.

Семевский 2008 — Семевский М. И. Прогулка в Тригорское: Биогр. исследования и заметки о Пуш-

кине / Вступ. ст., сост. и примеч. С. В. Березкиной. СПб., 2008.

Фамильные бумаги. Т. 1 — Фамильные бумаги Пушкиных-Ганнибалов. СПб.: Пушк. фонд, 1993. Т. 1: Письма С. А. и Н. О. Пушкиных к их дочери О. С. Павлицевой. 1828–1835 / Пер., подгот. текста, предисл. и коммент. Л. Л. Слонимской.

Фамильные бумаги. Т. 2 — Фамильные бумаги Пушкиных-Ганнибалов. СПб.: Пушк. фонд, 1994. Т. 2: Письма О. С. Павлицевой к мужу и к отцу. 1831–1837 / Пер. и подгот. текста А. Л. Андрес и Н. М. Сперанской; Коммент. А. В. Вострикова и Е. В. Пермякова.

Фамильные бумаги. Т. 3 — Мир Пушкина: Фамильные бумаги Пушкиных-Ганнибалов. СПб., 2003. Т. 3: Семейные предания Пушкиных / Вступ. ст. Я. А. Гордина; Подгот. текста и примеч. Т. И. Краснобородько.

Худ. лит. в 10 т. — Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М.: Худож. лит., 1974–1978.

Черейский — Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. 2-е изд., доп. и перераб. Л., 1988.

Щеголев. Из жизни и творчества П. — Щеголев П. Е. Пушкин: Исследования, статьи и материалы. М.; Л., 1931. Т. 2: Из жизни и творчества Пушкина. 3-е изд., испр. и доп.

Оглавление

Вступление	5
Политическая лирика Пушкина середины 1820-х гг.	9
История стихотворения «Пророк» как выражение смены творческих приоритетов в биографии Пушкина рубежа 1826–1827 гг. ...	78
Проблема религиозности поэта.	141
Идея империи в откликах Пушкина на польскую военную кампанию 1794 г.	249
Заключение	304
Условные сокращения	310

Научное издание

С. В. Березкина

«Так некогда поэт...»

Проблемы научной биографии Пушкина

Художник Е. П. Фокина

Верстка И. И. Фокин

Корректор П. В. Матвеев

Подписано в печать 31.03.10 г. Формат 70 x 100^{1/32}.

Гарнитура «Арно Про».

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Тираж 300 экз. Заказ №

Издательство «Пушкинский Дом».

Директор Е. И. Гончарова.

199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4.

Тел. (812) 715 49 11

Факс (812) 343 09 38

www.pushkindom.ru

e-mail: pushkindom2008@yandex.ru

Реализация книг издательства

за пределами Российской Федерации:

KUBON & SAGNER Buchexport-Import GmbH

Heßstrasse 39/41. D-80798. München (Germany)

www.kubon-sagner.de

Отпечатано с готовых диапозитивов в ООО «Савож»

Санкт-Петербург, ул. Жукова, д. 18

Тел. (812) 740 77 99

В оформлении обложки использована работа Е. С. Кругликовой
«А. С. Пушкин в цилиндре». 1930-е г. Чернь. Бумага. ГМП.

Издательство «Пушкинский Дом» вышел в свет:

Семевский М. И. Прогулка в Тригорское: Биографические исследования, заметки и записи о Пушкине / Сост., вступ. ст. и примеч. С. В. Березкиной. — СПб., 2008. — 445 с., ил.

В книге впервые в полном объеме собраны статьи, заметки и неопубликованные записи о Пушкине историка Михаила Ивановича Семевского (1837–1892), одного из самых крупных биографов поэта XIX в. Представлен текст знаменитой статьи «Прогулка в Тригорское» с исправлениями и дополнениями автора, а также обнаруженная в архиве Пушкинского Дома уникальная запись воспоминаний А. Н. Вульфа. Пушкиноведческие статьи Семевского снабжены обширным академическим комментарием. Книга сопровождается рисунками Пушкина, портретами современников поэта из коллекции Литературного музея Пушкинского Дома, некоторые из них публикуются впервые.

А. С. Пушкин: Документы к биографии: 1830–1837 / Сост. С. В. Березкиной, В. П. Старка; Подгот. текстов С. В. Березкиной, И. В. Васильевой, А. В. Дубровского, Т. И. Красноборода, А. С. Лобановой, В. П. Старка; Примеч. С. В. Березкиной. — СПб., 2010. — 000 с.

Книга завершает издание, которое было начато в 2007 г. первым томом «А. С. Пушкин: Документы к биографии (1799–1829)». Второй том охватывает период до 1837 г., причем в него вошел и комплекс документов, появившихся после смерти поэта. В издании публикуются документальные материалы различных архивов (ИРЛИ, ГАРФ, РГИА, ЦИАМ, АВПРИ и др.). Документы дают красочную, глубокую и свежую по восприятию картину жизни Пушкина. Тематический диапазон охваченных архивных материалов очень широк — это геральдические источники, документы различных учреждений и ведомств, метрические и исповедные книги, свидетельства полицейской слежки, доверенности и квитанции денежного характера, камер-фурьерские журналы. Ко всему своду документов дан полный комментарий биографического, историко-литературного и общественно-исторического характера. Предметно-тематический указатель к изданию, помещенный во втором томе, свидетельствует о широчайшем охвате отражаемой в нем картины. Издание представляет собой значительный вклад в разработку проблем научной биографии Пушкина.